

Е.П. ЯНИН

**Академик В.И. Вернадский
в 1917 году**

Москва – 2023

Е.П. Янин

**Академик В.И. Вернадский
в 1917 году**

Москва – 2023

УДК 550.4+930+929

ББК 26.30:63.3

Я62

Янин Е.П. Академик В.И. Вернадский в 1917 году. – М.: НП «АРСО», 2023. – 264 с.

В книге рассказывается о деятельности академика Владимира Ивановича Вернадского в 1917 г. в Государственном совете Российской империи, конституционно-демократической партии, Министерстве народного просвещения Временного правительства, Академии наук, Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, Сельскохозяйственном ученом комитете Министерства земледелия, в других организациях, обществах и академических комиссиях, а также о его творческой работе над биогеохимией и геохимическим значением живого вещества.

Рецензенты:

доктор биологических наук, профессор *В.В. Ермаков*,
кандидат геолого-минералогических наук *В.А. Килипко*

ISBN 978-5-6050678-2-5

© Е.П. Янин, 2023

*Памяти моего друга
Владимира Александровича Шмаранова (1954–2020) –
человека житейской надежности
и бескорыстной отзывчивости*

*Мы познаем истину не только разумом,
но и сердцем.*
Блез Паскаль

*Мир как будто раскололся,
и трещина прошла по моему сердцу.*
Генрих Гейне

ОТ АВТОРА

В 1943 г. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), подводя итоги своей жизни, размышлял: «Если мне суждено будет еще прожить, хотел бы написать еще “Пережитое и передуманное”. Я видел столько удивительных людей в разных странах, в частности, кроме России, во Франции, Англии, Бельгии, Австрии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Италии, Голландии, Ирландии, Германии, в США, Дании, Финляндии, Польше, Греции, Румынии, Венгрии. И я пережил сознательно такие мировые события, которые никогда не бывали» [273, с. 83].

К таким «мировым событиям» относятся те, которые произошли в России в 1917 году. Эти события, сопровождавшиеся, говоря словами самого Вернадского, вихрем политических, социальных и национальных потрясений, сейчас хорошо известны по многочисленным историографическим трудам, большому количеству опубликованных воспоминаний их участников и очевидцев, по документальным источникам. В силу различных причин невероятно разносторонняя (научная, организационная, общественная, политическая, государственная) деятельность Вернадского в 1917 году освещена в литературе недостаточно полно. В этот переломный для страны год академик Вернадский – член Государственного совета Российской империи и Центрального комитета конституционно-демократической партии народной свободы, активно работает в Академии наук, возглавляет Геологический и Минералогический музей имени Императора Петра Великого и его Минералогическое отделение, руководит Комиссией по изучению естественных производительных сил России, сотрудничает в других

организациях, обществах и академических комиссиях. Он – председатель Сельскохозяйственного ученого комитета при Министерстве земледелия, член Присутствия Геологического комитета, председатель Комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям и член Комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения, с августа 1917 г. – товарищ (заместитель) министра народного просвещения во Временном правительстве, где отвечал за вопросы высшей школы и государственной организации научных исследований.

В конце своей жизни Вернадский отметил: «Я не был политиком. Первое место в моей жизни занимало и занимает научное искание, научная работа, свободная научная мысль и творческое искание правды личностью. Она шла при этом в своеобразной общественной моральной оболочке, наложившей неизгладимый след на всю мою жизнь – в тесном дружеском кружке “братства”» [62, с. 370]. Он не раз подчеркивал, что во многом его участие в деятельности «Союза освобождения», в кадетской партии, во Временном правительстве было следствием упомянутой «общественной моральной оболочки»¹ – его друзья и близкие ему люди звали его в конституционно-демократическую партию, приглашали его во Временное правительство – он не мог отказать им и активно включался в работу, особенно если она способствовала «максимальной свободе мысли», была связана с научно-организационной деятельностью, с разработкой научных прикладных программ освоения природных богатств страны. В статье «1911 год в истории русской умственной культуры» Вернадский отметил, что в огромном своем большинстве научная, академическая среда чужда политике. «Только тяжелые условия нашей жизни принудили нас с ней считаться, долгим печальным опытом мы поняли, как много связано для нашего национального дела с политическими стремлениями родины» [27, с. 329].²

¹ В декабре 1942 Вернадский записал в дневнике: «Стал кадетом, т[ак] к[ак], с одной стороны, – незаметно, жизненно через Братство, «Союз освобождения», земская дружеская среда. Из этих корней выросла моя партийность к[онституци-онно]-д[емократическая] – незаметно бытовым путем» [69, с. 455].

² «С 1906 г. я непрерывно выбирался в Государственный совет от высшей школы и от Академии наук. Однако политическая деятельность меня мало затрагивала, и я рассматривал ее как исполнение морального долга гражданина» [62, с. 373].

Действительно, основным делом для Вернадского всегда – в любые времена и в любых условиях – была научная работа натуралиста, которую в 1917 г. ему пришлось «судьбой истории вести в эпоху величайшего потрясения» [68, с. 44]. Тем не менее он был убежден, что «в изменчивом бурном потоке переживаемой нами мировой катастрофы, где, как щепка, несется человек и где рушились и пошатнулись вековые и новые устои, наш устой – научная деятельность – остался нетронутым. Пошатнулись и требуют пересмотра и изменения из глубины веков поднимающиеся выражения задач человеческой деятельности, даваемые религией; пошатнулись и требуют пересмотра и изменения создания новых веков, еще недавно казавшиеся столь могучими идеалы различных форм социализма и социальных учений, но остались прочными и не сдвинулись с места, выросли и углубились в буре и натиске те цели жизни, какие наука дает своим служителям. Эта точность в натисках бури нашей жизни научной работы среди крушения и изменения других целей жизни заставляет всех, кто стал в ряды научных работников, крепче, смелее и решительнее идти по выбранному ими пути искания научной истины – как по пути, оправданному жизнью» [68, с. 46]. Он верил в будущее России, записав 6 ноября 1917 г. в дневнике: «Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить» [56, с. 32].

В предлагаемой книге на основе опубликованных источников и архивных материалов рассказывается о деятельности академика Вернадского в Государственном совете Российской империи, конституционно-демократической партии, в Министерстве народного просвещения Временного правительства, в Академии наук, Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, Сельскохозяйственном ученом комитете Министерства земледелия, в других организациях, обществах и академических комиссиях, а также о его творческой работе над биогеохимией и геохимическим значением живого вещества, которая, начиная с 1917 г., стала для него «главным делом жизни».

В используемых в книге цитатах и архивных материалах авторские подчеркивания выделены курсивом; неразборчиво написанные слова помечены как <нрзб>, условно расшифрованные слова даны как <нрзб?>; части недописанных и сокращенных слов приведены в [квадратных скобках]. Пропуск текста в архивных материалах и цитатах обозначен как <...>. Пропущенные слова и слова, введенные публикатором для лучшего понимания смысла, заключены в <угловые

скобки>. Цифры в основном тексте книги, ограниченные [квадратными скобками], служат отсылкой к библиографическому источнику в списке литературы. Фотографии взяты из свободного доступа в сети «Интернет». Даты для 1917 даются по старому стилю.³

Книга подготовлена в рамках бюджетной темы Группы «Научное наследие В.И. Вернадского и его школы» ГЕОХИ РАН (FMUS-2019-0005) «Исследование неопубликованного творческого наследия академиков В.И. Вернадского и А.П. Виноградова в свете актуальных задач геологии и геохимии».

*Е.П. Янин, канд. геол.-мин. наук,
руководитель Группы «Научное наследие В.И. Вернадского
и его школы», Институт геохимии и аналитической химии
им. В.И. Вернадского РАН*

³ Переход на новый стиль был осуществлен в соответствии с декретом СНК РСФСР от 24 января 1918, когда после 31 января 1918 наступило сразу 14 февраля 1918.

В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Государственный совет был создан⁴ 1 января 1810 г. и до 1906 г. являлся высшим законосовещательным учреждением Российской империи. Законодательной инициативой в этот период он не обладал – внесение законопроектов в Государственный совет (Госсовет) определялось волей царя. Законопроекты обсуждались в департаментах Госсовета, затем выносились на его общее собрание и после утверждения императором получали силу закона [109, 277, 278].

*Государственный совет. Мариинская площадь.
Петроград. Открытое письмо.*

В феврале 1906 г.⁵ (с созданием Государственной думы) Государственный совет Российской империи был реформирован в верхнюю законодательную палату и, получив право законодательной инициативы (исключая вопросы изменения Основных законов), стал участвовать в законодательной деятельности на равных правах с Государственной

⁴ Преобразован из так называемого Непременного совета, существовавшего с 1801, в соответствии с «Планом государственного преобразования» графа М.М. Сперанского (1772–1839) для централизации законодательной практики и унификации юридических норм.

⁵ Высочайший манифест от 20 февраля 1906 «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы».

думой [93, 109, 265, 281]⁶. В Госсовет поступали на обсуждение законопроекты, рассмотренные в Государственной думе; если законопроект первоначально обсуждался в Госсовете, то он поступал на рассмотрение в Государственную думу. Государственный совет состоял из равного числа назначаемых императором членов и выборных членов. Министры присутствовали на его заседаниях по должности, но голосовать имели право, только являясь членами Госсовета. Члены Государственного совета по Высочайшему назначению увольнялись исключительно по их личной просьбе. Члены Госсовета по выборам избирались: от губернских земских собраний – по 1 человеку; от губернских и областных дворянских обществ – 18 человек; от российской православной церкви – 6 человек (избирались Синодом по представлению епархиальных архиереев); от крупнейших организаций промышленников и торговцев – 12 человек; от академиков и профессоров университетов (от так называемой академической курии) – 6 человек (Академия наук и каждый университет избирали 3-х выборщиков из числа ординарных академиков или профессоров, которые на общем собрании избирали членов Госсовета)⁷; финляндский сейм избирал 2 человека. Члены Государственного совета (за исключением членов от губернских земских собраний) избирались на 9 лет, каждые три года треть членов Госсовета обновлялась: на место выбывавших по жребию избирались новые.

Выборы в Госсовет от академической курии были двухступенные: на первой стадии Императорская Академия наук и каждый императорский российский университет избирали по три кандидата (по три выборщика), затем съезд этих выборщиков, собиравшийся в Петербурге, выбирал из своей среды шесть членов Государственного совета. Избрание выборщиков происходило на общих собраниях Академии наук

⁶ Председатели реформированного Госсовета: Э.В. Фриш – 1906; М.Г. Акимов – 1907–1914; с июня 1914 по июнь 1915 должность председателя Госсовета замещалась С.С. Манухиным и И.Я. Голубевым, с июня 1915 по 1916 А.Н. Куломзинным; И.Г. Щегловитов – январь-февраль 1917. Государственные секретари: Ю.А. Иксуль фон Гильденбандт (в 1904–1909), А.А. Макаров (1909–1911), С.Е. Крыжановский (1911–1917).

⁷ Отличительная особенность правового статуса члена академической группы Госсовета – обязательное наличие особого для них ценза, а именно – состояние в должности ординарного академика Императорской Академии наук либо ординарного профессора одного из Императорских российских университетов [14].

и Советов университетов⁸. Надо заметить, что члены Государственного совета от Академии наук имели исключительный правовой статус, поскольку пожизненное звание ординарного академика предоставляло определенные гарантии несменяемости в течение созыва Госсовета и, следовательно, максимальной формальной независимости от исполнительной власти при осуществлении депутатских полномочий [14].

В.И. Вернадский среди избранных членов Государственного совета, 1906 г.

Академическая группа, несмотря на свою малочисленность (примерно 3% от всего состава Госсовета), была, как отметил С.Б. Арчegov [12–14], одной из наиболее сплоченных и самой активной из всех групп, представленных в составе Государственного совета в 1906–1917 гг. Во многом это объяснялось тем, что многие депутаты от

⁸ В 1906–1916 в России (без учета Гельсингфорского в Великом княжестве Финляндском) имелось 10 университетов: Варшавский, Казанский, Московский, Новороссийский (Одесса), Петербургский, Св. Владимира (Киевский), Томский, Харьковский, Юрьевский и (с 1909) Саратовский.

академической курии были членами конституционно-демократической (кадетской) партии или поддерживали ее политический курс, что способствовало их максимальной сплоченности при голосовании по ключевым законопроектам. Как удачно выразился автор цитируемых выше работ, вклад, который внесла академическая группа в законотворческую работу Госсовета, обратно пропорционален ее численности⁹. Она не раз добивалась поддержки большинства общего собрания Государственного совета, что, в частности, достигалось путем активного участия ее представителей в прениях по спорным законопроектам, когда решения принимались с разницей всего лишь в два голоса, а в комиссиях Государственного совета – в один [14].

В.И. Вернадский трижды избирался в Государственный совет от академической курии (дважды от университетов и один раз от Академии наук): был его членом в 1906 г.¹⁰, в 1907¹¹–1911¹² гг. и в 1915–1917 гг. (избран 25 сентября 1915 г.).

Надо сказать, что в 1906 г. Вернадский, судя по всему, без особого энтузиазма и даже с беспокойством отнесся к выдвижению своей кандидатуры на выборах в Государственный совет. Так, 14 марта 1906 г. он писал сыну Георгию: «Грозит большая опасность попасть в Государственный совет – надеюсь отпарировать <...> тратить время на

⁹ К февралю 1917 она состояла из трех академиков: В.И. Вернадского, М.А. Дьяконова и С.Ф. Ольденбурга и трех профессоров: А.В. Васильева, Д.Д. Гримма и князя Е.Н. Трубецкого.

¹⁰ Вернадский принимал участие в работе 1-й сессии Госсовета с 27 апреля по 10 июля 1906, но в связи с роспуском Государственной думы указом царя от 8 июля 1906 подал официальное заявление об отставке из Госсовета 13 июля 1906, о чем в этот же день написал жене и добавил, что «теперь в общем свободен» [63, с. 229].

¹¹ С февраля 1907 Вернадский – вновь член Госсовета [91], о чем 6 февраля 1907 с сожалением писал А.С. Лаппо-Данилевскому: «Завидую Вам, что Вы избежали новых выборов в Государственный совет. Я хочу настаивать, чтобы не выбирали старых...» [163, с. 156].

¹² Госсовет на заседании 15 марта 1911 признал Вернадского выбывшим из его состава, поскольку он в знак солидарности с руководством Московского университета покинул его стены и был министром народного просвещения уволен от должности ординарного профессора указанного учебного заведения. В голосовании по этому вопросу «посредством подачи записок приняло участие 134 лица. За принятие предложения Комиссии <личного состава и внутреннего распорядка> запиской “да” высказались 113 лиц, против предложения Комиссии записками “нет” высказалось 21 лицо» [92, стлб. 1368].

дело, может быть, бесполезное – не хочу» [163, с. 155]. Позже, уже став членом Госсовета, относился к его деятельности достаточно скептически¹³. В частности, 1 мая 1906 г. он в журнале «Свобода и культура» опубликовал статью «О Государственном совете», которую начал следующими словами: «Государственный совет, реорганизованный 20 февраля 1906 г. – если его оценивать с точки зрения государственной целесообразности – несомненно представляет из себя одно из самых неудачных и самых бесцельных созданий бюрократического законодательного творчества последних месяцев» [25, с. 329]. 24 мая 1906 г. в «Русских ведомостях» Вернадский отметил, что при создании Государственного совета «преследовались цели государственного характера, цели, связанные с правильной организацией народного представительства. На скорую руку и спешно старый Государственный совет был переделан в учреждение, имевшее наружный облик второй палаты. Но эта переделка делалась в целях политических, а не государственных». Государственный совет «лишен права выбирать председателя, товарища председателя и секретаря. Они все назначаются, причем государственный секретарь определяется из посторонних лиц, не являющихся членами Совета», а состав Госсовета «таков, что он не может содействовать разрешению главных вопросов государственной жизни России. <...> Общество и народ могут только провести в Совет небольшое количество лиц, защищающих их интересы, но эти лица всегда и неизбежно будут составлять меньшинство Совета, представлять в нем оппозицию» и «всегда находиться в среде, в значительной своей части им прямо враждебной» [26].

Тем не менее к своим новым обязанностям Вернадский относился ответственно¹⁴. На заседаниях Совета и его комиссий он участвовал в обсуждениях и прениях по разным (особенно близким ему) вопросам, например, о расширении средств и личного состава Геологического

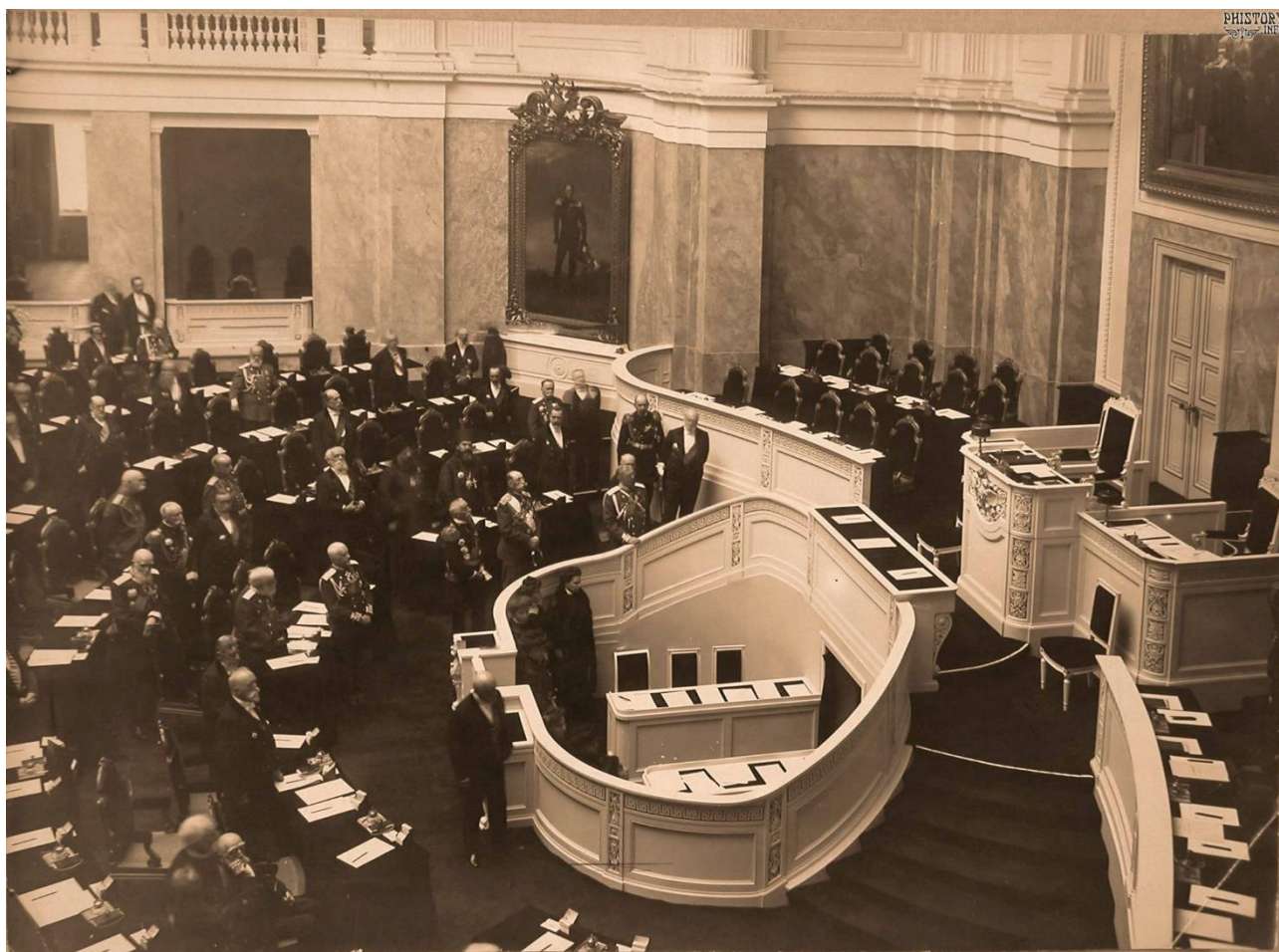
¹³ В письме к Я.В. Самойлову 13 августа 1906 он даже написал, что в Государственном совете увидел «людей, нищих духом – а в их руках власть» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1997, л. 25 об.).

¹⁴ Выборные члены Госсовета получали во время сессии суточное содержание (по 25 рублей), а также раз в год – путевые издержки (по 5 копеек за версту от места жительства до столицы и обратно). Таким образом, выборный член «второй палаты» в год обходился казне приблизительно в 6,5 тыс. рублей, а вся выборная половина Совета – около 650 тыс. рублей [18]. Известно, что Вернадский, по крайней мере при первом своем избрании в состав Госсовета, от суточного довольствия отказался.

комитета, о завершении работы над геологической картой Европейской части России, о принятии мер к организации точной топографической съемки страны и создании для этой цели специализированного учреждения; о деятельности русского Дунайского пароходства; финансовом положении российских университетов и оплате труда профессоров; уставе научных учреждений и учебных заведений, создании университета в Крыму и др. Вернадский входил в состав специальной Комиссии по обсуждению законопроекта о смертной казни (1906 г.), Аграрной комиссии (избран в октябре 1909 г.), Экономической комиссии (с февраля 1916 г.), Русского парламентского экономического комитета, входившего в состав межпарламентской постоянной торговой Конференции союзных держав (с марта 1916 г.), различных согласительных комиссий для обсуждения возникших между Государственной думой и Государственным советом разногласий по ряду законопроектов [163, 283].

В 1917 г. очередное (плановое) заседание Государственного совета состоялось 14 февраля (вторник). Председательствовал на нем И.Г. Щегловитов, который предложил членам Совета выразить «верноподданнические чувства Государю Императору», что было поддержано многократным «ура» [90]. На этом заседании профессор Д.Д. Grimm – член Госсовета по выборам от академической курии – просил председателя дать ему возможность выступить с внеочередным заявлением от членов Совета, принадлежащих к левой группе, в котором он хотел бы осветить настоящее политическое положение, но И.Г. Щегловитов ответил ему отказом. В ответ на это Д.Д. Grimm обратился с просьбой дать ему возможность зачитать внеочередное политическое заявление, но опять получил отказ. В знак своего несогласия с этим решением Д.Д. Grimm вместе с левыми, частью центра и внепартийными покинули зал заседания. Есть все основания считать, что Вернадский был в числе покинувших заседание. Так, 20 февраля в канцелярию Госсовета было направлено заявление за подписью его 37 членов. В заявлении говорилось о том, что председательствовавший 14 февраля И.Г. Щегловитов не имел права отказывать членам Государственного совета барону В.В. Меллер-Закомельскому и Д.Д. Grimm в их праве выступить с речами. От левой группы, состоявшей на 20 января 1917 года из 20 членов, это заявление подписали 15 человек, в том числе и Вернадский [162]. Надо заметить, что на указанном выше заседании Госсовета обсуждались вопросы, мягко говоря, мало отвечающие сложившейся к тому времени в стране политической ситуации. Среди них были,

например, вопросы, относящиеся к изготовлению и продаже крепких напитков, об установлении положения об округе санитарной охраны Ладожского водопровода, об обеспечении на случай болезни мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих в Государственной типографии, в сенатской типографии, в заведениях Министерства финансов, об учреждении женской фабричной инспекции, об изменении некоторых постановлений об учащих в средних мужских учебных заведениях; обсуждались также доклады Комиссии личного состава и внутреннего распорядка и Комиссии по военным сухопутным и морским делам и т. п.

*Заседание Государственного совета в Мариинском дворце.
Петербург. 1908 г.*

Примерно с начала 1990-х гг. в ряде публикациях (некоторые из них цитируются – в хронологическом порядке – ниже) настойчиво приводится информация о том, что В.И. Вернадский – как член Государственного совета – якобы на его заседании 26 февраля 1917 г.

подписал телеграмму¹⁵ Николаю II, призывающую последнего «отречься от престола».

Так, в одной из первых таких публикаций заявлено, что «в первый же день, когда Временный комитет Государственной думы взял на себя ответственность за страну, в газетах, переполненных восторженными статьями “по случаю наступления свободы”¹⁶, появилась телеграмма четырех выборных членов Государственного совета царю в Ставку. Они сообщали о перевороте и предлагали отречься от престола. Среди трех других под телеграммой стоит подпись Вернадского» [2, с. 108–109].

«26 февраля 1917 года последний раз заседает Государственный Совет. <...> Единственной акцией Государственного Совета в наступивших событиях стала телеграмма царю в ставку. Она опубликована во всех газетах среди ликующих репортажей о победе свободы и демократии. Члены Совета предлагали Николаю отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному Комитету Государственной Думы¹⁷. Под телеграммой стоят подписи четырех выборных членов, том числе Вернадского и Ольденбурга» [3, с. 215–216].

«26 февраля 1917 г. члены Государственного Совета послали царю в Ставку телеграмму, в которой предлагали Николаю II отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному комитету Государственной думы. Среди подписавших этот документ четырех выборных членов – В.И. Вернадский» [147, с. 195]¹⁸.

«26 февраля 1917 г. последний раз заседает Государственный Совет. <...> Единственной акцией Госсовета стала телеграмма царю в Ставку. Она опубликована во всех газетах среди ликующих

¹⁵ Полный текст телеграммы в этих публикациях не приводится, не указывается также соответствующий документальный (или архивный) источник.

¹⁶ «События Февральской революции были встречены большинством либерального научного сообщества с сочувствием и даже сопровождалась выражениями восторга» [223, с. 19].

¹⁷ Временного комитета Государственной думы, о котором сообщается в этой и ниже цитируемых работах, 26 февраля 1917 еще не существовало. Надо заметить, что несколько странным выглядит и «предлагаемый» царю порядок его действий – сперва отречение от престола, затем (после «отречения») смещение правительства и потом уже передача власти..., причем все это должно произойти уже после «свершившегося государственного переворота», т. е. насильственного захвата (некими силами) власти.

¹⁸ Дается ссылка на [3].

репортажей о победе свободы и демократии. Члены Совета предлагали Николаю отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному комитету Государственной Думы. Под телеграммой стоят подписи и четырех выборных членов, в том числе Вернадского и Ольденбурга» [4, с. 193–194].

«Двадцать шестого февраля 1917 года последний раз заседает Государственный совет. <...>. Единственной акцией Государственного совета в наступивших событиях стала телеграмма царю в Ставку. Она была опубликована во всех газетах среди ликующих репортажей о победе свободы и демократии. Члены совета предлагали Николаю отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному комитету Государственной думы. Под телеграммой стояли подписи четырех выборных членов, в том числе Вернадского и Ольденбурга» [5, с. 205].

«В числе четырех авторитетных членов Госсовета В.И. Вернадский отправил телеграмму царю о необходимости отречения (март 1917 г.)» [21, с. 344].

«Единственной акцией Государственного совета в революционных событиях 1917 г. стала телеграмма царю в Ставку. Она опубликована во всех газетах среди ликующих репортажей о победе свободы и демократии. Члены Совета предлагали Николаю отречься от престола, отправить правительство в отставку и передать власть Временному комитету Государственной Думы. Под телеграммой стоят подписи четырех выборных членов Совета, в том числе Вернадского и Ольденбурга» [6, с. 140].

Вернадский, «бывший член Временного комитета (ВК) III Государственной думы¹⁹, академик РАН²⁰», был «в числе четырех выборных членов ВК подписал телеграмму в Ставку Верховного главнокомандующего, в которой сообщалось Императору о перевороте и предлагалось отречься от престола» [82, с. 59].

«Партия кадетов с момента ее основания стала играть большую роль в общественно-политической жизни России. Это в полной мере относится и к Вернадскому. В качестве ее делегата от Академии наук, Московского и Петербургского ун-тов Владимир Иванович вошел в

¹⁹ Вернадский никогда не был «членом Временного комитета (ВК) III Государственной думы».

²⁰ В то время Вернадский был академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

выборную часть Государственного совета (тот, который Репин изобразил на знаменитой картине) и Госдуму. Он был среди членов Госсовета, подписавших телеграмму Николаю II с предложением отречься от престола и передать власть Временному комитету Госдумы» [154, с. 108²¹].

«Непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург и председатель КЕПС В.И. Вернадский были в числе членов Государственного совета, пославших 26 февраля 1917 г. телеграмму Николаю II с предложением отречься от престола» [136, с. 168].

«Вернадский был среди членов Государственного совета, пославших 26 февраля 1917 г. Николаю II в Ставку телеграмму с предложением отречься от престола» [181, с. 55].

Примеры можно продолжить.

Телеграмму «Государственного совета» от 26 февраля 1917 г. с требованиями к Самодержцу Всероссийскому «отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному Комитету Государственной Думы» обнаружить не удалось, да и вряд ли такая телеграмма была направлена царю.

Напомним кратко, как развивались события тех дней.

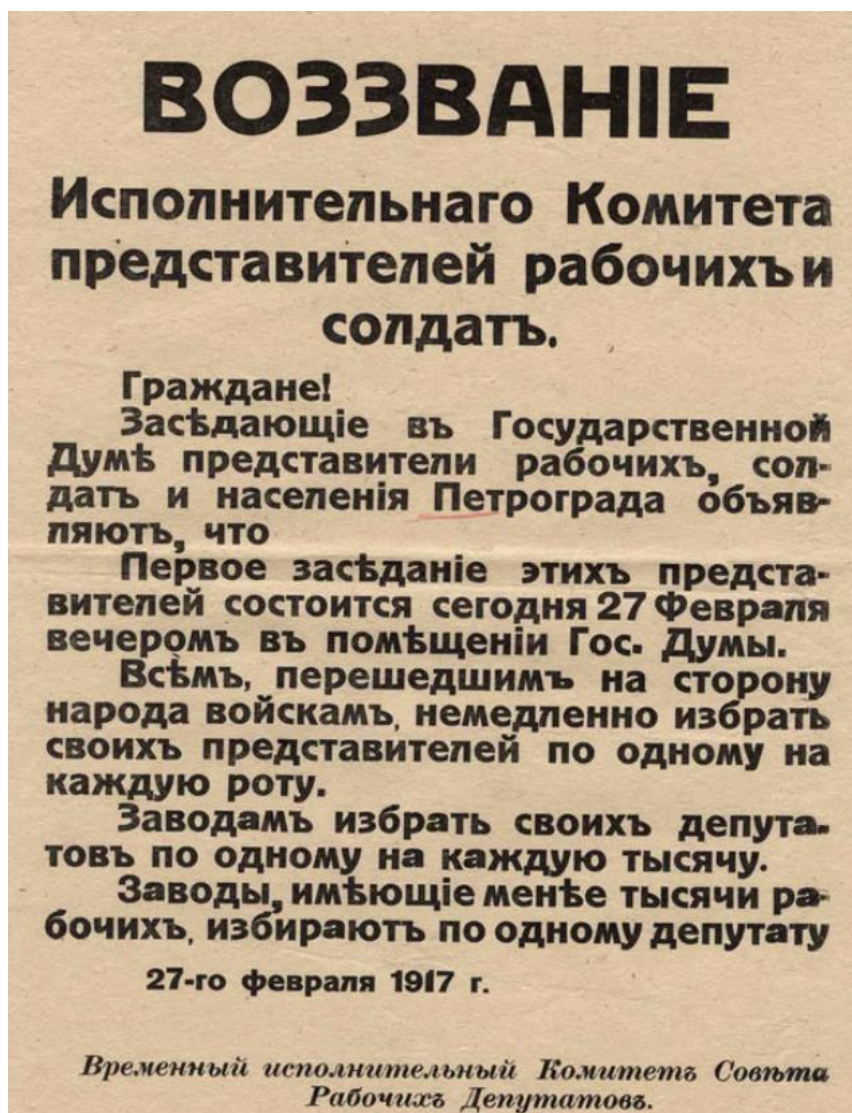
23 февраля 1917 г. в Петрограде начались демонстрации, 25 февраля столицу империи «сковала всеобщая стачка», «организованная социалистами» и носившая «революционный и антивоенный характер» [236, с. 585]. Днем 26 февраля²² первой восстала 4-я рота запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка, 27 февраля поднялись запасные батальоны лейб-гвардии Волынского²³, Преображенского, Литовского и других полков. По решению Совета министров его председатель князь Н.Д. Голицын вписал в чистый бланк с царской подписью указ о перерыве с 26 февраля занятий Государственной

²¹ В этой публикации сообщается, что в ее основу положен доклад, прочитанный на XI Международной конференции «Крым-2013» в Симферополе, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского. Большая часть информации в данной цитате не соответствует действительности.

²² Как отметил Н.Н. Суханов в своих «Записках о революции», «тот день, действительно, прошел под знаком решительных мер и применения оружия» [246, с. 63].

²³ «Утром 27 февраля был убит начальник учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, штабс-капитан Лашкевич, и солдаты, соединившись с нижними чинами лейб-гвардии Преображенского полка, с оружием в руках, нестройной толпой, направились по улицам» [144, с. 245].

думы и Государственного совета с обещанием возобновить их не позднее апреля²⁴. 27 февраля²⁵ ровно в полночь Совет старейшин Думы образовал (под председательством октябриста М.В. Родзянко) Временный комитет Государственной Думы (Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями, Исполнительный комитет Госдумы), направивший в министерства и ведомства своих комиссаров, которые действовали до вступления в должность новых министров. В состав Временного комитета Государственной думы (ВКГД) также вошли правые – В.В. Шульгин и В.Н. Львов, октябристы – С.И.

*Воззвание Исполнительного Комитета
представителей рабочих и солдат*

²⁴ Согласно этому указу, «занятия Гос. думы и Гос. совета прервать 26-го февраля года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». Совет старейшин Государственной думы, собравшись в экстренном заседании и ознакомившись с указом о роспуске, постановил: «Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах» [23].

²⁵ «Наступило приснопамятное 27 февраля. <...> Указ о роспуске Государственной думы объявлен, и Дума ответила на него отказом разойтись, избрав Временный комитет Государственной думы из представителей всех фракций (кроме правой)» [246, с. 73].

Шидловский и И.И. Дмитриюков, «прогрессисты» – В.А. Ржевский и А.И. Коновалов, кадеты – П.Н. Милюков и Н.В. Некрасов, трудовик А.Ф. Керенский, меньшевик Н.С. Чхеидзе, «независимый» М.А. Караулов, в ночь на 28 февраля в Комитет был кооптирован комендант петроградского гарнизона Б.А. Энгельгардт.²⁶ Вечером того же дня князь Н.Д. Голицын уведомил М.В. Родзянко об уходе правительства в отставку.

27 февраля был создан Петроградский совет рабочих депутатов во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе. Таврический дворец стал центром новой власти, в котором образовалось два соперничающих лагеря: кадетско-либеральный (вокруг ВКГД) и революционный (вокруг Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов²⁷) [236]. Это двоевластие и стало, по словам В.И. Ленина²⁸, в высшей степени замечательным своеобразием Февральской революции²⁹.

2 марта Николай II отрекся от престола за себя и за малолетнего сына Алексея в пользу младшего брата Михаила Александровича³⁰, 3 марта последний тоже отказался от престола, 2 марта было образовано Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым.

Последнее (официальное) заседание Государственного совета (14-е заседание XIII сессии) состоялось не 26 февраля, а 20 февраля 1917 г. На нем – наряду с кадровыми вопросами – обсуждался доклад Комиссии по делам торговли и промышленности по законопроекту о льготном привозе некоторых иностранных товаров в Сибирь через устье реки Енисея и ряд организационных вопросов.

²⁶ ВКГД был упразднен Временным правительством в связи с изданием акта о роспуске Государственной думы 6 октября 1917; 18 декабря 1917 декретом СНК упразднена Канцелярия ВКГД. Подробнее см. [23, 175].

²⁷ В августе 1917 Петросовет переехал в Смольный.

²⁸ *Ленин Н.* <В.И. Ленин> О двоевластии // Правда, 1917, 9 апреля, № 28, с. 2.

²⁹ «Совет рабочих и солдатских депутатов <...> готовился к захвату власти в будущем. <...> Временное правительство <...> сразу поставило себя в подчиненное в отношении Совета положение» [19, с. 75–76]. В.Н. Коковцов: «Весна 1917 года прошла в каком-то чаду, под неумолкаемый гул выстрелов на улицах и под гнетом ежедневных декретов Временного правительства, расшатывавших нашу государственную машину с какой-то злорадной поспешностью и незаметно, но верную рукою подготавливавших захват власти большевиками» [132, с. 347].

³⁰ Подробнее о событиях тех дней см. [188].

Следующее заседание Госсовета было назначено на понедельник, на «27 февраля, в 2 часа пополудни, причем предметами занятий будут: 1) доклады Комиссий по делам народного просвещения и финансовой по законопроекту об учреждении Тифлисского политехнического института и 2) доклад соединенных Комиссий экономической и законодательных предположений по делу о кооперативных товариществах и их союзах» [90, с. 682]. Однако это заседание Госсовета не состоялось, поскольку утром указанного дня, как уже отмечено выше, «был опубликован высочайший указ о перерыве занятий законодательных учреждений, а к вечеру того же дня уже начало выясняться победное шествие революционного движения, приведшего к падению монархии и переходу власти в руки Временного правительства» [94, с. 206]. Тем не менее М.М. Grimm вспоминает, что пришедшие в Мариинский дворец члены Госсовета собрались на неофициальное собрание, которое затянулось до ночи. «Оно постановило по предложению М.А. Стаховича³¹ отправить государю телеграмму за подписью всех участвовавших в совещании членов Государственного совета. Составление текста телеграммы было поручено кн[язю] Е.Н. Трубецкому³² и А.И. Гучкову³³. В телеграмме говорилось, что такие-то нижеподписавшиеся

³¹ Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – общественный и политический деятель, поэт. Окончил Училище правоведения (1882). Уездный и губернский земский гласный, уездный и губернский предводитель дворянства в Орловской губернии. Один из основателей Союза 17 октября, депутат I–II государственных дум (1905–1906), один из создателей думской фракции мирного обновления, член Государственного совета от Орловского губернского земства (1907–1917). После Февральской революции – генерал-губернатор Финляндии. В сентябре 1917 подал в отставку и был назначен послом в Испанию. После прихода к власти большевиков эмигрировал во Францию.

³² Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – философ, правовед, публицист, общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Преподавал в Демидовском лицее в Ярославле, Киевском и Московском университетах. Один из основателей партии мирного обновления. Член Государственного совета в 1907–1908, 1915–1917.

³³ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – общественный и политический деятель. Участник земских и городских съездов (1905), один из основателей и председатель ЦК Союза 17 октября. Сторонник политики П.А. Столыпина. Член Государственного Совета (1907). Депутат (1907–1912) и председатель (1910–1911) III Государственной думы. Сложил полномочия председателя в знак протеста против незаконных действий правительства при проведении закона о земстве в шести губерниях Западного края. С начала Первой мировой войны обоуполномоченный Российского общества Красного Креста на фронте,

члены Государственного совета *почитают своим верноподданническим долгом*³⁴ указать на крайне тревожное положение дел в столице, на опасность, угрожающую династии, на настоятельную необходимость изменения правительственного курса и в связи с этим на необходимость перемен в составе правительства, не пользующегося ни авторитетом, ни общественным доверием, к тому же успевшего уже обнаружить полную неспособность справиться с мятежным движением. Телеграмма немедленно была вручена А.И. Гучкову, который взялся добиться отправки ее от главного начальника почты и телеграфа. Дошло ли оно по назначению, мне неизвестно. <...> В ту же ночь Мариинский дворец подвергся нападению и разгрому со стороны хулиганствовавшей толпы. Три министра, не успевшие оставить дворец ко времени прихода толпы, <...>, избегли ареста лишь благодаря тому, что им удалось укрыться в подвалах дворца» [94, с. 211].³⁵

Текст телеграммы 22-х выборных членов, которую подписал и Вернадский, была действительно направлена Николаю II в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. В этой телеграмме нет ни слова о требовании отречения царя от престола и т. п., подписана она следующим образом: «*Вашего Императорского Величества верноподданные члены Государственного совета: <....> Вернадский, <...> Ольденбург...*».

Именно эта телеграмма и была опубликована во многих газетах, в том числе, например, в газете «Киевлянин» от 4 (16) марта 1917 г. [251], в газете «Ревельское слово» от 3 марта [252].

Между прочим, эту телеграмму упоминает В.И. Ленин в своих «Письмах из далека. Письмо 2», впервые опубликованное в 1924 г. в

председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Государственного совета (1915–1917), участник Прогрессивного блока. Принял отречение Николая II от престола, военный и морской министр в составе Временного правительства (1917), участник белого движения, затем в эмиграции.

³⁴ Выделено мною – Е.Я.

³⁵ В 1942 Вернадский вспоминал: «Мы с Гриммом вышли из Мариинского дворца вечером, когда стемнело. Мы все расходились понемногу через боковую дверь. Дворец был не освещен. Когда мы уходили – как раз мы столкнулись с кн[язем] Н.Д. Голицыным. У него был последний Совет мин[истров]» (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 24). Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) – вице-директор Хозяйственного департамента министерства внутренних дел (1884–1885), губернатор Архангельской (1885–1893), Калужской (1893–1897) и Тверской (1897–1903) губерний. Сенатор (1903–1916). Член Госсовета (1915), председатель Совета министров (1916–1917). В Госсовете входил во фракцию правых.

журнале «Большевик» [146]³⁶. Он, в частности, указал, что «главный документ, которым я располагаю по сегодняшнее число (8 (21) марта), это – номер английской консервативнейшей и буржуазнейшей газеты “Times” (Таймс) от 16/III со сводкой сообщений о революции в России. Ясно, что источника, более благоприятно, выражаясь мягко, настроенного к правительству Гучкова и Милюкова, найти нелегко. Корреспондент этой газеты сообщает из Петербурга от среды 1(14) марта, когда существовало еще только *первое* временное правительство, т. е. думский Исполнительный комитет из 13 человек, с Родзянкой во главе и с двумя, по выражению газеты, “социалистами” Керенским и Чхеидзе в числе членов, – следующее: “Группа из 22 выборных членов Государственного Совета, Гучков, Стахович, Трубецкой, проф. Васильев, Grimm, Вернадский и др., отправила вчера телеграмму царю, умоляя его для спасения “династии” и пр. и пр. созвать Думу и назначить главу правительства, пользующегося “доверием нации”» [146, с. 109].

*Члены Временного комитета Государственной думы. Сидят (слева направо):
В.Н. Львов, В.А. Ржевский, С.И. Шидловский, М.В. Родзянко.
Стоят: В.В. Шульгин, И.И. Дмитрюков, Б.А. Энгельгардт, А.Ф. Керенский,
М.А. Караулов*

³⁶ Написано в Швейцарии 13 марта 1917.

Фрагменты этой телеграммы приводит А.И. Деникин в своей известной книге 1921 года издания [99, с. 40]. В 1927 г. телеграмма была воспроизведена в журнале «Красный архив» [250]. О ней упоминает И.И. Минц [161, с. 490–491]. Позже она была опубликована в сборниках документов [10, с. 36–37, 261, с. 211].

Ниже текст этой телеграммы публикуется полностью.

Телеграмма

выборных членов Государственного совета 28 февраля 1917 г.

[в Ставку императору Николаю II о положении дел в стране и необходимости создания «правительства доверия»]

28 февраля 1917 г.

Подана в Петрограде 28 февраля 1917 г. в 1 ч. 35 м.

Получена Ставке 28 февраля 1917 г. в 2 ч. 20 м.

Действующая армия. Ставка. Государю императору

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Мы, нижеподписавшиеся члены Государственного совета по выборам, в сознании грозной опасности, надвинувшейся на Родину, обращаемся к ВАМ, чтобы выполнить долг совести перед ВАМИ и перед Россией. Вследствие полного расстройств транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до отчаяния. Это чувство еще обострилось тою ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу. Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением. Государь, дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель Династии и величайшие бедствия для России. Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желанием народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета Министров и поручение лицу, заслуживающего всенародного доверия, представить ВАМ, ГОСУДАРЬ, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной

в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданные члены Государственного совета: *барон Меллер-Закомельский, Гримм, Гучков, Юмашев, Савицкий, Вернадский, Крым, граф Толстой, Васильев, Глебов, Зубашев, Лаптев, Ольденбург, Дьяконов, Вайнштейн, князь Трубецкой, Шумахер, Стахович, Стахеев, Комсин, Шмурло, князь Друцкой-Соколинский, Марин.*

Несколько слов о «восторге по случаю наступления 28 февраля 1917 г. свободы».

Этот восторг отражен, например, в письме А.Б. Миссуны³⁷ из Москвы Вернадским от 6 апреля 1917 г.:

«Дорогие мои Наталия Егоровна и Владимир Иванович!

В дни торжества свободы мысль моя поневоле обращается к Вам, с которыми я пережила вместе революцию 1905 г. и где сложилось мое политическое “credo”. С глубин переполненной [величайшей] и неопикуемой радостью души я шлю Вам свой привет: “Да здравствует великая, свободная Россия!”. Свергнуто позорное иго, и я верю в окончательное торжество правды, свободы и тех высоких общественных идеалов, взлелеянных русской передовой интеллигенцией. Я верю в народ и чувствую себя настоящей демократкой: мне не страшно народовластие. Я видела русский народ на улицах и площадях Москвы и восторгалась его умом и тактом. Я надеюсь, что русская революция не

³⁷ Миссуна Анна Болеславовна (1868–1922) – одна из первых женщин-геологов в России. Член Московского общества исследователей природы (1898), Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Всероссийского минералогического общества, Русского палеонтологического общества и общества им. Коперника во Львове. В 1896 окончила Высшие женские курсы в Москве, где слушала лекции В.И. Вернадского. В 1906–1922 ассистент, преподаватель петрографии, палеонтологии, исторической геологии на Московских высших женских курсах. С 1919 приват-доцент геологического факультета Московского университета. Научные работы посвящены вопросам геологического строения России, Белоруссии, Литвы и Польши, палеонтологии Крыма. Изучала геологическое строение центральных и западных регионов Белоруссии, лессовые отложения Новогрудской возвышенности, вела поиски железной руды и каменного угля в Тульской губернии. Дала научное объяснение ледниковому рельефу Белоруссии. Первой в России разработала методику изучения конечных морен и краевых ледниковых образований, обнаружила несколько четвертичных оледенений.

запятнает себя ненужной кровью, что она окажется великодушной для своих повергнутых врагов. Думаю, что самое строгое наказание для столпов павшего режима должно состоять в созерцании издали счастливой и великой России и в сознании, что для них в ней нет места. Очень жалею, что Вы не в Москве и что посредником должна служить бумага. Еще раз шлю свои поздравления и пожелания всего лучшего в обновленной России. Всегда и искренне преданная Вам А. Миссуна» [72, с. 176].

Однако «восторг» по поводу «наступившей свободы» вряд ли был всеобщим, о чем, например, свидетельствуют слова русского философа Н.О. Лосского: «После опыта революции 1905 года я понял, что революционный переворот, сполна опрокидывающий историческую государственную власть, есть величайшее бедствие в жизни народа. Поэтому Февральская революция 1917 года вызвала во мне чувство ужаса. У меня было мистическое восприятие исчезновения государственной организующей силы, социальной пустоты на ее месте» [153, с. 179].³⁸ Известный историк С.Б. Веселовский в марте 1917 г. пришел к заключению, что «роль России как великой европейской державы окончена» [7, с. 91]. Нобелевский лауреат И.П. Павлов, по воспоминаниям его гражданской жены М.К. Петровой, смотрел «на все в высшей степени пессимистически» и «предвидел впереди много горя и страданий» [128, с. 529].

Любопытно письмо «с передовой линии окопов» (от 5 марта 1917 г.) Николая Филатова, рядового пулеметной команды 335 Анапского полка, воевавшего на Румынском фронте: «4-го марта в 8 часов вечера на позицию поступила телефонограмма с известием об отречении Русского Императора от престола. По этому случаю у нас много толков, разговору. Некоторые говорят, что конец Русскому государству, а некоторые говорят, что – государя свергнули немцы, которых много еще в России, занимающих главные посты. Но правильно никто не знает. Сегодня офицеры нам объявили, что государь по болезни сам не захотел царствовать, но этому никто не верит. Из наших расспросов у

³⁸ Профессор Ю.В. Ломоносов (20 февраля 1917 г.): «Я понял, что рубль за два месяца моего отсутствия упал в цене более, чем за все предшествующее время войны. Те хвосты, которые я увидел на следующий день в Петрограде, показали, что и продуктов в столице очень мало. На хлеб приходилось стоять в очереди 3–4 часа, на молоко – 5–6, а на сапоги по суткам» [152, с. 16]. К осени 1917 г. ситуация не изменилась: «За хлебом, сахаром, молоком и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем» [221, с. 26].

офицеров, кто будет царствовать, они говорят, что все предполагают, что будет избран брат бывшего государя великий князь Михаил Александрович. <...> Войска жалеют государя Николая Александровича, только одно утешение, что будет избран Михаил Александрович. Газет у нас с описанием государственной политики не имеется, потому мы пользуемся слухом, что скажут офицеры» [239, с. 342].

Директор Батумского ботанического сада И.В. Палибин в письме от 26 апреля профессору Б.Л. Исаченко даже иронизирует по поводу пафосного восприятия событий весны 1917 г.: «Хотел бы в мае приехать в Петроград, но боюсь: меня убьют во время перестрелки монархистов и анархистов и объявят жертвой революции, и схоронят в красном гробу. Здесь революция идет своим ходом, и мы с ней идем вперед. Работать ужасно тяжело в общем хаосе, невозможно сколько-нибудь продуктивно» [106, с. 44]. А.Е. Ферсман, попав в конце апреля 1917 г. вглубь Таврической губернии, в Бердянский уезд, 26 апреля сообщил Вернадскому, что здесь «идет спокойное и мирное строительство новых форм земского и городского самоуправления. Но что особенно меня поражает, это отсутствием той социальной революции и ее обсуждения, которое по существу сейчас идет в Петрограде и в других более крупных центрах. Но зато здесь всюду и с каждым днем все острее поднимаются вопросы национальные, и несомненно, что в будущем русское революционное движение выродится в узко националистическое со всеми ужасами национальной гражданской войны. Я впервые здесь понял, что украинский вопрос гораздо острее, чем это казалось, что все заботы какого-нибудь Мелитополя – это глухая борьба (с эксцессами) против евреев, что казачество очень далеко от социалистических идеалов, но что ему надо вытурить греков и т. д.»³⁹. Л.А. Тихомиров (1852–1923), революционер и идеолог «Народной воли», ставший затем монархистом и редактором «Московских ведомостей», 8 мая 1917 г. записал в своем дневнике: «Вообще будущее мне представляется очень туманным, и ясно одно, каков бы ни был окончательный исход, полно болезненных потрясений, полно множества страданий» [102, с. 358]. И.И. Петрункевич⁴⁰ 14–17 июля 1917 г. писал

³⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1708. Л. 1.

⁴⁰ Петрункевич Иван Ильич (1843/1844–1928) – юрист, один из лидеров земского движения, друг В.И. Вернадского. Член Госдумы (1906). С конца 1870-х участник земского движения в Черниговской губернии, в 1879 выслан в Галич Костромской губернии. После возвращения в 1886 избран в гласные Черниговского земства. За антиправительственную деятельность снова выслан с запретом

Вернадскому из Гаспры (Крым): «Что нас ожидает: судьба Польши, или мы одолеем все невзгоды? Бесконечно тяжелое время и непроницаемая темнота впереди» [72, с. 301]. С.П. Мельгунов укажет на близорукое «опьянение», охватившее в первые дни «свободы» если не всех, то очень многих, даже убежденных монархистов [158]. В августе 1917 г. В.Г. Короленко пришел к выводу, что «главная причина болезни нашего государственного организма не в одном коварстве врагов, но в наших собственных всенародных ошибках. Скажем прямо: в том, что заглядевшись в сторону будущего единого человечества, мы забыли об отечестве» [101, с. 171]. 27 декабря 1917 г. заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член-корреспондент Императорской Академии наук Н.Н. Глубоковский в письме ректору Киевской духовной академии епископу Василию (Богдашевскому): «Мы находимся уже в объятиях смерти и теряем последние надежды» [224, с. 118].

Но были и оптимисты. Так, выдающий историк Античности, археолог, филолог-классик, академик М.И. Ростовцев 10 августа 1917 г. в газете «Свободный народ» писал: «Наше спасение сейчас только в единении, в переходе дружными усилиями к творческой работе, в создании атмосферы доверия на основе любви к родине. Продолжение работы разрушения грозит долгим застоєм, рядом лет варварства всех и культурного рабства немногих. Не разрушение и не борьба дадут новый социальный строй, а упорная и самоотверженная работа для укрепления культуры, для воссоздания заснувших творческих сил России» [237, с. 14]. Таким же оптимистом был, в сущности, и В.И. Вернадский, всегда веривший в мощь России и мудрость русского народа.

После Февральской революции 1917 г. Государственный совет и его департаменты утратили какое-либо значение и прекратили свою деятельность, лишь некоторые члены Госсовета по выборам изредка собирались (примерно до сентября) на так называемых особых

проживать на Украине. Переселился в Тверскую губернию (1886–1904), избран губернским и уездным земским гласным. Один из организаторов и председатель общества «Освобождение России» (1903) и «Союза освобождения» (1904). Один из создателей партии конституционных демократов, член ее ЦК (1905–1917), председатель (1909–1915) и почетный (с 1915) председатель партии. Издатель газеты «Речь» (1908–1917). Еще до октябрьских событий в Петрограде выехал в Гаспру. В феврале 1919 эмигрировал, первые два года жил во Франции, затем перебрался в Швейцарию (1921–1924), последние годы – в Праге; занимался литературной деятельностью.

совещаниях [100]. 5 мая 1917 г. Временным правительством были упразднены должности членов Государственного совета по назначению [215].

В.И. Вернадский и другие выборные члены Государственного совета формально носили свое звание до 6 октября 1917 г., когда был издан декрет Временного правительства о роспуске Государственной думы и утрате полномочий членами Государственного совета⁴¹.

14 декабря 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров Государственный совет был окончательно упразднен⁴².

⁴¹ «Согласно с постановлением Временного правительства от 9-го августа 1917 года о назначении выборов в учредительное Собрание на 12-е ноября 1917 года и ввиду начала 3-го октября 1917 года избирательного производства в сие Собрание, Государственную Думу IV созыва распустить, а полномочия членов Государственного совета по выборам признать утратившими силу. Подписали: Министр-председатель А. Керенский. Министр юстиции П.Н. Малянтович. 6-го октября 1917 года» [203].

⁴² «Совет Народных Комиссаров постановляет: 1. Упразднить государственный совет. 2. Всех членов государственного совета по назначению, оставленных временным правительством за штатом, считать уволенными с 25 Октября 1917 года. 3. Упразднить государственную канцелярию. 4. Поручит народному Комиссариату юстиции принять необходимые меры к распределению неоконченных дел государственного совета и государственной канцелярии между соответствующими народными Комиссариатами. 5. Кодификационный отдел бывшего правительственного сената вместе с библиотекой сравнительного законоведения и архивом законодательных дел передать в ведение народного Комиссариата юстиции. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич. Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов. 14 декабря 1917 года» [97].

КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

В 1903 г. В.И. Вернадский – среди учредителей «Союз освобождения» – нелегального политического объединения либеральной интеллигенции и земских деятелей России, в 1905 г. – он один из организаторов конституционно-демократической партии (партии кадетов, партии народной свободы, к.-д. партии)⁴³, член ее Центрального комитета (вплоть до 1918 г.), входил в состав бюро Центрального комитета (ЦК), временно исполнял обязанности председателя и товарища (заместителя) председателя ЦК партии, работал в составе комиссий, действовавших при ЦК: по украинскому вопросу, по литовскому вопросу, для организации избирательной кампании в Государственную думу, по национальным вопросам, в 1917 г. – член литературно-издательской комиссии. Активной была и публицистическая деятельность Вернадского по насущным организационно-партийным, политическим и другим «на злобу дня» вопросам, особенно в 1906–1907 гг. [58].

По подсчетам [173], Вернадский принимал участие в сорока восьми из трехсот двадцати шести заседаний ЦК партии кадетов, выступал на них семьдесят два раза и двадцать девять раз подавал реплики. Наиболее активно он участвовал в заседаниях ЦК партии

⁴³ Конституционно-демократическая партия (с 1906 Конституционно-демократическая партия народной свободы) представляла левое крыло российского либерализма. В ее программные положения входили требования: разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; введение всеобщих прямых равных и тайных выборов парламента; отмена сословного деления общества; ликвидация цензуры; введение свободы совести и вероисповедания; наделение земель малоземельных и безземельных крестьян; введение прогрессивного подоходного и имущественного налога; предоставление рабочим права собраний, стачек, создание союзов и т. д. Партия отдавала предпочтение парламентским формам борьбы, ее представители занимали ведущее место в составе Государственной думы 1-го и 2-го созывов, выступали за создание в России парламентской республики. В ходе Февральской революции 1917 кадеты руководили созданием Временного правительства и входили в его состав. Декретом Совета Народных Комиссаров от 28 ноября (11 декабря) 1917 партия была объявлена партией «врагов народа», ее руководящие деятели подлежали аресту и преданию суду революционного трибунала. История создания, формирования и функционирования конституционно-демократической партии подробно освещена в [231, 275]. По оценке [275], общая численность партии кадетов в марте – октябре 1917 г. превышала 100 тыс. человек, объединенных в 380 партийных комитетов.

кадетов в 1912, 1914, 1915, 1916 гг., причем в 1912 и 1914 гг. он присутствовал на 50% заседаний ЦК и выступал на них, а в 1915 и 1916 гг., несмотря на посещение примерно лишь одной трети заседаний, интенсивность его работы на заседаниях не сократилась [172]. Лишь 1913 г. стоит особняком из-за снижения политической активности ученого из-за, очевидно, его поездки в Америку и Европу. Анализ данных обсуждения или упоминания Вернадским различных вопросов на заседаниях ЦК кадетской партии за тринадцать лет свидетельствует о резком росте их количества в 1914 г., с постепенным спадом в течение трех последующих лет и особенно в 1917 г. [173].

Знакомство с опубликованными «партийными» документами позволяет установить следующую хронологию основной деятельности конституционно-демократической партии в 1917 г. [211, 249]. Как отметили публикаторы указанных документов, в отечественных архивах отсутствуют (или пока не найдены?) протоколы съездов к.-д. партии с марта по октябрь 1917 г., поэтому за основу издания документов VII, VIII, IX и X съездов партии кадетов были взяты отчеты о них, печатавшиеся в центральных органах партии, а также отдельно изданные по решению съездов доклады Центрального Комитета. Кроме того, протоколы заседаний ЦК, состоявшихся в 1917 г., отличаются «неимоверной краткостью», часто без указания имен присутствующих [211]. Из документов не всегда можно надежно установить участие Вернадского в этих мероприятиях. Тем не менее, даже если он лично не присутствовал на заседаниях ЦК и съездах партии, то, безусловно, был в курсе рассматриваемых вопросов и принятых решений [211, 249].

На состоявшемся 6 января 1917 г. заседании ЦК к.-д. партии (в протоколе заседания среди присутствующих Вернадский не указан) был поднят вопрос о необходимости проведения очередного (VII-го по счету) съезда партии в связи с приближением истекавшего в феврале годового срока после окончания работы предыдущего VI съезда.

В пленарном заседании ЦК к.-д. партии, состоявшемся 4–5 февраля 1917 г., Вернадский, как следует из протокола, также не участвовал. На этом заседании обсуждалась тактика кадетов в Государственной думе и вне ее во время предстоящей сессии; рассматривались продовольственный и национальный (польский, литовский, украинский) вопросы, а также ряд организационных вопросов.

1 марта 1917 г. ЦК к.-д. партии на своем заседании одобрил проект воззвания «К гражданам» в связи с образованием Временного правительства [275], которое было опубликовано 3 марта в «Известиях

Комитета петроградских журналистов». В нем, в частности, сказано: «Граждане, доверьтесь этой власти все до единого, соедините ваши усилия, дайте созданному Государственной думой <Временному> правительству совершить великое дело освобождения России от врага внешнего и водворения в стране мира внутреннего, основанного на началах права, равенства и свободы. <...> Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей. Да воспрянет в великом порыве единый русский народ и создаст условия мирного существования всех граждан. <...> Пусть родина выйдет из тяжелых испытания счастливой, свободной, объединенной узами любви и всеобщего братства» [75].

2 марта 1917 г. ЦК партии кадетов принял постановление: «Признать необходимым безусловное отречение или низложение Николая II, о чем сообщить представителям партии в Гос. думе».

9 марта 1917 г. принято постановление ЦК к.-д. партии, в котором, среди прочего, указано: «Предоставить В.И. Вернадскому довести до сведения правительства о неопределенном положении организации, во главе которой стоял принц Ольденбургский⁴⁴».

10–13 марта 1917 г. состоялось заседание пленарного состава ЦК и парламентской фракции партии народной свободы с участием членов партии из Госсовета и из прежних составов Госдумы. В заседании участвовали 27 членов ЦК, 7 членов фракции, не входящих в состав ЦК, 4 члена Госсовета и еще 5 членов партии – всего 43 человека. Вернадский, судя по всему, был на этом заседании, которое «приветствовало» П.Н. Милюкова, Н.В. Некрасова, А.А. Мануйлова и А.И. Шингарева, вошедших в состав Временного правительства, «как лидеров партии и членов первого общественного кабинета министров». На заседании, среди множества различных вопросов, обсуждались также:

⁴⁴ Ольденбургский Александр Петрович, принц (1844–1932) – правнук Павла I, сын принца П.Г. Ольденбургского. В 1870–1876 служил в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1876–1880 командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской дивизии, в 1885–1889 – гвардейским корпусом. Генерал от инфантерии (1895). Член Государственного совета (1896). Вел обширную научно-просветительскую деятельность, сыграл значительную роль в развитии медицинской науки, здравоохранения и курортов России. С 3 сентября 1914 – Верховный начальник санитарной и эвакуационной части, которому вверена вся полнота власти на фронте и в тылу над лечебными, санитарными и эвакуационными учреждениями. 22 марта 1917 уволен (по прошению) Временным правительством от службы. С 1917 в эмиграции во Франции.

1) вопрос о форме правления в России; было предложено намечаемому съезду партии изменить параграф 13 программы партии в том смысле, чтобы вместо парламентской монархии признать необходимость установления демократической республики;

2) аграрный вопрос; решено представить съезду партии доклад, в котором указать на необходимость разрешения этого вопроса на основах принципов партии (увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, и применение принудительного отчуждения по справедливой оценке). Для подготовки соответствующего доклада предложить съезду образовать специальную аграрную комиссию, организацию которой поручить ЦК партии;

3) повестка предстоящего съезда партии.

Было решено ежедневные заседания ЦК с участием членов фракции временно заменить такими же заседаниями бюро ЦК в составе М.М. Винавера, А.А. Корнилова, В.И. Вернадского, М.С. Аджемова и А.Я. Тимофеева, причем вся информация по текущим делам и принятие в неотложных случаях решений, а равно и созыв заседаний Центрального комитета партии, будет лежать на этом бюро.

14 марта 1917 г. в газете «Речь» Вернадский опубликовал небольшую статью «Мир без аннексий» [37, с. 2]. В ней он изложил не только свой взгляд на текущую ситуацию, но и – во многом – политику кадетской партии по отношению к мировой войне. Вернадский, в частности, отметил, что «свобода печати вызвала на свет, на свободное обсуждение те течения мысли русского общества, которые до сих пор скрывались в частных беседах, в невысказанных мотивах общественного настроения. Таковы течения, связанные с мыслью о возможности мира без победы над грозным врагом, занявшим значительные части нашей земли, державшим в своем порабощении миллионы свободных русских граждан. Появление этих настроений на свет Божий, – считает Вернадский, – можно только приветствовать, их свободное и полное обсуждение только желательно, ибо «лишь этим путем выявится их истинный смысл и их реальное содержание». По его мнению, эти настроения выражаются в пропаганде идеи немедленного заключения «мира без аннексий»⁴⁵. Это формула, которая выдвинута в Германии

⁴⁵ См. также: [74]. Заметим, что к формуле «мир без аннексий и контрибуций» склонялось большинство российских социалистов; российские буржуазные (кадеты) и правосоциалистические партии (эсеры, меньшевики) требовали доведения войны «до победного конца», намеренно подчеркивали немецкое

частью немецкой социал-демократии и примыкающих к ней интеллигентских кругов. Можно думать, – продолжает Вернадский, – что она отвечает там и бесформенным чаяниям уставших и страдающих народных масс. Там она имеет ясное и определенное содержание, связанное с восстановлением государственных границ, бывших в Европе до войны – и, следовательно, с сохранением прежнего положения и для тех народностей, которые входят в состав Германии, Австро-Венгрии, Балканских государств. Он задается вопросом – что значит «мир без аннексий» для России? Вернадский считает, что для России формула «мир без аннексий» недостаточна, она для нее двусмысленна, если к ней не будет прибавлено: «мир с возвращением всей земли русского государства, занятой неприятелем»⁴⁶. Но разве возможно этого достигнуть без дальнейшей, самой тяжелой и упорной борьбы? Разве можно получить у временного победителя даром им завоеванное? Кроме того, «для России выступают с железной силой вопросы экономического характера, настоятельно требующие решения вопроса о Проливах <Босфор и Дарданеллы>, которые не могут находиться в руках чуждого нам сильного государства»⁴⁷.

происхождение лозунга «мир без аннексий» в борьбе против отечественных «пораженцев». Для большевиков лозунг «мир без аннексий» предполагал борьбу за свержение империалистических правительств, т. е. «войну войне» с целью заключения «справедливого демократического мира» самими народами. 6 мая 1917 Временным правительством была принята декларация, в которой указано: «Во внешней политике Временное Правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национальных их достояний, ни насильственного захвата чужих территорий, – мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов» [96, с. 271].

⁴⁶ К 1917 часть территории Российской империи была оккупирована германскими войсками.

⁴⁷ 8 августа 1917 В.Г. Короленко пишет члену редакции «Русских Ведомостей» В.А. Розенбергу при посылке статьи «Война, отечество и человечество»: «Как видите, я до известной степени интернационалист и сочувствую обращению с предложением мира без аннексий и контрибуций. Но мысль моя такова: нам предстоит или слава великого почина в пользу мира для всего человечества (приблизительно так), или бесславие и позор. И это зависит от дальнейшего отношения к отечеству. Человечества единого еще нет. Для него приходится работать через отечество. Если мы изменим отечеству, не сумеем защитить его, то погибнем и надолго затормозим дело самого человечества» [22, с. 46].

17 марта и 21 марта 1917 г. состоялись очередные заседания ЦК к.-д. партии. На первом из них обсуждались вопросы о программе предстоящего съезда партии и о предположительном составе аграрной комиссии, на втором – тезисы докладов о форме правления, Учредительном собрании⁴⁸ и о тактике; было решено поставить на съезде вопрос о войне. Учитывая тематику этих заседаний, вполне можно предположить, что Вернадский участвовал в них.

25–28 марта 1917 г. в Петрограде прошел VII съезд конституционно-демократической партии, в котором участвовали 323 депутата из 50 губерний, Петрограда и Москвы (всего в работе съезда приняли участие 425 человек). Приветствия съезду получены от местных комитетов и разных лиц из Херсона, Хабаровска, Белоозера, Семипалатинска, Красноярска, Ташкента, Тюмени, Павлограда и Москвы. «Общую атмосферу, царившую на нем, можно обозначить как состояние эйфории. Делегаты восторженно приветствовали февральские события и создание Временного правительства с участием своих партийных лидеров. В их настроении ощущались прилив бодрости, энергии, желание немедленно начать работу на благо народа, вера в новое будущее России. В одних речах звучал призыв немедленного единения всех левых сил

⁴⁸ 25 марта 1917 Временное правительство приняло постановление «Об образовании Особого совещания для подготовки Положения о выборах в Учредительное собрание». В состав Особого совещания были назначены специалисты по вопросам государственного права и другие компетентные лица, а также политические и общественные деятели, представляющие главные политические и национально-политические течения России. 22 июля было опубликовано Положение о выборах, 11 октября 1917 в порядке подготовки к Учредительному собранию по выработке проекта конституции начала работать Особая комиссия по составлению проекта Основных законов, организованная Юридическим совещанием при Временном правительстве. Согласно проекту, Россия должна стать унитарной демократической республикой во главе с президентом. Сроки выборов и созыва собрания неоднократно переносились. В итоге всероссийские выборы начались 12 ноября 1917. Они проводились 3 дня: 12, 13 и 14 ноября 1917. В ряде округов выборы были перенесены на декабрь 1917 и на январь 1918. Пришедшие к власти в результате Октябрьской революции большевики не отказались от идеи проведения Учредительного собрания и даже объявили себя единственным гарантом его созыва. По итогам выборов большинство в Учредительном собрании получила партия социалистов-революционеров. Большевики стали оттягивать созыв собрания, стремясь ослабить его оппозиционное ядро. 22 декабря 1917 ВЦИК назначил открытие Учредительного собрания на 5 января 1918. В ночь на 7 января 1918 ВЦИК издал декрет «О роспуске Учредительного Собрания». Об истории Учредительного собрания см. [207].

для решения стоящих перед страной задач. Другие, наоборот, говорили о необходимости взвешенного подхода к проведению социально-экономических и политических реформ, отказа от крайнего радикализма и дистанцированности от тактики большевиков. Как и раньше, вновь проявились разногласия между сторонниками левого и правого течения в партии, приобретающие с каждым новым форумом кадетов все большую остроту» [249, с. 797–798]. Действительно, как уже отмечалось выше, к моменту созыва VII съезда в состав Временного правительства вошли ведущие политики к.-д. партии во главе с П.Н. Милюковым, т. е. кадеты фактически стали правительственной партией, о чем, открывая съезд, сказал П.Д. Долгоруков: «Партия наша была нелегализованной, преследуемой партией; теперь партия наша участвует в лице своих членов в осуществлении правительственной власти [249, с. 362]. На съезде были заслушаны два доклада Ф.Ф. Кокошкина: 1) о пересмотре партийной программы в вопросе о государственном строе и 2) «Об Учредительном собрании». По первому докладу Кокошкина в резолюцию VII съезда была включена следующая формулировка: Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства. По второму докладу Кокошкина было заявлено, что Учредительное собрание должно быть созвано в возможно кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю. По докладу А.А. Корнилова об отношении ЦК партии к войне принята следующая резолюция: Съезд партии народной свободы, выражая полное доверие Временному правительству в его иностранной политике, основанной на верности заключенным союзам, и находя, что опасность, грозящая только что завоеванной свободой России от милитаристической монархии Гогенцоллернов, должна удвоить усилия русского народа для защиты родины, высказывает убеждение, что Временное правительство будет непреклонно отстаивать возведенные союзными демократиями освободительные задачи войны, не посягая на свободу других народов, но и не допуская никакого ущерба для жизненных интересов и прав России. Съезд к.-д. партии призывает все силы страны, сплотившись вокруг Временного правительства, дать ему возможность довести войну союза демократии

против союза реакционных монархий до победного конца и справедливого и прочного мира. Эмоциональную речь в отстаивании позиции лидеров кадетов в вопросе об отношении к войне произнес Ф.И. Родичев, в ответ на которую съезд подтвердил приверженность идее защиты родины до победного конца и выразил верность союзническому долгу. По докладу А.А. Корнилова об аграрном вопросе постановлено образовать особую аграрную комиссию для пересмотра программы партии по земельному вопросу. По тактическим докладам М.М. Винавера и Д.И. Шаховского были приняты постановления о поддержке Временного правительства. В качестве основной организационной задачи партии выдвигалась деятельная пропаганда кадетских лозунгов в широких массах.

На съезде были также заслушаны сообщения многих делегатов о положении дел на местах, а также сообщение Н.Н. Щепкина о своем пребывании на Западном фронте, речи П.Н. Милюкова, министра земледелия А.И. Шингарева, Н.В. Некрасова и др. Отчеты за все дни работы съезда впервые за время войны были помещены в газете «Речь». Тогда же отдельными брошюрами были опубликованы оба доклада Кокошкина [134, 135], доклад Винавера [73] и Резолюции VII съезда [217].

29 марта 1917 г. состоялось заседание ЦК к.-д. партии, на котором обсуждались вопросы, вытекавшие из постановлений только что закрывшегося ее VII-го съезда. Была избрана особая литературная комиссия под председательством М.М. Винавера в составе А.В. Тырковой, А.С. Изгоева, П.В. Герасимова, В.И. Вернадского, Н.А. Бородина, М.И. Ростовцева (и других лиц, которые могут быть кооптированы по мере надобности). В обязанности этой комиссии вменялось создание популярно-научной и агитационной партийной литературы (подготовка листовок и мелких брошюр «на злобу дня»). Несколько позже при указанной комиссии возникают: литературно-художественный отдел, редакционный комитет, книжная секция, книжный склад и издательство ЦК. Для этого ЦК партии приобрел в Петрограде Лештуковскую паровую скоропечатню издателя П.О. Яблонского, переименованную кадетами в «Свободу»; был также создан параллельный центр издательской деятельности в Москве [274].⁴⁹

⁴⁹ За март – апрель 1917 ЦК партии кадетов выпустил более 2 млн. экземпляров плакатов и листовок [275].

7 апреля 1917 г. на заседании ЦК партии (присутствовало 17 членов) обсуждались текущие вопросы, преимущественно организационного характера.

10 апреля 1917 г. на дневном заседании ЦК – ввиду того, что вопросы национальные все более выдвигаются на очередь – решено просить комиссию, избранную для подготовки таких вопросов к будущему съезду партии (в составе: Ф.Ф. Кокошкина, М.М. Винавера, В.А. Маклакова, А.А. Корнилова, В.И. Вернадского и М.С. Аджемова), приступить к разработке этих вопросов. На вечернем заседании А.А. Корнилов сообщил о начале работ во вновь образованной при Министерстве земледелия Комиссии по аграрному вопросу, в которую из членов партии приглашены он и Н.Н. Черненко.

12 апреля 1917 г. на заседании ЦК партии было заслушано сообщение А.А. Корнилова об окончательной редакции, принятой организационной комиссией Земельного комитета при Министерстве земледелия, по вопросу об образовании земельных комитетов для подготовки аграрной реформы, а также сообщение М.М. Винавера о работах организационно-агитационной комиссии: об устройстве лекций для студентов по различным вопросам (аграрному и другим) в целях подготовки их к агитации в деревне и провинции, сношениям с воинскими частями и т. д.

На заседание ЦК к-д. партии 16 апреля 1917 г. обсуждалась программа предстоящего VIII делегатского съезда, включившая: 1) Аграрный вопрос. 2) Вопрос об автономии и местном самоуправлении. 3) Общее политическое положение. 4) Пересмотр параграфа устава, касающегося состава Центрального Комитета. 5) Выборы Центрального Комитета.

20 апреля 1917 г. состоялось очередное заседание ЦК партии, на котором – согласно протоколу – присутствовал Вернадский. Члены ЦК обменялись сообщениями о происшедших в этот же день манифестациях против Временного правительства в связи с опубликованной им 18 апреля нотой к союзным державам и ответных манифестациях с лозунгами поддержки Временного правительства⁵⁰.

⁵⁰ Так называемый апрельский кризис Временного правительства, связанный с позицией последнего по отношению к участию России в Первой мировой войне. Кризис вызвал углубление противоречий между Петроградским советом и Временным правительством и привел к формированию (5 мая) коалиционного правительства первого состава, в которое вошли представители эсеров и меньшевиков. «Последующие шесть месяцев, с их периодическими потрясениями и

23 апреля 1917 г. на заседании ЦК партии, на котором также присутствовал Вернадский, М.М. Винавер сообщил приехавшим из Москвы и с фронта членам Центрального комитета о заседаниях 16 и 20 апреля и о манифестации, устроенной партией 21 апреля. По мнению Винавера, эта многотысячная манифестация показала, что все население, за исключением небольшой кучки ленинцев, стоит за Временное правительство. Он также предложил собранию обсудить следующие три вопроса: 1) о выступлении Центрального комитета партии, 2) идти ли Временному правительству на коалицию и 3) выступить ли правительству с заявлением по вопросу о коалиции. В результате прений (в которых Вернадский, как следует из протокола заседания, не участвовал) ставятся на голосование вопросы: 1) Признать ли возможным индивидуальный выход из состава Временного правительства. Решен отрицательно. 2) Следует ли Временному правительству обратиться с предложением составления коалиционного министерства. Большинством в один голос решен отрицательно. 3) Следует ли Временному правительству включить в свою декларацию к стране упоминание о том, что раньше правительство обращалось с предложениями коалиции и предложения эти были отвергнуты социалистическими кругами. Решен отрицательно. 4) Следует ли предпринять шаги к соглашению с левыми в вопросе внешней политики. Решен положительно.

24 апреля 1917 г. на заседании ЦК партии активно обсуждается предложенный М.М. Винавером проект воззвания от имени Центрального комитета (в несколько измененной редакции) и общее политическое положение. В прениях – среди прочих – принял участие и Вернадский. Вопрос об опубликовании воззвания от имени ЦК с указанием на общее политическое положение и с призывом к поддержке Временного правительства «разрешается в отрицательном смысле».

30 апреля 1917 г. на заседании ЦК партии (в котором участвовали 27 членов ЦК и 4 члена фракции к.-д.; из министров был Н.В. Некрасов) рассматривался ряд вопросов, в том числе повестка предстоящего съезда партии. Кроме того, представителем партии в Главный

кризисами, с тщетными попытками создать сильную коалиционную власть, с фантастическими совещаниями в Малахитовом Зале и в Московском Большом Театре, – эти шесть месяцев были одним сплошным умиранием. <...> Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть последнее коалиционное правительство Керенского, обнаружила его внутреннее бессилие. Степень этого бессилия изумила тогда даже хорошо осведомленных людей» [164, с. 10].

земельный комитет Временного правительства избран князь В.А. Оболенский.

3 мая 1917 г. Вернадский в газете «Речь» опубликовал статью «Обязанность каждого» [41, с. 2], в которой отметил, что Россия переживает «момент величайшей гражданской ответственности» и «находится в грозной опасности». Он призвал граждан России к объединению и к активному участию в политической жизни, к выражению своей воли организованным путем. «Только единодушными порывами, твердой волей и сознательной работой всех граждан» страна может быть выведена из этой опасности. «Чем меньше будет среди нас уклоняющихся от исполнения гражданских обязанностей, тем скорее и вернее мы найдем выход из положения». Вернадский задается вопросом: «Что должен делать отдельный русский гражданин, каждый обыватель для того, чтобы с своей стороны бороться за Россию, за будущее, за ее свободу?». Прежде всего, считает Вернадский, русский гражданин «не должен и не смеет оставаться безучастным зрителем», однако он – гражданин – должен помнить, что отдельные усилия слабы, только «в соединении они представляют грозную, всесокрушающую силу. Это всесокрушающая сила объединенных отдельных усилий должна быть сейчас создана, и на ее создание должна немедленно быть направлена вся воля и весь разум каждого отдельного русского гражданина. Она должна удержать Россию на краю гибели. Ибо это могут сделать только организовавшиеся свободные русские граждане», объединившись в политические партии. «Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен сметь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны. Демократия не может существовать в сложных условиях XX века без такой организованности народа. Ее политические партии должны быть массовыми, их члены должны исчисляться сотнями тысяч, миллионами». Сейчас же в России, – указывает Вернадский, – создается демократия без политической организованности общества. Народ распылен, и его политическая воля не имеет выражения. Создание этой организованности является первой, главной задачей каждого русского гражданина, который должен вступать в политические партии, принимать участие в их работе, создавать этим путем

ту могучую силу, которая только и может удержать страну от гибели и анархии. Сейчас это – главная обязанность каждого гражданина, поскольку беспартийные и внепартийные люди политической работы не делают. А сейчас самые главные и самые ответственные задачи, перед нами стоящие, – только задачи политические. В грозный момент опасности, – призывает своих сограждан Вернадский, – надо поступиться удобствами жизни, заставить себя принять решение. «Надо единичными усилиями достигнуть коллективного решения, превратить толпу взбунтовавшихся и испуганных рабов в организованное общество свободных граждан. Для этого – первый и единственный путь – вступление всех русских граждан в политические партии, создание этим путем политически организованного народа. Никто не может отговариваться слабостью и незначительностью отдельного решения. В жизни все достигается и строится только из этих единичных усилий, в своем единении создающих великую и большую силу».

6 мая 1917 г. на заседании ЦК партии рассматривались два вопроса, имеющие отношение к предстоящему ее VIII съезду: 1) О порядке приема в члены партии 2) О составе и порядке выборов Центрального Комитета. По первому вопросу постановили избрать комиссию в составе А.А. Корнилова и В.А. Степанова для разработки вопроса о приеме в члены партии к VIII делегатскому съезду. По второму решили выборы ЦК производить на съезде тем же порядком, что и прежде (т. е. в количестве 60 человек с правом кооптации до 70), а также, сверх того, ввести в ЦК председателей губернских комитетов партии с правом решающего голоса.

VIII съезд конституционно-демократической партии состоялся в Петрограде 9–12 мая 1917 г. Как уже отмечалось выше, в апреле 1917 г. разразился правительственный кризис из-за отставки министра иностранных дел П.Н. Милюкова, вызванной народными (протестными) волнениями в связи с его телеграммой главам иностранных государств о приверженности нового кабинета союзническому долгу в продолжении войны. Милюков призвал своих партийных сотоварищей-министров также выйти из правительства, предоставив будущим его членам, эсерам и меньшевикам, выходить из кризиса самостоятельно. По данному поводу в ЦК партии возник спор, победу в котором одержали левые кадеты – сторонники коалиции во Временном правительстве, мотивировавшие данный шаг необходимостью предотвращения в условиях двоевластия полного развала армии на фронте и разрухи внутри страны, что могло повлечь за собой опасность

контрреволюции. На основании этого решения ко времени созыва VIII съезда уже был сформирован новый состав Временного правительства (с участием кадетских лидеров). В этой связи руководству партии необходимо было разъяснить рядовым членам сложившуюся политическую ситуацию, свое поведение в ней и поставить на обсуждение для дальнейшего пересмотра важнейшие пункты программы партии.

В работе съезда приняли участие 335 лиц из 50 губерний и областей России, от 59 партийных групп. В этом числе было 46 членов Центрального Комитета партии, 31 член Государственной Думы (всех четырех созывов), 2 члена Государственного Совета, 17 представителей от студенческих групп, 4 представителя из разных частей армии, 4 от литовской группы, 42 от разных групп Петрограда, 34 от Москвы и 155 делегатов из других мест. Съезд открылся в 3 часа дня 9 мая в помещении бывшей придворной Певческой капеллы, председательствовал на съезде председатель ее ЦК П.Н. Милюков.

Выступление П.Н. Милюкова на заседании VIII съезда конституционно-демократической партии в помещении бывшей придворной Певческой капеллы

Программа съезда включала обсуждение общего политического положения в связи с преобразованием состава Временного

правительства после ухода из него военного министра А.И. Гучкова и министра иностранных дел П.Н. Милюкова и вступления представителей от трех социалистических партийных групп; пересмотры аграрной программы партии, частей программы о местном самоуправлении и автономии и параграфа устава о порядке выборов и собственно выборы Центрального комитета. Первое заседание открылось докладами П.Н. Милюкова и М.М. Винавера о современном политическом положении в стране, которые обрисовали сложившуюся ситуацию и разъяснили поведение руководства партии в соответствии с принятым решением ЦК. Одной из основных составляющих тактики кадетов, как чуть позже, подводя итоги съезда, писал Милюков в «Вестнике партии народной свободы»⁵¹, должна стать решительная борьба «против безответственной демагогии и фанатического утопизма». М.М. Винавер от имени ЦК партии предложил проект резолюции по вопросу об общем политическом положении, в котором, в частности, сказано, что перед лицом грозящей родине опасности от развала армии на фронте и от анархии внутри страны партия сочла своим долгом остаться на своем посту и не отзывать своих представителей из состава правительства; партия, приветствуя заявление Временного правительства о необходимости наступательных действий на фронте и о неизменной верности нашим союзникам, обещает поддержку Временному правительству во всех его начинаниях, направленных к осуществлению указанных целей. Относительно вопроса о реорганизации и переизбрании ЦК было решено, что ЦК партии избирается на прежних основаниях, в числе 65 членов, с правом кооптации в таком числе, чтобы его общий состав не превышал 75 человек. Сверх того, в заседаниях ЦК имеют право участвовать с решающим голосом представители губернских комитетов, особо для этого уполномоченные местными комитетами на срок действия ЦК, из числа лиц, проживающих на местах.

Член ЦК Н.Н. Черненко представил съезду обширный доклад по аграрному вопросу и проект аграрной программы к.-д. партии, обсуждение которых заняло значительную часть времени работы съезда, поскольку решался кардинальный вопрос революции – кому должна принадлежать земля. В конечном итоге была найдена примиряющая оппонентов формулировка, гласившая, что «земля сельскохозяйственного использования должна принадлежать трудовому земледельческому

⁵¹ Еженедельный журнал, орган ЦК партии кадетов. Издавался в Петербурге с 22 февраля 1906 по 3 февраля 1908, затем с мая 1917, закрыт в апреле 1918.

населению». Аграрная программа предусматривала создание общегосударственного земельного фонда, коллективное и индивидуальное владение землей. Она была принята громадным большинством съезда при нескольких воздержавшихся⁵².

*Плакат партии Народной свободы (кадетов)
к выборам в Учредительное собрание [254]*

должны быть установлены Учредительным собранием. Было также подчеркнуто, что разделение страны по национально-

11 мая на дневном заседании был заслушан доклад Ф.Ф. Кокошкина «О местном самоуправлении и автономии»⁵³, который обсуждался многими делегатами на вечернем заседании того же дня. Поправки к соответствующим пунктам программы включали право распространения местного самоуправления на всю территорию России. Местные законы, действовавшие исключительно в сфере хозяйственной и культурно-национальной политики, должны были утверждаться общероссийскими государственными органами. Съезд решил, что отношения с Польшей и Финляндией

⁵² Аграрная программа к.-д. партии была разработана еще в 1905. Наиболее радикальным ее принципом было «принудительное отчуждение» помещичьих земель сверх устанавливаемой нормы в пользу крестьянских общин. Сохранялись только «образцовые» частновладельческие хозяйства. От столыпинской аграрной политики кадетскую программу отличало, с одной стороны, требование нарушения права собственности применительно к помещикам, не способным к рациональному хозяйствованию, с другой – осторожное отношение к веками складывавшемуся институту крестьянской общины.

⁵³ См.: [133].

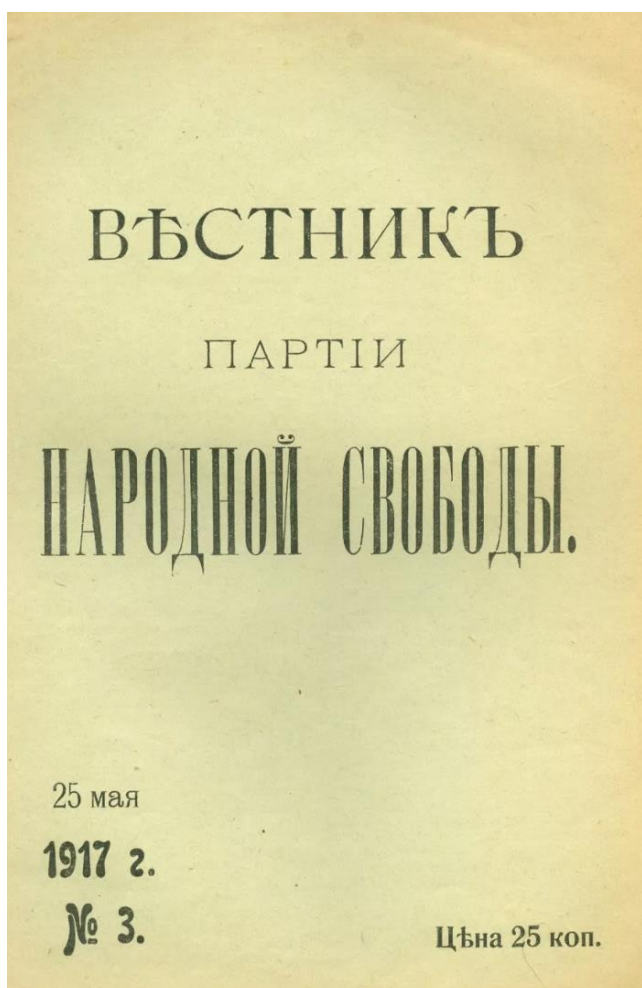
территориальному признаку, на чем настаивали делегаты с окраин, привело бы к разрушению государственного единства и фактическому образованию конфедерации, т. е. союза государств, а не союзного государства.

Обсуждая вопрос о порядке выборов в Учредительное Собрание, поднятому еще на предыдущем съезде, делегаты VIII съезда постановили производить их по системе пропорционального представительства. Затронуты были также вопросы о положении дел на фронте, в промышленности, в кооперации. Особое внимание было уделено организационному укреплению партии и усилению агитационно-пропагандистской работы. Для координации деятельности всех губернских комитетов с мая 1917 г. решено было возобновить издание еженедельного журнала «Вестник партии народной свободы». Провинциальные

делегаты поднимали вопрос о более тесной связи представителей руководящего центра с местными группами, о необходимости снабжения их партийной литературой и создания агитационных курсов.

Съезд единогласно избрал почетным бессменным членом Центрального комитета партии И.И. Петрункевича. В состав ЦК были избраны следующие лица: Вернадский В.И. – 223 голоса; Винавер М.М. – 223; Гримм Д.Д. – 223; Кокошкин Ф.Ф. – 223; Милуков П.Н. – 223; Черносвитов К.К. – 223; Аджемов М.С. – 222; Востротин С.В. – 222; Гронский П.П. – 222; Долгоруков П.Д. – 222; Мануйлов А.А. – 222; Набоков В.Д. – 222; Тесленко Н.В. – 222; Черненко Н.Н. – 222; Шингарев А.И. – 222; Астров Н.И. –

221; Кизеветтер А.А. – 221; Корнилов А.А. – 221; Родичев Ф.И. – 221; Головин Ф.А. – 220; князь Шаховской Д.И. – 220; Герасимов П.В. – 219; Кишкин Н.М. – 218; Маклаков В.А. – 218; Комиссаров М.Г. – 217;

Вестник партии народной свободы

Новгородцев П.И. – 217; Григорович-Барский Д.Н. – 213; Щепкин Н.Н. – 213; Васильев А.В. – 212; Волков Н.К. – 212; Степанов В.А. – 211; князь Оболенский В.А. – 210; Хрущев А.Г. – 210; Тыркова А.В. – 207; Френкель З.Г. – 205; Василенко Н.П. – 203; Юренев П.П. — 203; Макушин А.И. – 201; Протопопов Д.Д. – 201; Демидов И.П. – 198; Добровольский А.А. – 198; Ещин Е.М. – 198; Имшенецкий Я.К. – 198; Глебов Н.Н. – 197; Левицкий С.А. – 194; Ольденбург С.Ф. – 192; барон Штейнгель Ф.Р. – 183; Букейханов А.Н. – 179; Сабашников М.В. – 174; Изгоев А.С. – 174; Некрасов Н.В. – 173; Зернов Д.С. – 171; графиня Панина С.В. – 169; Рутцен А.Н. – 167; Харламов В.А. – 151; Садырин П.А. — 148; Виноградов В.А. – 141; Овчинников Б.М. – 132; Быховский Г.Б. – 129; Парамонов А.К. 461 – 128; Калугин М.Д. – 125; Свечин А.А. – 119; Иванов С.А. – 117; Шахматов А.А. – 116; Дживелегов А.К. – 114; Туманов Г.М. – 114 голосов. Всего подано 223 записки.⁵⁴

В последний день работы VIII съезда к.-д. партии, 12 мая 1917 г., Вернадский в газете «Речь» опубликовал статью «Аграрная проблема и научная исследовательская работа» [35]. Безусловно, появление этой статьи не случайно. Как отмечено выше, на VIII съезде аграрному вопросу было уделено особое внимание, а в программе партии появилась формулировка о безотлагательности проведения аграрной реформы⁵⁵. Кроме того, в мае 1917 г. в Петрограде проходил Всероссийский съезд крестьянских депутатов, о котором в своей статье упоминает и Вернадский⁵⁶. Аграрная реформа (даже самая полная и решительная), –

⁵⁴ Об итогах съезда подробнее см. [218].

⁵⁵ В программе 1905–1906 о факторе «неотложности» аграрной реформы не упоминалось.

⁵⁶ Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов состоялся 4–28 мая 1917 в Петрограде. Он был созван по решению совещания 13–17 апреля представителей крестьянских Советов 27-ми губерний; главными организаторами съезда были эсеры [282]. В день открытия присутствовал 561 депутат, 19 мая – 1340, наибольшая численность – 1353 (ожидалось 1500) депутата, представлявших 63 губернии и 8 областей; менее представлены были отдаленные губернии и области, особенно с неславянским населением. 22 мая на съезде с речью по аграрному вопросу выступил В.И. Ленин. Съездом приняты резолюция о коалиционном правительстве и постановление по аграрному вопросу (все земли должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т. п., т. е. ликвидировалось помещичье землевладение). Съезд имел наибольшее значение для создания убеждения крестьянских масс о том, что «землю надо брать», благодаря выступлению на нем В.И. Ленина, настаивавшего на «развитии творческой

полагает он, – не разрешит того вопроса, который стоит сейчас на очереди перед современным поколением, поскольку при современной трудовой норме земельной площади удобной для хозяйства земли не хватит для всего населения. Ее еще менее хватит через недолгие годы при том приросте населения, какой еще держится в России. Вернадский исходит из того, что – с государственной точки зрения – аграрный вопрос в равной мере состоит из трех равноценных частей: 1) распределения удобной для земледельческого использования земли; 2) поднятия ее производительности и 3) превращение непригодных для земледелия земельных площадей в площади годные. В то же время, подчеркивает он, главное внимание политических партий и всецело все внимание народа обращала на себя только первая сторона вопроса – распределение земли, хотя в действительности, что выяснится со временем, вопрос гораздо сложнее, чем это обычно мыслится, поскольку «острота земельного вопроса всецело сохранится по существу, хотя, несомненно, она потеряет свою остроту с социальной точки зрения». Забывать это, – продолжает Вернадский, – мы не должны и должны принимать это во внимание при коренном решении вопроса о распределении удобной для земледелия земли, при переходе ее в руки трудящихся, ибо мы должны сохранить в руках государства достаточные площади земли во всех естественных районах страны, которые бы позволили вести энергичную государственную, общественную и дачную работу в области повышения производительности земли и ее улучшения. Производя коренной переворот в землепользовании, государство должно учитывать ближайшее будущее и одновременно принять ряд планомерных решений в новой обстановке аграрного вопроса. Однако, считает Вернадский, упускается из виду еще одна сторона земельной реформы, которая не учитывается и не сознается в своем значении. Дело в том, что «в практическом разрешении земельной реформы в областях увеличения производительности земли, ее возможного использования, улучшения мы на каждом шагу наталкиваемся на вопросы, которые не могут быть разрешены без научного знания, а между тем, научно не изучены и не разрешены, требуют прежде всего широкого научного исследования. Мы имеем здесь дело с новым и иногда едва

инициативы масс» в решении всех политических проблем. В дальнейшем не только пропаганда большевиков, но и действия эсеров на местах, не говоря уже о стихийном крестьянском самоуправстве, полностью блокировали предложения кадетов о проведении земельной реформы.

затронутым полем научной работы, и мы никогда правильно не разрешим стоящих перед нами практически для нас чрезвычайно важных задач, если мы прежде всего не организуем научное изучение». Вернадский приходит к выводу, что «необходима не только сеть опытных сельскохозяйственных станций, но и широко развитая система опытных показательных хозяйств, селекционных институтов, создание государственного почвенного комитета, исследовательских почвенных лабораторий (не аналитических только), широкой постановки исследования скотоводства во всех его проявлениях, зоотехнических лабораторий, организованного изучения вопросов, связанных с удобрением, опытного изучения утомления почвы (почвенные яды), изучения вопросов, связанных с механической обработкой почвы и сельскохозяйственным машиностроением и т. п.». К сожалению, в России все еще нет «для всего этого ни нужной организации, ни нужных подготовленных работников, ни нужных средств. Все это требует средств и больших, и должно быть исполнено немедленно, одновременно с коренным изменением аграрных отношений, ибо все это работа длительная и такая, которая очевидно изменит в некоторых случаях конкретные решения аграрной реформы. В общественное сознание должно проникнуть убеждение, что в этой области государство подошло к решению таких вопросов, по отношению к которым у него нет ни накопленного векового опыта, ни научного знания. Поэтому оно должно быстро и прочно организовать получение этого знания».

24 мая 1917 г., также в газете «Речь», Вернадским была опубликована статья под названием «Неотложное дело» [38, с. 2], которая написана в связи с событиями в Кронштадте. Так, еще 13 мая 1917 г. Исполнительный комитет Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов постановил, что единственной властью в городе является Совет рабочих и солдатских депутатов, непосредственно входящий в контакт с Петроградским советом, т. е. административная власть в Кронштадте осуществляется членами Исполнительного комитета Кронштадтского совета, а не эмиссарами Временного правительства. Больше того, 17 мая Кронштадтский совет даже провозгласил независимую «Кронштадтскую республику» [216]. После этого в Кронштадт прибыла делегация Петросовета и в результате переговоров была принята резолюция о признании власти Временного правительства. 22 мая кронштадтский вопрос обсуждался на заседании Петросовета. Постановили, что «захват власти местными советами идет вразрез с политикой революционной демократии, стремящейся к созданию сильной

центральной власти». После митингов и демонстраций в Кронштадте, организованных большевиками (91 делегат из 300 в Кронштадтском совете), 26 мая местный совет вновь подтверждает свое решение от 13 мая. В тот же день Петросовет еще раз ставит кронштадтский вопрос. Принимается жесткая резолюция о беспрекословном подчинении всем предписаниям Временного правительства с упоминанием о «позорящих революцию актах мести и расправы». Это решение было поддержано закрывшимся 28 мая I Всероссийским крестьянским съездом, а на практике была организована эвакуация «неблагонадежных» матросов на учебных судах из Кронштадта на летние занятия в финских шхерах. На этом «кронштадтский инцидент» был исчерпан.

В своей статье Вернадский утверждает, что в Кронштадте открыто создается центр междоусобной войны, организуется борьба против Временного правительства. Эмиссары кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов рассылаются с призывом к этой борьбе по всей России. Неужели нам, – задает вопрос Вернадский, – предстоит перейти и через это испытание? Неужели людьми, устроившими позорное для России «братание», перемирие с немцами, будет начата внутренняя кровавая распря, междоусобная война! Братаясь с немцами, будут убивать своих! В борьбе за интересы одного класса большевики потеряли не только государственное сознание, они оторвались от России. Но здесь совершается сейчас и другое, столь же тяжелое преступление уже против общечеловеческих идеалов. Вернадский обращается к опубликованному в вечернем номере «Биржевых Ведомостей» профессором В.Д. Кузьминым-Караваевым⁵⁷ открытому письму, которое, считает Вернадский, не может пройти без отклика и без внимания со стороны русского народа, поскольку в Кронштадте с арестованными офицерами обращаются уже в течение долгих месяцев самым бесчеловечным образом. Здесь, по указаниям Кузьмина-Караваева, восстановили режим, близкий к режиму тюрем инквизиции, худший, чем тот, который царил в худшие эпохи деятельности старого режима, аналогичный тому, который иногда существовал там, как злоупотребление властью местных ее носителей. Эти злоупотребления –

⁵⁷ Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – генерал-майор, профессор-правовед Военно-юридической академии (до 1905 г. один из неофициальных советников С.Ю. Витте в период его премьерства), земский деятель, депутат I и II Государственной думы, товарищ председателя Петроградской городской думы.

их возможность — вызывали, — пишет Вернадский, — в наших сердцах стремление покончить со всем старым режимом, явились величайшим, никогда не смываемым позорным пятном на всем старом режиме в глазах всего человечества. Нам, русским, приходилось за это краснеть, сталкиваясь с свободными людьми Запада или Америки.⁵⁸

На следующий день, 25 мая 1917 г., в газете «Речь» Вернадский опубликовал еще одну статью — «Увеличение производительности труда» [44, с. 2]. В ней он указал, что «сейчас в России происходит странный процесс, который можно объяснить только невежеством народных масс и их руководителей и особой формой психоза, связанного с переживаемым историческим переворотом. Огромная масса людей действует в жизни, забыв об условиях действительности — забыв о войне, об опасностях внешнего порабощения, надвигающегося голода, анархии. Она не заботится ни об общих интересах государства, ни о его будущем, ни о его безопасности и целостности». Эти люди преследуют сугубо эгоистические цели, видят только свои личные интересы, свое благополучие, в лучшем случае — интересы и благо своего класса. Вернадский, тем не менее, убежден, что «это — проходящее, временное течение. За этими кричащими и сильными бесшабашностью своих вождельцев людьми в народной среде идет глубокий огромный силы процесс осознания жизни. Исконный государственный инстинкт русского племени сумеет отбросить эту накипь, сейчас выдвинутую наружу». Хотя, возможно, и не удастся этого добиться без тяжелой, болезненной катастрофы, связанной с финансовым и промышленным кризисом, которую можно избежать или уменьшить ее тяжесть и длительность, «если мы заранее ясно сумеем уяснить себе значение этих тяжелых проявлений государственного разложения». Вернадский считает, что из сложившегося «в переживаемую великую эпоху» тяжелого положения, «есть только один выход — быстрое и широкое использование всех производительных сил нашей страны», которые, по его мнению, слагаются из двух источников: из естественных

⁵⁸ Надо отметить, что «Кронштадтский инцидент», о котором — во многом со слов Кузьмина-Караваева — сообщает Вернадский, стал предметом журналистского расследования многих газет. При этом выяснилось, что сведения о пытках из статьи В.Д. Кузьмина-Караваева не соответствовали действительности. Условия содержания арестованных определялось «бытом» кронштадтских казематов и в самом деле были страшными. Летом 1917 в Кронштадте работала специальная следственная комиссия Временного правительства, действия которой привели к освобождению многих заключенных офицеров [58, с. 233].

производительных сил и из духовных сил человека, к производительности его труда. К сожалению, естественные производительные силы страны во многом «используются в чрезвычайно недостаточной степени, тратятся невежественно, без толку, без всякой заботы о будущих поколениях». В то же время естественные богатства России огромны, и если ими пользоваться разумно и энергично, то «мы выйдем из нашего положения более легко, чем это сейчас думают многие сомневающиеся», но следует помнить, что «естественные производительные силы мертвы без оживляющего их человеческого труда и человеческой мысли. Они дадут свой благой результат только при полном расцвете обеих сторон производительных сил государства – даров природы и человеческого духа», однако, к сожалению, «положение с духовными производительными силами страны у нас сейчас очень грозно, небывало грозно <...>. Труд русского рабочего в высшей степени мало производителен». Поэтому, полагает Вернадский, «одной из насущнейших задач настоящего момента является пропаганда значения усиления производительности народного труда». Он предлагает создать особую государственную комиссию об увеличении производительности труда⁵⁹.

В этот же день, 25 мая 1917 г., состоялось очередное заседание ЦК партии кадетов, на котором присутствовали 20 его членов; председательствовали М.М. Винавер и П.Н. Милюков. ЦК поручил А.А. Корнилову и Н.Н. Черненкову окончательно отредактировать программу партии с добавлениями, внесенными VIII съездом (в аграрном, областном и кооперативном вопросах). Ф.Ф. Кокошкин, как председатель, и М.М. Винавер, как член правительственной комиссии по подготовке Учредительного собрания, сделали сообщения о ходе работ указанной комиссии, об избрании президиума и специальных подкомиссий, а также о поставленных на очередь принципиальных вопросах, мнение ЦК о которых они хотели бы знать предварительно. Вопросы эти: 1) о том, какая система выборов должна быть принята – мажоритарная или система пропорционального представительства партий; 2) о правах дезертиров на участие в выборах и 3) о возрастном цензе для выборов. В ходе дискуссий обозначился еще один вопрос: о выделении при

⁵⁹ 22 июня 1917 постановлением Временного правительства был учрежден Экономический совет и предложен проект об организации его исполнительного органа – Главного экономического комитета с целью осуществления рациональной экономической политики.

выборах городов из окружающей территории для обеспечения представительства городского населения. По первому вопросу большинством голосов признана желательной система пропорционального представительства. По вопросу о дезертирах ЦК, признавая в принципе справедливым лишение их гражданских прав, остановился перед трудностью определения в законе и на практике понятия дезертирства; дезертир, возвращенный на фронт, уже не совсем дезертир, а скрывающийся в тылу и без того не будет пользоваться правом выбирать, не будучи занесен в избирательные списки; поэтому за законом о дезертирстве может быть признано только моральное значение, и срочности этот вопрос в себе не заключает. По вопросу о возрасте принципиально признано желательным настаивать на предельном возрасте для выборов в 21 год, но ввиду военного времени всем призванным на фронт моложе этого возраста также можно предоставить избирательные права.

4 июня 1917 г. в газете «Свободный народ» Вернадский опубликовал статью «Об автономии» [39]. По мнению В.П. Волкова, эта статья, напечатанная за подписью «Володарь», представляет собой, вероятно, первое выступление ученого в печати под псевдонимом. Можно с осторожностью допустить, считает В.П. Волков, что в связи с определенными разногласиями в к.-д. партии по национальному вопросу, Вернадский не хотел выносить на страницы прессы нюансы партийной жизни, хотя ежедневная газета «Свободный народ» (издаваемая с июня 1917 г., главный редактор князь В.А. Оболенский) и являлась официальным органом кадетской партии [58, с. 238]. Напомним, что Вернадский в 1914–1917 гг. активно участвовал в разработке партийных решений по национальному вопросу, входил в состав комиссий ЦК по украинской и литовской проблеме, в которых поддерживал осуществление требований культурной автономии и выступал против образования самостоятельных государств вне рамок России. В своей статье Вернадский указал, что важно и необходимо, чтобы понимание автономии, стремление к местной автономии проникло возможно глубоко в сознание русского народа [39]. «Это необходимо в России, где живут рядом сотни народов и племен и где так различны в разных местах условия жизни — в холодных пустынных областях: нашего севера на берегах Ледовитого океана, в горах Кавказа, в степях чернозема, на берегах теплого Черного моря или на границах Монголии и Маньчжурии, во многом чуждом русскому европейцу Приамурье». Именно поэтому «нельзя всю эту жизнь всегда направлять издалека, из столицы

<...> нельзя даже тогда, когда в этой далекой столице будут заседать выборные люди этой местности вместе с выборными всей Русской Земли», которые могут издавать законы для всей России, тогда как выборные люди одной какой-нибудь области должны получить право издавать для своей местности (например, губернии) местные законы, учитывающие местные особенности, но не противоречащие общероссийским законам. Право издания местных законов, считает Вернадский, является основным признаком местной автономии; оно отличает ее от местного самоуправления, широкое развитие которого характерно для земства. Земская губерния не обладала местной автономией и введение местной автономии коренным и очень глубоким образом меняет местную жизнь. Если местная автономия будет усиливаться, пределы местного законодательства будут расширяться и влияние сейма на управление автономной областью будет расти – автономная область может почти незаметно перейти в штат, а государство с широкой местной автономией своих областей превратится в федерацию. При этом, отмечает Вернадский, в России необходимость предоставления отдельным ее частям широкой местной автономии не только связана с различием условий жизни ее населения в разных ее частях, но и с тем, что население страны очень различно. При правильном развитии автономии отдельные народы, не разрывая своей связи со всей Россией, получают такую свободу национальной жизни, которую они никак не могут получить в централизованном государстве. Поэтому желательно, чтобы области провинциальной автономии совпадали с областями сплошного по возможности населения одной национальности. Однако это достижимо только для небольших национальностей. Для крупных национальностей, например для великорусов или украинцев, неизбежно будут существовать много украинских или великорусских автономных провинций, ибо трудно и едва ли возможно построить прочное и сильное государство из равных по своим правам автономных областей, резко отличающихся по своим размерам.

5 июня 1917 г. В.И. Вернадскому было направлено приглашение (и разные документы) от Петроградского отдела (открыт 27 мая) Всероссийского Союза земельных собственников войти в качестве одного из членов Отдела⁶⁰, но думается, что он вряд ли согласился стать членом этой организации.

⁶⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 47–53.

В конце июня 1917 г. в Киеве состоялись переговоры делегации Временного правительства с Центральной Радой⁶¹, представившей на утверждение кабинета министров декларацию, учреждавшую в качестве высшего органа управления краевыми делами Украины Генеральный секретариат, состав которого устанавливался Временным правительством по согласованию с Центральной Радой. Конституционные демократы, входившие в состав Временного правительства, руководство и провинциальные комитеты кадетской партии квалифицировали декларацию, как преступный документ, угрожающий «святости и неделимости Российского государства». Именно этот – украинский вопрос – и стал катализатором июльского кризиса Временного правительства, когда представители кадетской партии заявили о выходе из его состава [129, с. 140, 141]. По этому поводу 24 июня 1917 г. Вернадский написал письмо заместителю министра внутренних дел Временного правительства (с 9 марта по 2 августа 1917 г.) С.Д. Урусову:

«Многоуважаемый Князь Сергей Дмитриевич,

Вчера вечером ЦК констит[уционно-]дем[ократической] партии высказался принципиально против посылки правительственной комиссии по украинск[ому] вопросу в той форме, в какой она предположена правит[ельством]. Этим самым сделалось невозможным участие в ней И.П. Демидова⁶², С.Ф. Ольденбурга и меня, как членов ЦК. Мы обязаны подчиниться партийной дисциплине. Мне очень досадно, что мы, давши свое согласие, не переговорив с ЦК, затруднили Вам организацию этого дела. Но я продолжаю думать, что – пока не было решения по этому делу ЦК – мы как частные люди нравственно обязаны были не отказываться от тяжелой ответственности, возлагаемой на нас правительством. О возможности изменения нашего решения после

⁶¹ Центральная рада (Украинская центральная рада) – после Февральской революции 1917 в России представительный орган украинских политических, общественных, культурных и профессиональных организаций; с ноября 1917 законодательный орган Украинской народной республики (УНР). См.: *А.О. Золотарев* Из истории Центральной Украинской рады. (1917 год). – Харьков: Гос. изд-во Украины, 1922. – 34 с.

⁶² Демидов Игорь Платонович (1873–1946) – журналист, земский деятель, член ЦК кадетской партии, член IV Государственной думы. Некоторое время товарищ (заместитель) министра земледелия Временного правительства. Один из руководителей «Всероссийского национального центра» в Киеве. В декабре 1919 выехал в Польшу. С 1920 – в эмиграции, помощник редактора газеты «Последние новости» П.Н. Милюкова.

заседания ЦК, я и С.Ф. <Ольденбург> вчера предупреждали и Вас и кн[язя] Львова. Если Вам угодно переговорить со мною по этому вопросу, с удовольствием приеду к Вам, когда назначите. ЦК известил Демидова о своем решении» [16].

2-го июля 1917 г. состоялись дневное и вечернее заседания ЦК к.-д. партии, в которых Вернадский⁶³, судя по рассматриваемым на них вопросам, вполне мог участвовать. На вечернем заседании был выдвинут вопрос о том, что после принятого партией в дневном заседании отрицательного решения по отношению к акту Временного правительства, устанавливающему соглашение с Центральной Радой по украинскому вопросу, кадетской партии следует вынести также и положительное решение, определяющее отношение ее к украинскому вопросу. В результате прений всеми голосами (при одном воздержавшемся) принята была следующая резолюция: 1) в развитие программы партии принять принцип областной автономии Украины и 2) образовать комиссию при Центральном комитете партии по выработке для внесения в Учредительное собрание законопроекта областной автономии Украины с сохранением государственного единства России и при строгом обеспечении общегосударственных интересов.⁶⁴

На состоявшемся 23–28 июля 1917 г. IX всероссийском делегатском съезде к.-д. партии академик В.И. Вернадский, который в это время находился в Полтавской губернии, был выдвинут кандидатом (от Петрограда и Алтая) в депутаты Учредительного собрания (всего от кадетской партии выдвигались 67 человек) [249]. Из близких Вернадскому людей в список кандидатов вошли: П.И. Новгородцев, С.Ф. Ольденбург, И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, Д.И. Шаховской.

Состоявшееся летом 1917 г. соглашение между министрами-социалистами и кадетами просуществовало всего месяц, поскольку корниловский мятеж predetermined распад июльской правительственной коалиции. После разгрома июльской демонстрации в стране ускорился

⁶³ В эти дни Вернадский готовился к отъезду в Полтавскую губернию, где пробудет до первых чисел августа 1917 – подробнее об этом см. ниже.

⁶⁴ 2 июля 1917 состоялось заседание Временного правительства, которое закончилось поздно ночью. На этом заседании «после споров по украинскому вопросу кадетские министры заявили о своем выходе из правительства» [272, с. 125]. В след за этим и последовал так называемый июльский кризис (июльское восстание) – антиправительственные выступления 3–5 июля в Петрограде, в которых не последнюю роль сыграли большевики, а «улицы Петрограда были залиты кровью» [272, с. 183]

процесс большевизации Советов, которые приобретали все большее влияние и популярность на местах. Временное правительство вместе с руководством к.-д. партии стремилось найти пути укрепления своей власти и возможность предотвращения надвигающихся революционных событий. На заседаниях ЦК к.-д. партии обсуждался даже вариант установления «твердой власти» при помощи военной силы [249]. В частности, зная о предстоящем походе Л.Г. Корнилова на Петроград с целью разгона Советов и установления единовластия, лидеры кадетской партии, дабы не оказаться в двусмысленном положении из-за своего нежелания принять участие в борьбе с генералом, отозвали накануне мятежа своих министров из Временного правительства, что вызвало очередной правительственный кризис. Формальным поводом для их добровольной отставки явилось требование А.Ф. Керенского о предоставлении ему в этих чрезвычайных условиях диктаторских полномочий, с чем кадеты не захотели согласиться. После разгрома корниловского мятежа влияние и авторитет лидеров к.-д. партии, которых обвинили в пособничестве генералу Корнилову, резко упали.

3 сентября 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» было опубликовано обращение⁶⁵ правительства следующего содержания [186, с. 1]: «Мятеж генерал Корнилова подавлен. Но великая смута, внесенная им в ряды армии и страны. И снова велика опасность, угрожающая судьбе Родины и ее свободе. Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, помятуя единоедушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском Государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику. Срочная необходимость принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка побудила Временное правительство передать полноту своей власти по управлению пяти лицам из его состава во главе с министром-председателем⁶⁶. Временное

⁶⁵ Его 1 сентября 1917 подписали министр-председатель А. Керенский и министр юстиции Зарудный.

⁶⁶ В этом же номере «Вестника Временного правительства» (с. 3) было опубликовано следующее сообщение: «Впредь до окончательного формирования кабинета и в связи с чрезвычайными обстоятельствами настоящего момента Временное правительство в заседании 1-го сентября возложило непосредственное руководство делами государства на министра-председателя А.Ф. Керенского,

правительство своей главной задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии. Убежденное в том, что только сосредоточение всех живых сил страны может вывести Родину из того тяжелого положения, в котором она находится, Временное правительство будет стремиться к расширению своего состава путем привлечения в свои ряды представителей всех тех элементов, кто вечные и общие интересы Родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов. Временное правительство не сомневается в том, что эта задача будет им исполнена в течение ближайших дней».

Петроградский Совет проголосовал против пребывания министров-кадетов в правительстве. Однако А.Ф. Керенский вновь пригласил их участвовать в третьей коалиции «во имя спасения революции». Новое правительство было сформировано 25 сентября. Юристы-кадеты сразу включились в разработку Положения о только что созданном в качестве народного представительства Временном Совете республики (Предпарламенте), а заместителем председателя его стал В.Д. Набоков. Кадеты приобрели в нем достаточно большое число сторонников и после ухода из него большевиков даже вошли в контакт с блоком левых партий. Они рассматривали Предпарламент как противовес центральным Советам, как орган, с помощью которого они намеревались отобрать у них политические функции до отложенного созыва Учредительного собрания, как будущий «руководящий центр государственной мысли». Задачи их оставались прежними — остановить развал дисциплины в армии, экономическую разруху в стране и продолжить войну с Германией до победы.

16 августа 1917 г. на пленарном заседании ЦК к.-д. партии было принято решение созвать на 14–16 октября 1917 г. в Москве X съезд конституционно-демократической партии народной свободы. 20 августа 1917 г. В.И. Вернадский (между прочим, вместе с сыном Георгием, который тогда был помощником секретаря) участвовал в заседании ЦК партии. После рассмотрения различных вопросов преимущественно организационного характера, а также после обмена мнений о текущем политическом положении заседание ЦК было закрыто без формулировки каких-либо выводов и решений.

министра иностранных дел М.И. Терещенко, военного министра — генерал-майора Верховского, морского министра — контр-адмирала Вердеревского и министра почт и телеграфов — А.М. Никитина».

29 сентября 1917 г. В.И. Вернадский принял участие в общем собрании членов партии Народной Свободы Василеостровского района Петрограда. Оно состоялось в 1-м Реальном училище (В.О., 12 линия, 5). На этом собрании, среди прочего, были заслушаны сообщение С.Ф. Ольденбурга «О текущем моменте» и доклад Н.Н. Мартиновича «О предстоящем X Всероссийском съезде партии народной свободы».⁶⁷

15 октября 1917 г., как следует из дневника Вернадского, он вместе с С.Ф. Ольденбургом участвовал «в соединенном заседании ЦК и фракции Совета» [56, с. 20].

Днем раньше, 14 октября, в Москве, в кинотеатре «Колизей», открылся X съезд конституционно-демократической партии (завершился 16 октября 1917 г.). Из отчета о работе Съезда следует, что он был созван главным образом «ввиду предстоящих в близком будущем выборов в Учредительное Собрание», но на нем также были заслушаны и обсуждены доклады по многим другим вопросам [249]. В частности, доклад об истории образования третьего коалиционного кабинета министров и Предпарламента и о планах работы в нем представил В.Д. Набоков. О деятельности кадетов-министров в предыдущем (втором коалиционном) правительстве доложил Ф.Ф. Кокошкин. С докладами о тактике партии выступили П.И. Новгородцев и П.Н. Милюков. На основе этих докладов была выработана и принята политическая платформа, отражавшая, как считали лидеры партии, общегосударственные и общенациональные интересы, которой должны были придерживаться кадеты – члены Временного правительства и Предпарламента в своей деятельности и которая могла бы объединить «все истинно государственные группы». Профессор В.Г. Коренчевский в своей речи обратил внимание на отчаянном положении русского офицерства в армии в условиях ее развала и большевизации солдатских масс. О финансово-экономическом состоянии страны и об изменениях в программе к.-д. по данному вопросу рассказал А.И. Шингарев, который сформулировал следующие тезисы [249, с. 745]: 1) партия должна в основу экономических мероприятий поставить своей задачей развитие производительных сил добывающей, обрабатывающей и сельскохозяйственной промышленности страны при непременно сохранении хозяйственной самостоятельности России и охране ее производственной жизни; 2) развитие источников дешевой энергии и переработка отечественного сырья внутри страны должны стоять на первом плане в

⁶⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 64а.

экономической программе так же, как и работы по земельной мелиорации и широкое развитие путей сообщения, вплоть до морского транспорта; 3) в качестве временной задачи партия должна обратить самое серьезное внимание на планомерное и своевременное проведение демобилизации армии и промышленности, работающей на оборону, с тем, чтобы была предотвращена безработица, чтобы рабочий класс испытывал наименьшее потрясение и промышленные предприятия, прекращающие производство военного снабжения и снаряжения, были направлены на производство недостающих стране продуктов и товаров, ввозимых из-за границы; 4) в области финансов тяжелые условия, беспримерные расходы военного и революционного времени не дают возможности государству, по крайней мере в течение ближайших лет, понижать таможенное обложение и косвенные налоги на предметы широкого потребления. Вследствие этого временно основные требования программы партии в области косвенного обложения не могут быть осуществимы, наоборот, приходится предвидеть временную необходимость проводить их для выполнения государственных обязательств по долгам и покрытия крупнейших расходов по оплате труда, предвидеть новое увеличение косвенного обложения в той или другой форме.

Главным вопросом на X съезде был вопрос о подготовке выборов в Учредительное собрание. Организационные задачи к.-д. партии в связи с его созывом рассматривались в основном на закрытых совещаниях, о содержании которых можно судить только по принятым постановлениям, в том числе об агитации, об уставе, о приеме новых членов. Тактическая платформа партии кадетов, предлагаемая П.Н. Милюковым, состоит из 6 пунктов [249, с. 737]: 1) война в полном согласии с союзниками до успешного конца; 2) восстановление боеспособности армии путем установления дисциплинарной власти начальников и внедрения в надлежащие рамки функций армейских комитетов; 3) единство власти в смысле ее независимости от каких-либо частных партийных организаций; 4) сила власти, требующая применения в надлежащих случаях принудительного аппарата; 5) восстановление органов власти в провинции; 6) независимость суда как гарантия гражданских свобод, попираемых современной анархией. Эта платформа и обязательна при выборах в Учредительное Собрание.

Съездом единогласно были приняты следующие три «тактических» тезиса [249, с. 737–738]: 1) Съезд партии народной свободы одобряет действия представителей партии как во время пребывания их

в правительстве прежнего состава, так и во время переговоров, закончившихся образованием Временного правительства нового состава и учреждением Совета республики. 2) Являясь непосредственным продолжением всей предыдущей деятельности партии во время революции, деятельность фракции в Совете должна закреплять в сознании масс твердый и определенный взгляд на пути спасения родины, выраженный в ряде партийных постановлений и уже объединивший около себя разнообразные элементы и все увеличивающиеся в числе общественные группы. 3) Съезд полагает, что ближайшей задачей партии в Совете должно быть стремление к образованию в нем руководящего центра государственной мысли, объединяющего здоровые политические элементы, дающего Временному правительству возможность опереться на них при осуществлении неотложных жизненных задач, на нем лежащих, и направляющего правительство по пути неуклонного осуществления этих задач.

Съезд также принял резолюцию в связи с украинским вопросом, гласящую: «Съезд, выслушав доклад об отозвании Киевским областным комитетом партии своих представителей из Центральной Украинской Рады, одобряет действия комитета и поручает фракции народной свободы во Временном Совете республики внести вопросу о действиях руководителей Генерального Секретариата, которые, не считаясь с положением Секретариата как органа Временного правительства и с предъявляемыми им правами, установленными инструкцией 7 августа, ведут политику, клонящуюся к подрыву государственного единства России и верховных прав Всероссийского Учредительного Собрания» [249, с. 746].

Так, из записи 23 октября следует, что 22 октября состоялось заседание ЦК, о котором Вернадскому рассказывала С.В. Панина. С.Ф. Ольденбург сообщил Вернадскому «свое впечатление, что большевики падают в своем значении среди социалистов и потому надо ждать их выступления. Вчера мне говорил Аузан⁶⁸ об их военной организации и чрезвычайной вероятности столкновения» [56, с. 27]. «Неужели,

⁶⁸ Аузан (Аузанс) Андрей Иванович (1871–1953) – латыш; военный геодезист, генерал-майор; член сейсмической комиссии Академии наук (1914), участник Первой мировой войны. С 28 апреля 1917 начальник Военно-топографического управления Генерального штаба. Добровольно вступил в РККА, со 2 мая 1918 начальник Корпуса военных топографов. С 4 февраля 1921 штатный преподаватель Военной академии РККА. В 1923 вернулся в Латвию, служил в Латвийской армии. В 1944 выехал в Германию. В 1948 переехал в Великобританию.

– записал Вернадский в дневнике, – мы вместо внешней войны будем иметь внутреннюю» [56, с. 27].

Дневник Вернадского: «Пишу утром 25-го <октября 1917 г.>. Вчерашний день неожиданно оказался днем кризиса» [56, с. 28].⁶⁹

25 октября 1917 г. произойдет событие, которое «потрясет весь мир» и получит в советской историографии название «Великая Октябрьская социалистическая революция», а последовавшие после этого (27 октября и в ноябре 1917 г.) воззвания партии кадетов с призывами восстановить «законную и преемственную власть, созданную Революцией», «спасайте Родину и Свободу» и т. п. уже не имели значения.

Здесь, очевидно, следует согласиться с мнением, что «главная революция 1917 года произошла в феврале. Именно тогда потерпела крушение многовековая российская государственность, существовавшая в форме Российской империи Романовых. Было много празднеств по поводу свержения “проклятого царизма”. Пришедшее к власти правительство либеральной мечты сняло все ограничения гражданских прав, гарантировало свободу собраний и создания общественных организаций, отменила смертную казнь, разрешило неограниченное местное самоуправление. <...> Однако уже через несколько месяцев этого правительства не станет, у него не окажется защитников, к власти придет ультралевая маргинальная партия, которая установит свою безраздельную диктатуру. <...> Октябрьская революция стала результатом, в первую очередь, нежизнеспособности Временного правительства и его фантастических провалов» [176, с. 1055–1056].

Уже в августе 1918 г. П.Б. Струве подведет итог: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий» [245, с. 289].

Действительно, как сказано в одном современном исследовании, «деятели либерального движения, нередко обладавшие авторитетом мирового масштаба, пользовавшиеся уважением даже в стане своих политических противников, сознававшие и сами формулировавшие

⁶⁹ С 26 октября в течение двух недель в Петрограде ежедневно заседал Центральный комитет к.-д. партии, причем уже на заседании 27 октября было принято воззвание с резким осуждением Октябрьской революции и призывом не признавать Совет Народных Комиссаров (см.: Н.Г. Думова Кадетская контрреволюция и ее разгром. – М.: Наука, 1982, с. 25). Во многих заседаниях принимал участие и Вернадский, что следует из записей в его дневнике того времени [56].

русские национальные интересы, оказались активными участниками пораженческой Февральской революции, приведшей Россию к национальной катастрофе. Единственная организованная сила русского общества, получив власть, не смогла удержать и воспользоваться ею» [78, с. 3].

В 1935 г. Е.В. Спекторский⁷⁰ в своей статье «Либерализм» отмечает, что «ошибка либерализма состоит в том, что сложный вопрос об отношении между личностью, обществом и государством слишком упрощается и односторонне решается только в пользу личности. Это неправильно и принципиально и фактически». <...> Принципиально индивидуальная свобода является хотя и существенным, но далеко не единственным составным элементом нормального и законченного человеческого существования». Так, продолжает он, Б.Н. Чичерин⁷¹ насчитывал четыре таких элемента: свободу, власть, закон и общую цель. «Довольствуясь вопреки мудрому замечанию Гегеля “истина это

⁷⁰ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) – правовед, социолог, философ, историк общественной мысли и государства, доктор государственного права (1917). Окончил юридический факультет Варшавского университета (1898), здесь же доцент, затем профессор по кафедре энциклопедии и истории философии права юридического факультета (1913), декан юридического факультета и ректор Киевского университета Св. Владимира (1918). Вместе с Вернадским работал в Комиссиях по выработке законопроекта об основании Украинской Академии наук, по созданию Национальной библиотеки Украины, по высшим учебным заведениям. С 1920 в эмиграции, профессор Белградского университета (1920–1930), профессор (1924–1927) и декан Русского факультета при Пражском университете. Председатель Общества русских ученых в Королевстве Сербов, Хорватом и Словенцев (1920), работал в Русском научном институте в Белграде; профессор (1930) университета в Любляне и председатель Русской Матицы (культурной организации, основанной в 1924 русскими эмигрантами); в 1945 бежал из Югославии, находился в лагерях для перемещенных лиц в Италии, с 1947 в США, профессор Свято-Владимирской Православной Духовной Академии в Нью-Йорке, возглавлял Русскую академическую группу, читал лекции в Американской Академии наук. В Архиве РАН отложились два его письма к Вернадскому – см. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1548.

⁷¹ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – русский правовед, философ, историк, публицист, последователь «гегелизма» и «глубокий поклонник Запада», в конце жизни «осторожно высказывался за конституционную монархию»; почетный член Петербургской Академии наук (1893); профессор Московского университета (1861–1868); при Александре II был воспитателем наследника престола.

целое” только частью вместо целого, либерализм принципиально недостаточен. Человек, живущий в обществе и государстве, не может быть только частным человеком. Он должен быть и социальным и публичным человеком, общественником и государственным. Если сопоставить либерализм с фактами, то окажется, что это не более как теория, во многих отношениях существенно расходящаяся с действительностью. И правовая, и политическая, и хозяйственная жизнь гораздо сложнее, чем это утверждают либералы» [241, с. 420–421].⁷²

Об участии Вернадского в деятельности к.-д. партии в последующие дни можно узнать из его дневника. Так, 3 ноября 1917 г. он записал: «Кажется, целая вечность прошла после последних записей. Невозможное становится возможным, и разворачивается небывалая в истории катастрофа или, м[ожет] б[ыть], новое мировое явление⁷³. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой. Вчерашний день. Утром на часах во дворе у запертых ворот дома вместе с Георг. Егор. <Старицким>. Чтение газет <...>, в которых бесконечное количество неправды перемешано с правдой. Но никто толком ничего не знает, и в газеты попадает то же самое, что знают вожди. Как и в словесной передаче с своим собственным “творчеством”» [56, с. 28–29]. В этот же день Вернадский на собрании ЦК, где шли длинные прения по поводу нового выступления ЦК. Текст составлен Шингар[евым] согласно вчерашнему постановлению. Он отражает переживания его в связи с вчерашней городской думой, где он имел успех. Изгоев (говорящий о диктатуре фронтовых комитетов) и Имшенецкий против всяких таких выступлений. Я указывал на необходимость их, как выдвинуто это и вчера. Требуется этого общество. Набоков, который был все время против, нашел выход в том, чтобы сделать такие выступления постоянными. Ясны различия в настроении комитета: для всех ясна необходимость перехода к той или иной форме диктатуры, но некоторые надеются выйти из положения путем создания временн[ого] социал[истического] минист[ерства] (без большевиков). Сведения о том, что делается вне Петрограда, ничтожны. О Каледине самые различные. Аджемов считает, что верные данные о том, что у него мало войск и настоящей силы он не имеет. Слухи о занятии им Воронежа и Харькова

⁷² 10 ноября 1917 Вернадский записал в своем дневнике: «Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки» [56, с. 38].

⁷³ О событиях тех дней см.: [19, 161, 176, 221].

некоторыми считаются воен[ной] хитр[остью]. Волков очень ярко выдвинул элемент немецк[ого] участия в большевизме. Это общее мнение. Шинг[арев] поставил на обсуждение в следующем заседании вопрос о вероятном занятии в ближайшее время Петрограда немцами и поставил вопрос о нашем положении. Невольно вновь поставил себе вопрос, что делать лично мне: оставаться? <...> Обыватель ждет немца как избавителя!» [56, с. 29].

Из дневника Вернадского, 4 ноября 1917 г.: «Вчера утром писал эти заметки и затем в мелочах. Засед[ание] ЦК у С. Вл. <Паниной>. Обсуждался вопрос о связи между районами и партийн[ыми] деятелями. Общие вопросы отложены ввиду отсутствия Панин[ой], Набок[ова], Обол[енского] (в Ком[итете] спас[ения]⁷⁴).

Из дневника Вернадского, 6 ноября 1917 г.: «Утром ЦК. Долгие споры о выходе наших из Ком[итета] спас[ения]. За это стоял Шингарев, считая необходимым ультиматум о включении в Ком[итет] спас[ения] всех партий Совета Респ[ублики]. В то же время он стоял на прежней точке зрения, что, как таковая, партия н[ародной] с[вободы] не должна входить. Очень против Набоков, Панина. Прошло мнение последних. Яркие различные течения: полный разрыв с социализмом. Очень яркую позицию в этом смысле занял Волков – раньше стоявший на переднем левом фланге партии. За социализм (как идейное мировоззр[ение], но и как по возможности вместе) Набоков, Васильев. Имшенецкий резко подчеркнул вероятность реакции и того, что нам придется идти с социал[истами] против правой реакции» [56, с. 32].

Из дневника Вернадского, 7 ноября 1917 г.: «Вчера утром в ЦК – впервые в обычном месте. Нудные длинные прения в связи с участием в выборах в Учредит[ельное] собрание. <...> Принято решение в ЦК

⁷⁴ Всероссийский комитет спасения родины и революции был создан в ночь на 26 октября на заседании Петроградской городской думы. В своем воззвании «К гражданам Российской республики» призвал население не признавать новую власть и подчиняться только комитету, который «возьмет на себя инициативу в воссоздании Временного правительства». Председатель комитета – Н.Д. Авксентьев, члены – представители всех фракций Думы, за исключением большевиков. Кадеты делегировали В.Д. Набокова, С.В. Панину и В.А. Единственной акцией комитета, а точнее, его бюро, стала организация выступления юнкеров в Петрограде в ночь с 29 на 30 октября для поддержки направлявшихся к столице частей А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова. Аналогичные городские комитеты возникли в Москве, Туле, Ярославле, Самаре, Пскове и других городах. Комитет ликвидирован 10 ноября 1917.

правильное – участвовать в выборн[ых] ком[иссиях], стоять за Учр[едительное] собр[ание]...» [56, с. 33].

Из дневника Вернадского, 9 ноября 1917 г.: «Утром ЦК. Не очень долгое обсуждение нашего поведения в Сов[ете] мин[истров]. В конце концов дали свободу баллотировки по вопросу о делов[ом] мин[истерстве]. Левицкий привез из Москвы воззвание ЦК моск[овского], которое очень нас не удовлетворило. По моему предложению решено не опубликовывать, если оно не окончательно принято, и опубликовать с указанием, что это воззвание было издано м[осковским] отделен[ием] ком[итета], если оно уже *faut accompli* <свершившийся факт (фр.)>. В нем неудачны выпады (правильные) на Керенского и совершенно неправильно дано изложение хода министерств револ[юционной] России» [56, с. 36].

Из дневника Вернадского, 10 ноября 1917 г.: «Вчера утром ЦК. На нем обсуждались условия нашего признания мин[истерства], наша политика в Сов[ете] мин[истров] найдена правильной. Поднят вопрос о “перемирии”, зем[ском] соборе. Ясно и определенно общее сомнение в социал[истическом] мин[истерстве], только если оно будет не деловым. Коли же будет деловым – многие считают лучшим выходом. Настроение против коалицион[ности] очень определенное у большинства. Вчера ввиду засед[ания] правит[ельства] не удалось выступить на митинге. В душе я очень рад этой возможности избежать тяжелого переживания на закон[ном] основании» [56, с. 37].

28 ноября 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров конституционно-демократическая партия народной свободы была объявлена партией «врагов народа», а ее руководители подлежали аресту и преданию суду революционного трибунала.

НАУЧНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АКАДЕМИИ НАУК

Владимир Иванович Вернадский прошел все степени членства в Императорской Санкт-Петербургской академии наук: 4 марта 1906 г. избран адъюнктом Петербургской академии наук; 5 апреля 1908 г. – экстраординарным академиком; 3 марта 1912 г. – ординарным академиком. В 1917 г. он – директор Геологического и Минералогического музея Академии наук и одновременно заведующий его Минералогическим отделением, председатель Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), работал в ряде других академических комиссий и комитетов, а также активно участвовал во многих текущих делах Академии, всегда руководствуясь § 56 ее Устава, гласящего: «Главная обязанность академика состоит в том, чтобы употреблять все силы к усовершенствованию своей науки, к обогащению ее новыми открытиями и к умножению, таким образом, человеческих познаний»⁷⁵.

Новый 1917 год начался для Академии наук вполне традиционно. На Рождество были объявлены высочайшие награды по ведомству Министерства народного просвещения, в число учреждений которого входила Императорская академия наук.

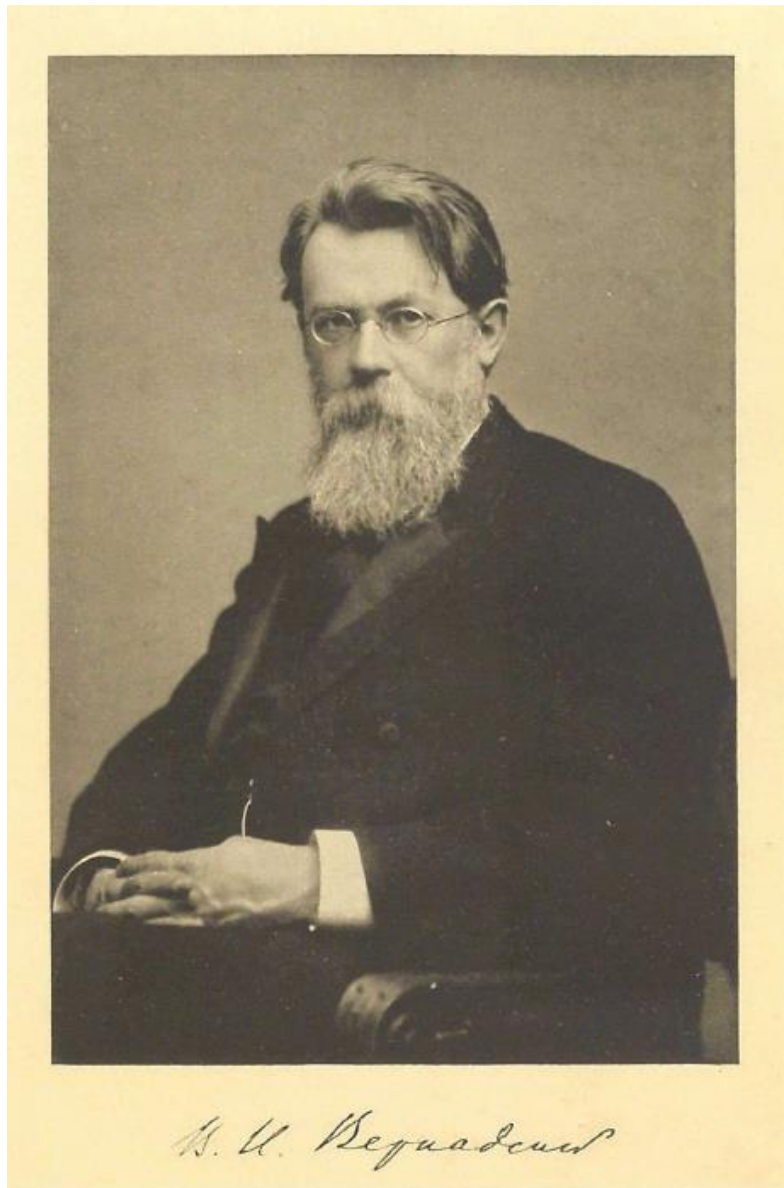
Вернадский, однако, вступал в 1917 год с тревожными мыслями. Из его письма Я.В. Самойлову 7 января 1917 г.: «Сейчас очень тяжелое время – абсолютно ничего неизвестно, что будет в ближайшие дни. Слухи дошли до конца возможного и действительно сейчас все возможно – никогда не думал, чтобы мог в истории встречаться случай по теории вероятностей самый не вероятный. Вот, можно сказать, самое наглядное политическое воспитание опасности современного государственного строя». Тем не менее, пишет дальше Вернадский, его «научная работа идет медленно, но интенсивно»⁷⁶.

В 1917 г. Комиссия по изучению естественных производительных сил России оставалась крупнейшим учреждением Академии наук, основной целью которого было «в масштабе всей страны организовать точный, по возможности полный и систематический учет ее природных ресурсов» [31]. В состав Комиссии входили многие ведущие

⁷⁵ Из Устава Императорской Санкт-Петербургской академии наук [229, с. 11].

⁷⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 1 об.

русские ученые-естествоиспытатели, а также представители от ученых комитетов министерств, русских ученых обществ и военно-общественных организаций [139, 140, 279]. В 1917 г. в КЕПС и в ее подкомиссиях работали 398 специалистов разного профиля⁷⁷ [190].

Академик В.И. Вернадский, 1914 г.

ству, это был центр по организации сбора материалов и исследований природных ресурсов» страны, «а также по публикации работ в этой области. <...> В отдельных комнатах ютились различные отделы этого

С первых дней существования КЕПС⁷⁸ Вернадский – председатель Совета Комиссии. В 1917 г. его товарищами (заместителями) были Н.С. Курнаков и П.И. Вальден. В Бюро КЕПС входили: А.С. Фаминцын, М.А. Рыкачев, А.П. Карпинский, В.В. Заленский, И.П. Бородин, Ф.Ю.

Левинсон-Лессинг, В.К. Бражников, Е.Ф. Лискун, ученые секретари – А.Е. Ферсман и С.Ф. Жемчужный; секретарь и управляющий делами КЕПС – Б.А. Линденер [165].

В то время в Петрограде КЕПС располагалась в доме № 2а по Тучковой набережной. Здесь «не было никаких лабораторий. По суще-

⁷⁷ Среди них 7 женщин: В.А. Бальц, М.И. Добрынина, Е.В. Еремина, С.А. Лихарева, В.С. Малышева, Е.Д. Ревуцкая, В.А. Унковская.

⁷⁸ Создана постановлением Общего собрания Академии наук 4 февраля 1915 г.

учреждения. <...> Впоследствии на базе этих отделов вырос целый ряд крупных научно-исследовательских институтов» [279, с. 42].

Д.И. Щербаков вспоминал о работе КЕПС в то время: «Происшедшие в 1917 г. крупные события в жизни государства не могли, конечно, не отразиться и на деятельности комиссии, не дав возможности ей расшириться в намеченных направлениях. Почти от всех полевых исследований пришлось отказаться. Крайне затруднительно было и печатание, и многие вполне законченные очерки остались неопубликованными. Тем не менее, несмотря на неблагоприятные условия, комиссия не прекращала своей деятельности. Чем больше осложнялась жизнь и труднее становилось экономическое положение России, тем шире развивалась деятельность по использованию природных ресурсов страны. Комиссия продолжала энергично собирать необходимые сведения, пополняла свои рукописи, предназначенные для печати, и тем подготовляла огромный материал к моменту, когда внутренние и внешние условия страны дадут возможность широко развиваться намеченным мероприятиям. Деятельность комиссии все время протекала под непосредственным руководством ее председателя академика В.И. Вернадского» [279, с. 39–40]⁷⁹.

К этому надо добавить, что в структуре КЕПС Вернадский также был председателем:

- Редакционного комитета по изданию «Материалов для изучения естественных производительных сил России»;

- Подкомиссий: 1) по глинам и огнеупорным материалам, 2) по микроскопии, 3) по платине, 4) по почвам, 5) по исследованию Севера, 6) по солям.

В Подкомиссиях по изданию сборника «Естественные производительные силы России» Вернадский: председатель – 1) Редакционного комитета, 2) Ботанической подкомиссии, 3) Зоологической подкомиссии, 4) Подкомиссии по «белому углю», а также входил в состав Подкомиссий 1) по артезианским водам и 2) по использованию силы ветра.

В 1917 г. деятельность КЕПС заключалась, с одной стороны, в организации научно-технических исследований для содействия оборонным ведомствам, с другой – в систематизации и опубликовании

⁷⁹ «Хочется отметить, что в этом учреждении совершенно не чувствовался бюрократический дух, а, наоборот, было очень легко проявлять инициативу, всегда получавшую одобрение и поддержку со стороны президиума комиссии» [279, с. 42].

сведений, полезных этим ведомствам, а также общественным организациям, работающим по обслуживанию фронта [190]. Одной из главных работ Комиссии в 1917 г. являлась подготовка к изданию шеститомного сборника «Естественные производительные силы России», включающего следующие тома: I. Ветер как двигательная сила. II. Белый уголь. III. Артезианские воды. IV. Полезные ископаемые. V. Растительный мир. VI. Животный мир. Программа этого издания была сформулирована Вернадским в 1916 г. [32]. Издание сборника вызвано необходимостью произвести по возможности полный учет природных богатств страны, выяснить степень их использования и наметить пробелы знаний в области изучения производительных сил страны. В нем предполагалось дать полную сводку сведений о естественных производительных силах страны. В первую очередь, это издание предназначалось для «промышленных, общественных и государственных» деятелей. В 1917 г. была завершена работа над первым томом сборника («Ветер как двигательная сила»), в печати находились четвертый («Полезные ископаемые»), пятый («Растительный мир») и шестой («Животный мир») тома, которые были опубликованы в последующие годы [178]. Другим важнейшим направлением деятельности КЕПС была работа по обоснованию плана государственной сети исследовательских институтов, инициатором которой выступил Вернадский [42].

КЕПС осуществляла свою деятельность в тесном контакте с Военно-химическим комитетом (ряд специальных работ, связанных с обороной страны), с Комиссией сырья при Комитете военно-технической помощи, с различными лабораториями – Минералогической при Академии наук и Университете, Химической при Университете, Горном институте и Политехникуме, Центральной научно-технического военного ведомства и др., а также с Ученым комитетом при Министерстве земледелия, с Полярной комиссией, с Металлургическим отделом Комитета военно-технической помощи (по вопросу разработки конструкции металлографического микроскопа) и другими учреждениями и организациями.

В 1917 г. интенсивно продолжались работы над глинами, их огнеупорностью и адсорбирующей способностью, изучались русские каолины для нужд бумажной промышленности, а также способы добычи из них алюминия [191, с. 10]⁸⁰. Материалы полевых исследований

⁸⁰ «В начале 1916 г. Вернадский созвал небольшое совещание по вопросу о том, где искать бокситы. Это было первое в России совещание по бокситам.

огнеупорных ископаемых Северо-Запада и Юга России, собранные в 1916 г. И.И. Гинзбургом, П.А. Земятченским и В.И. Искюлем, обрабатывались и готовились к печати. В Тихвинском уезде впервые были найдены бокситы, перспективные для промышленной эксплуатации. Это установила Специальная комиссия по исследованию алюминиевых руд при Геолкоме, председателем которой был В.И. Вернадский. Комиссия получила специальные средства из военного фонда. Совместно с этой Комиссией и Геолкомом КЕПС было широко поставлено изучение глин с целью возможного получения из них металлического алюминия [190]. Эти вопросы обсуждались 10 и 23 мая на заседаниях Подкомиссии по глинам. Были также проведены совещания о роли почвоведения в земельном вопросе, в котором участвовали представители КЕПС и почвенных организаций. Они были созваны КЕПС для выяснения вопроса о необходимости составления сводок по всем картографическим почвенным материалам и о необходимости объединения существующих почвенных организаций как для этой цели, так и для более широкого участия почвоведов при решении различных задач земельной реформы⁸¹. Планировалась также оорганизация обследования пограничных с Россией областей Малой Азии и Северной Персии. С этой целью Вернадский 16 февраля 1917 г. обратился в Отделение физико-математических наук с просьбой командировать старшего ученого хранителя Геологического и Минералогического музея А.Е. Ферсмана в Тифлис на срок с 20 февраля до 20 марта 1917 г. для организации экспедиции в Малую Азию и Персию и

Кроме Владимира Ивановича, на этом совещании были еще А.Е. Ферсман, Д.И. Щербаков, П.А. Земятченский и В.А. Зильберминц. Никаких сведений о нахождении бокситов в России тогда не было. Многие из нас никогда в жизни не видели бокситов. Лично я видел в учебной коллекции только один образец плотной красной горной породы, по-видимому, из Чехословакии, с этикеткой “боксит”. При полном отсутствии какой-либо геологической карты пришлось в основу возможного прогноза положить результаты небольшого количества имевшихся анализов, в которых расчеты показывали некоторый избыток глинозема. На этом основании были намечены места поисков: Никополь, Криворожский район, р. Олонга и соседние с ней районы, а также Тихвинский район. Все эти прогнозы в дальнейшем подтвердились» [79, с. 48].

⁸¹ Одно из таких совещаний было созвано (весной?) в Москве (по инициативе Вернадского и Ф.Ю. Левинсона-Лессинга). Одним из результатов этого совещания явилось создание Подкомиссии по почвам под председательством Вернадского (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 114).

для представления в Управление Наместника Его Величества на Кавказе докладной записки [268].

В.И. Вернадский был постоянным представителем КЕПС в Комиссии по минеральным водам при Особом совещании по горным делам [190].

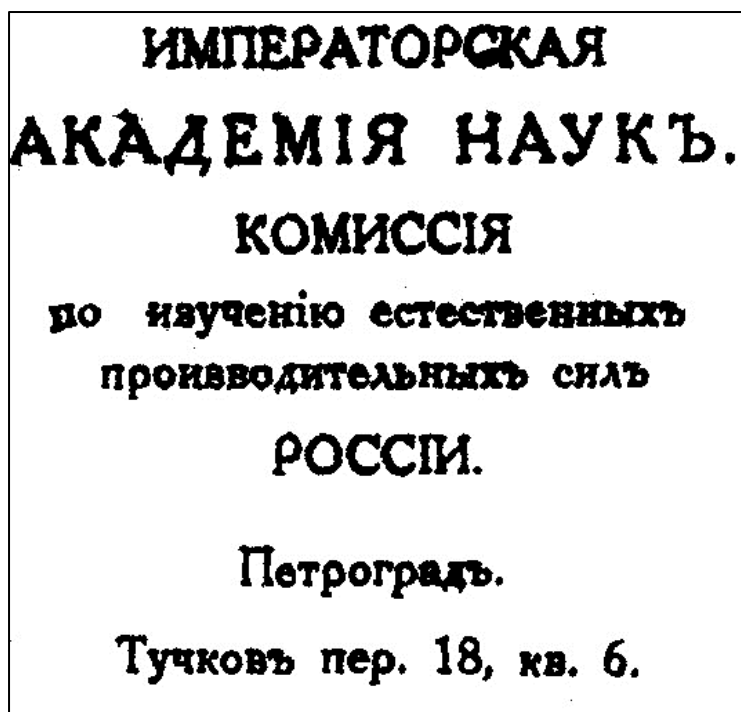
В 1917 г. состоялось 30 заседаний, организованных КЕПС и ее подкомиссиями [190]: 10 января – общее собрание КЕПС (совместно с Военно-химическим комитетом при Отделении химии Русского физико-химического общества); 16 января – заседание Подкомиссии по белому углю; 21 января – Совета КЕПС; 26 января – Подкомиссии по белому углю; 30 января – Подкомиссии по солям; 2 февраля – Совета КЕПС; 11 февраля – общее собрание КЕПС; 13 февраля – заседание Совета КЕПС; 18 марта – Совета КЕПС; 19 марта – Подкомиссии по микроскопии; 24 марта – Подкомиссии по платине; 26 марта, 9 и 16 апреля – Подкомиссии по микроскопии; 19 апреля – Подкомиссии по солям; 23 апреля – Подкомиссии по микроскопии; 29 апреля – Редакционного комитета по изданию «Естественные производительные силы России»; 30 апреля – Подкомиссии по микроскопии; 3 мая – Подкомиссии по солям; 4 мая – Редакционного комитета по изданию «Материалов для изучения естественных производительных сил России»; 7 мая – Подкомиссии по микроскопии; 10 и 13 мая – Подкомиссии по глинам; 27 мая – общее собрание КЕПС; 12 июня – заседание Редакционного комитета по изданию «Естественные производительные силы России»; 20 августа и 1 сентября – Подкомиссии по почвам; 14 сентября – Совета КЕПС; 15 и 22 сентября – Подкомиссии по исследованию Севера. Вернадский, судя по всему, участвовал практически во всех этих мероприятиях.

10 января 1917 г. в Петрограде состоялось совместное заседание КЕПС и Военно-химического комитета (ВХК) при Отделении химии Русского физико-химического общества. Оно проходило в конференц-зале Академии наук и было посвящено обсуждению основных путей практического осуществления идеи академика В.И. Вернадского о создании в стране сети исследовательских институтов. В заседании приняли участие 91 человек – специалистов в различных областях естественных (особенно химических) и технических наук. Председательствовал на заседании академик В.И. Вернадский [209]. Открывая заседание, он указал, что вопрос об исследовательских институтах уже обсуждался на заседании КЕПС 18 декабря 1916 г., где был представлен

его доклад «О государственной сети исследовательских институтов»⁸². В данный же момент, подчеркнул Вернадский, следует обсудить «основные пути практического осуществления идеи исследовательских институтов» и «выработать план сети исследовательских институтов», поскольку «только существование такого плана может обеспечить достижение наибольших результатов и наилучшее использование затраченных сил» [209]. После вступительного слова Вернадского были заслушаны доклады академика Н.С. Курнакова [145], профессора Л.А. Чугаева [270] и профессора А.П. Поспелова [201]. Вернадский, резюмируя вывод прочитанных докладов, отметил, что они содержат пять следующих предложений о создании [209]: 1) Института по изучению сплавов и металлографии; 2) Института чистой и прикладной химии при русском физико-химическом обществе; 3) фонда для поддержания научных исследований, ведущихся при высших учебных заведениях и в других научных организациях; 4) кадров научных работников путем реформы института стипендиатов (с целью их лучшего материального обеспечения); 5) Института прикладной химии с широким доступом в него лиц, не принадлежащих непосредственно к научно-педагогическому персоналу высших учебных заведений. Эти предложения и общая идея создания сети исследовательских институтов в России были поддержаны участниками заседания (среди выступавших, упомянутых в протоколе мероприятия, – А.Е. Чичибабин, Н.А. Валяшко, Е.И. Шпитальский, А.Я. Богородский, Н.Д. Зелинский, Н.С. Курнаков и др.),

⁸² Доклад опубликован в «Приложениях к протоколу совместного заседания КЕПС и ВХК 10 января 1917 года» [42]. В нем Вернадский рассмотрел ряд общих вопросов, связанных с организацией науки в масштабе всей страны и особенно с созданием государственной («стройной, целой и единой») сети (системы) исследовательских институтов России. Необходимость создания сети научно-исследовательских организаций, по его мнению, вызвана, с одной стороны, современными запросами развития науки, а с другой – насущными нуждами хозяйственного и культурного развития страны. «Эта сеть теснейшим образом связана с нашими задачами, ибо такие исследовательские институты первым делом необходимы для выяснения и использования наших естественных производительных сил. Без их развития немыслимо быстрое движение в этой области». Он поставил вопрос о том, что «должен быть составлен план сети исследовательских институтов России», и подчеркнул, что «составление такого плана должно явиться ближайшей задачей нашей Комиссии», причем «такой план может получить значение только тогда, когда он выйдет из узких рамок нашей Комиссии, будет иметь за собой поддержку среди общественных и государственных деятелей. Мы же должны сделать лишь подготовительную работу» [42, с. 161].

указавших, кроме того, на необходимость создания ряда других научных институтов. В своем заключительном слове Вернадский подчеркнул, что, во-первых, должна создаваться именно сеть (по всей России) исследовательских институтов, а не отдельные институты только в Петрограде или Москве; во-вторых, создаваемые институты должны «приноравливаться» к хозяйственным особенностям России и к уже созданным системам исследования; в-третьих, материальную поддержку исследований следует осуществлять путем создания специальных фондов. Он также указал, что проект этот целесообразно «обсудить в совместном заседании Ломоносовского комитета, Совета Физико-химического общества и Совета Минералогического общества» [209]

Фрагмент бланка КЕПС

В 1999 г. была опубликована записка Вернадского, посвященная задачам КЕПС в области разработки плана государственной сети исследовательских институтов, связанных с изучением естественных производительных сил России [60]. Записка не датирована автором, но, как считает ее публикатор, она, судя по ее содержанию, была написана Вернадским в конце декабря 1916 г. или в ян-

варе 1917 г., логически связана с его докладом «О государственной сети исследовательских институтов» и развивает намеченные в нем общие положения. Судя по всему, эту записку Вернадский составил уже после совместного заседания КЕПС и ВХК, состоявшегося 10 января 1917 г., во многом учтя высказанные его участниками предложения, причем, как следует из контекста записки, готовил он ее к заседанию КЕПС⁸³. В этой записке Вернадский отметил, что главной задачей

⁸³ И.И. Мочалов [163] также считает, что эту записку Вернадский готовил уже после совместного заседания КЕПС и ВХК.

КЕПС в течение текущего академического года (т. е. осень 1916 – начало лета 1917 г.? – *Е.Я.*) должна явиться работа по выяснению и подготовке плана создания в России к концу войны и после войны сети исследовательских институтов, связанных с изучением естественных производительных сил страны. Работа должна иметь целью: 1) подготовку общественного мнения в необходимости такой научной организации с точки зрения ее государственного значения в данный исторический момент; 2) выяснение характера необходимых научных институтов, основных принципов их устройства и их отношения к высшим ученым и учебным учреждениям нашей страны и к отдельным ведомствам; 3) подготовку к внесению через Академию наук на рассмотрение правительства к концу академического года выработанных законопроектов, как об отдельных исследовательских учреждениях, так и о неполной или частной сети. Для осуществления этой цели, считает Вернадский, необходима организация при КЕПС отдельных подкомиссий или совещаний для обсуждения отдельных проектов и выработки основных положений исследовательских институтов химико-физического, геолого-минералогического и биологического характера, при этом может и должна идти речь не только об организации новых, но и о расширении средств и возможностей уже существующих учреждений этого характера или о том, чтобы, считаясь с этими существующими учреждениями, создать вновь недостающие. Вернадский убежден в том, что потраченные на эту организацию средства очень быстро окупятся, так как у нас есть только единственная возможность быстро покрыть траты и ущербы войны, а именно – поднять производительность народного труда, повысить его энергию, создать быстро новые ценности, перевести в национальное богатство скрытые возможности, таящиеся в естественных производительных силах нашей страны. Все это может быть сделано только тогда, когда в стране широко разовьется творческая научная работа, а она может пойти только тогда, когда ей дана будет возможность развития в научные исследовательские институты, которые дают нужные средства работы и сплачивают труд организованных научных работников. Без их создания никакие другие меры одни не будут достаточны для достижения данной цели. Должно войти в общее сознание, что создание таких научных учреждений должно явиться объектом государственной работы и государственной деятельности в не меньшей степени, чем работа над созданием школ разного типа, постройкой железных дорог, организацией почт или телеграфов и т. д.

Основными принципами устройства научных учреждений, по мнению Вернадского, являются: 1) Широкая научная основа всей их деятельности, всего их устройства. 2) Достаточные материальные средства, которые позволили бы иметь в своем распоряжении максимальные силы природы, как и доступное, и максимальное при данных условиях государственной жизни количество работников, причем должна быть создана такая форма дотации и организации этих учреждений, при которой получалась бы большая гибкость в использовании этих средств и работников в зависимости от открывающихся возможностей научной работы. 3) Обеспеченная многолетняя длительность их деятельности, которая позволила бы вести работы, рассчитанные на годы. 4) Научные учреждения должны обладать возможной автономией в своем внутреннем устройстве, не могут быть включены в бюрократические рамки ведомств. Эта автономия должна обеспечивать им как независимость в выборе персонала, так и независимость в характере и методах работы и их последовательности. Контроль государства должен лишь касаться обычной для казенных учреждений проверки правильности в расходовании средств и в постановке практических заданий для разрешения, причем в обсуждении их возможности и срочности должны быть заслушаны заключения исследовательского института. 5) Широкая независимость и возможность инициативы со стороны лица, поставленного во главе научного учреждения. 6) Необходима тесная связь научных учреждений с научной средой в России, причем они могли бы 1) давать возможность и средства осуществлять научную инициативу отдельных научных работников, 2) давать возможность научным организациям и отдельным ученым участвовать в разработке поставленных научным учреждением задач и в самой постановке на очередь тех или иных задач.

Вернадский считает, что исследовательские институты в первую очередь должны создаваться при Академии наук, общее собрание которой выбирает бессрочного директора института (если он не академик, то становится полноправным членом Конференции Академии наук, пока он состоит директором института). Институт управляется директором и комитетом, в состав которого входят соответственно представители ведомств, избранные представители Академии наук, указанных в уставе высших учебных заведений, научных обществ и съездов русских естествоиспытателей. Институт может иметь отделения в других городах. В отдельных случаях – исходя из практических условий жизни и сложившейся традиции – возможна организация

научных институтов, состоящих при других учреждениях или ведомствах.

Вернадский предлагает КЕПС обсудить – в текущем году – возможность создания следующих исследовательских институтов «общего характера», связанных с изучением производительных сил России, вызываемым сейчас обстоятельствами времени: 1) Государственная химико-аналитическая лаборатория. 2) Опытный химический институт. 3) Физический институт. 4) Минералогический институт. 5) Биологический институт для работ, связанных с опытными биологическими науками. 6) Радиевый институт. 7) Керамическая лаборатория исследовательского характера, проект которой был выработан в первоначальных чертах в прошлом году⁸⁴. Этот институт должен быть посвящен научному и научно-техническому исследованию, главным образом, соединений кремния и алюминия. 8) Metallургический институт. 9) Топографическо-геодезический институт. 10) Институт, посвященный вопросам, связанным с авиацией и т. д. 11) Статистический, Институт исследования скотоводства, Почвенный.⁸⁵ Помимо этих учреждений общего характера, распределение которых в пределах России является более или менее произвольным, есть такого рода учреждения, считает Вернадский, которые неизбежно должны быть приноровлены к определенным местностям. Это, например, институт со станцией в Карабугазе или бальнеологический институт и лаборатория в районе Кавказских минеральных вод. В текущем году КЕПС необходимо сосредоточить все материалы, относящиеся к этим вопросам, а также обсудить и разработать общий план осуществления работы по организации сети исследовательских институтов и учреждений.

⁸⁴ С идеей создания центральной испытательной станции по огнеупорам и глинам В.И. Вернадский и Н.С. Курнаков впервые выступили на заседании КЕПС в январе 1916. Этот же вопрос – об организации Центральной испытательной станции по огнеупорным и глиняным материалам – обсуждался на совместном заседании КЕПС и ВХК 10 января 1917 [238].

⁸⁵ Уже в первые годы Советской власти многие из названных Вернадским научно-исследовательских учреждений были созданы: Научно-исследовательский химический институт (1921), Физическо-математический институт (1921), Институт прикладной минералогии (1923), Институт экспериментальной биологии (1917), Государственный радиевый институт (1922), Астрономо-геодезический институт МГУ (1922), Центральный аэрогидродинамический институт – ЦАГИ (1918), Почвенный институт КЕПС (1925), Ветеринарно-зоотехнический институт (1919) и др.

30 января 1917 г. под председательством Вернадского состоялось заседание Подкомиссии КЕПС по солям, на котором рассматривался вопрос о рациональном использовании Сакского озера для соледобычи и с лечебной целью [208]. Исторически сложилось так, что Сакское озеро с середины XIX в. использовалось как в лечебной практике, так и в соляной промышленности. На указанном заседании детально обсуждался вопрос об «условиях существования Сакского озера и взаимоотношении грязелечебниц и соляных промыслов», т. е. о сохранении лечебных свойств озера при одновременном осуществлении соледобычи. Вернадский, резюмируя сказанное участниками заседания, указал, что взаимоотношение между лечебницами и соляными промыслами можно прочно установить лишь после исследований в течение нескольких лет под постоянным контролем. Это, в свою очередь, требует организации на озере специальной наблюдательной станции.⁸⁶

11 февраля 1917 г. на общем собрании КЕПС обсуждалась подготовленная А.Е. Ферсманом записка «О необходимости обследования естественных производительных сил пограничных с Россией областей Малой Азии и Персии», в которой излагалась программа изучения природных богатств указанных территорий [140]. Предложения Ферсмана были поддержаны Общим собранием и затем Советом КЕПС, принявшим решение направить в эти районы специальные исследовательские экспедиции.

24 марта 1917 г. состоялось совещание по вопросу о русской платине, организованное Подкомиссией КЕПС по платине. В ответ на запрос Особого совещания по обороне государства⁸⁷ было принято решение, что «аффинирование платины, а равно и получение химически чистых металлов платиновой группы⁸⁸ и приготовление из них платиновых сплавов может и должно быть поставлено в России, так как в настоящее время работы в этом направлении уже производятся лабораториями профессора Л.А. Чугаева⁸⁹ и академика Н.С. Курнакова и

⁸⁶ Специальная контрольно-наблюдательная станция за режимом Сакского озера была создана в 1926.

⁸⁷ Особое совещание по обороне государства – высший военно-регулирующий орган, созданный в России в годы Первой мировой войны для мобилизации и милитаризации экономики. О его деятельности см.: [8].

⁸⁸ Эти вопросы рассматривались на заседании Особого совещания 12 декабря 1915 [108].

⁸⁹ Согласно А.В. Кольцову [140], в 1917 по поручению КЕПС в Химической лаборатории Петроградского университета под руководством Л.А. Чугаева

создался уже достаточный кадр опытных специалистов» [190, с. 14]. Это мнение от имени КЕПС было передано в Управление Главного уполномоченного по снабжению металлами.

Еще в «Приложениях к протоколу совместного заседания Комиссии по изучению естественных производительных сил России и Военно-химического комитета 10 января 1917 года» была опубликована записка Л.А. Чугаева о необходимости организации Института для изучения платины, золота и других благородных металлов [271]. Главная задача этого Института должна заключаться во всемерном способствовании устранению создавшегося в России ненормального положения платиновой промышленности и научных исследований по металлам платиновой группы. Институт должен состоять из лаборатории и небольшого опытного завода. По рекомендации этого заседания Л.А. Чугаевым был разработан проект устава Института для изучения платины и других благородных металлов.

Надо отметить особый вклад Вернадского в организацию в нашей стране работ по разностороннему изучению металлов платиновой группы, их минералов, руд, месторождений; значительна его роль и в создании Института для изучения платины, золота и других благородных металлов [287, 288]. Распространенность, особенности концентрирования и поведения в земной коре и различных компонентах окружающей среды металлов платиновой группы, состав и кристаллографические особенности их минералов, изменение и разрушение последних в ходе выветривания, основные типы месторождений (коренных и россыпных) платиноидов и районы и закономерности их расположения весьма интересовали Вернадского, начиная с 1890-х гг. (с его первых лекций в Московском университете) и практически до конца 1930-х гг. В своих замечательных работах он с максимальной полнотой систематизировал и обобщил доступные на то время данные отечественных и зарубежных авторов и его собственные исследования по минералогии и геохимии платиновых металлов, сведения о месторождениях платиноидов и основных районах их размещения, а также материалы по истории изучения платиновых металлов. В свое время эти работы сыграли важную роль в деле научного изучения платиновых металлов, они не потеряли своего значения и в наши дни. В мае 1916 г. на заседании Подкомиссии по платине Вернадский выступил с докладом «Срочные

велись работы, направленные на усовершенствование методов выделения чистой платины из платиновых руд.

задачи изучения руд редких металлов платиновой группы», в котором сформулировал программу срочного изучения руд металлов платиновой группы [34], послужившей затем основой для широкого развертывания в России научных и прикладных работ в этом направлении.

В связи с огромной важностью добычи в России платины и поднятым в правительственных кругах вопросом о возможности монополизации платиновой промышленности в структуре КЕПС была создана специальная Подкомиссия по платине, председателем которой стал Вернадский⁹⁰. К работе в ней он привлек многих известных ученых и специалистов (геологи, горные инженеры, минералоги, петрографы, геохимики, химики, технологи и др.). Например, в 1916 г. в ее состав входил 51 человек [189, с. 36–37]. Их имена украсят любое научное общество; многие из них оставили нам работы в области геологии, минералогии, химии и технологии платиновых металлов: Э.Э. Анерт, О.О. Баклунд, К.И. Богданович, В.Н. Вебер, Н.К. Высоцкий, А.П. Герасимов, С.Ф. Жемчужный, Н.Д. Зелинский, П.А. Земятчинский, Д.Л. Иванов, А.А. Иностранцев, В.Н. Ипатьев, А.П. Карпинский, Б.К. Карпов, В.И. Крыжановский, А.Н. Крылов, Н.С. Курнаков, В.В. Лебединский, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, В.Н. Липин, К.А. Ненадкевич, М.Ф. Норпе, А.П. Павлов, Н.И. Подкопаев, Н.Ф. Погребов, П.И. Преображенский, М.М. Пригоровский, Я.В. Самойлов, П.И. Степанов, И.П. Толмачев, А.Е. Ферсман, К.К. Фохт, Э.Х. Фрицман, В.Г. Хлопин, Л.А. Чугаев, А.А. Яковкин, М.Э. Янишевский, Я.С. Эдельштейн и др.

В Архиве РАН отложилось письмо (от 4 мая 1917 г.) Л.А. Чугаева В.И. Вернадскому: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Сегодня я послал Б.А. Линденеру проект Платинового института и просил показать его Вам по поводу одного пункта (согласны ли Вы на включ[ение] Вашего Мин[ералогического] музея в число учреждений, связанных с Институтом), затем отдать все в переписку, одну копию прислать мне, а другую – Н.С. Курнакову. <...>. Надеюсь, что мой проект не встретит серьезных возражений. <...>. Всего хорошего, Ваш Л. Чугаев» [287, с. 22]⁹¹.

⁹⁰ Н.В. Федоренко сообщает, что Подкомиссия была организована по инициативе председателя КЕПС академика В.И. Вернадского и председателя Военно-химического комитета при Русском физико-химическом обществе академика Н.С. Курнакова [262].

⁹¹ В письме А.Е. Ферсману 9 июня 1917 из Петрограда Вернадский сообщал, что КЕПС «медленно работает, но не замирает. Скорее даже расширяется: уже проходят Институт химического анализа, платиновый» [196, с. 91].

23-го июня 1917 г. проект и смета Института по изучению платины были одобрены Комиссией по ученым учреждениям и предприятиям при Министерстве народного просвещения и представлены ею на рассмотрение Временного правительства, которое (в сентябре) утвердило его [179]. Институт административно подчинялся Министерству народного просвещения, а в научном отношении «вверен» Совету КЕПС и Совету Отделения химии Русского физико-химического общества [190]⁹².

Согласно отчету о деятельности КЕПС [190], 14 сентября 1917 г. состоялось заседание ее Совета, 15 и 22 сентября заседания Подкомиссии по исследованию Севера, созданной в 1917 г. Еще раньше, 20 августа и 1 сентября, заседали Подкомиссия по почвам. Надо отметить, что ранее опубликованные (в 1916 г.) первые восемь номеров очерков серии «Материалы для изучения естественных производительных сил России» пользовались очень большим спросом. Больше того, как отмечено в отчете Академии наук за 1917 г., Русско-французская торговая палата в Париже даже предложила КЕПС издать их на французском языке, взяв все типографские расходы на себя [191]. К сожалению, осуществить это издание не удалось. 9 октября 1917 г. Вернадский записал в своем дневнике, что получил просьбу от Imperial Institute of London <Императорский институт в Лондоне> о присылке изданий КЕПС [56]. 12 октября 1917 г. Вернадский беседовал с А.Е. Ферсманом с которым беседовал о делах КЕПС. Они пришли к выводу, что «надо поднять вопрос о разделении кафедры минералогии и кристаллографии в Москве» [56, с. 16]. Как следует из дневника Вернадского [56], вечером 14 октября 1917 г. состоялось заседание Совета КЕПС. Среди прочих рассматривался вопрос о радиит, производство которого, считает Вернадский, должно стать государственной монополией. Надо также, по его мнению, обеспечить научные интересы.

В первом полугодии 1917 г. особенно часто заседали Подкомиссия по микроскопии (7 заседаний – 19 и 26 марта, 9, 16, 23 и 30 апреля, 7 мая). Эта Подкомиссия, председателем которой был В.И. Вернадский, создана весной этого года по инициативе М.Д. Залесского и Н.М. Гайдукова с целью разработки методов производства отечественных микроскопов, а также пропаганды и внедрения микроскопической техники

⁹² С 1918 по 1934 Институт находился в составе учреждений Отделения математических и естественных наук Академии наук. В 1934 вошел в состав Института общей и неорганической химии.

исследования [190]⁹³. В 1917 г. Подкомиссия по микроскопии особенно активно занималась разработкой моделей биологического, петрографического и металлографического микроскопов.

В 1917 г. академик Вернадский активно участвовал в работе Общих собраний Академии наук и в заседаниях ее Отделения физико-математических наук.

Так, 14 января 1917 г. на заседании Общего собрания Академии наук Вернадский сообщил, что «с 1 января запрещена пересылка печатных изданий за границу. При этом союзные страны поставлены в то же самое положение, что и страны, находящиеся с ними в войне, и все предложения о возможности наладит ныне же широкое научное общение с союзными странами ранее возобновления их с Германией уничтожаются»⁹⁴. Конференцией было предложено «сделать представление в Совет Министров о губительных последствиях принятой меры для научного общения с союзными и нейтральными странами и о том, что мера эта только усиливает нашу зависимость от германского научного посредничества и влияния» [149, с. 292].

18 января 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук было сообщено предложение Правления Промышленного и Торгового Товарищества «Владимир Алексеев»⁹⁵, которое «для увековечения памяти минералога Павла Карловича

⁹³ В апреле 1918 на базе Подкомиссии по микроскопии был организован Оптический отдел, или Отдел оптотехники КЕПС, задачей которого была разработка способов производства отечественных микроскопов, различных оптических приборов и препаратов. В июле руководителем отдела был назначен Д.С. Рождественский, который близко общался с Вернадским и переписывался с ним. 15 декабря 1918 возглавил созданный на базе Отдела оптотехники Оптический институт.

⁹⁴ Между прочим, 17 января 1917 В.Г. Короленко из Полтавы обратился в редакцию «Русских ведомостей» с письмом: «В “Русских Ведомостях” (№ 7 от 16 янв.) напечатана заметка <...> под заглавием “Странная мера”. В ней говорится о постановлении по почтовой части от 2-го декабря прошлого года. Которым “воспрещается частным лицам и учреждениям пересылка за границу каких-либо печатных произведений и повременных изданий каким бы то ни было образом”. Из других газет видно, что воспрещение относится к Швеции, Норвегии, Нидерландам, Дании, Румынии и Италии (!)» [167, с. 32].

⁹⁵ В начале XX в. одна из крупнейших фирм, которая занималась скупкой шерсти, ее обработкой и дальнейшей перепродажей на суконные фабрики. Ее основатели и владельцы – представители известной московской купеческой династии Алексеевых. См.: [260].

Алексата⁹⁶ желало бы ассигнованные Товариществом 5000 руб. внести как фонд в Императорскую Академию Наук с тем, чтобы %%% <проценты> с этого капитала выдавались за научные исследования в области минералогии и чтобы отчеты об этих исследованиях печатались» [118, с. 266]. Затем Вернадский дал краткую характеристику покойного Алексата как ученого: «Мне хочется сказать несколько слов о моем дорогом ученике Павле Карловиче Алексате, умершем в 1913 году, в память которого учреждается этот фонд. П.К. Алексат окончил оба отделения Физико-математического факультета Московского университета и с 1897 по 1913 г., в течение более 15 лет был хранителем Минералогического кабинета в Московском университете. Это был высокоталантливый, широкообразованный человек, оригинальный по мысли и по характеру. Вся его жизнь была посвящена науке; он не хотел подчиняться никаким официальным рамкам и потому сознательно не шел дальше младшего преподавателя в своей академической деятельности. Его научные интересы вначале были направлены в сторону кристаллографии, но позже он перешел к минералогии. В 1897 году мы вместе посетили Ильменские горы, и с тех пор он всецело отдался тем вопросам, которые связаны с изучением этой своеобразной минералогической области. Постепенно он углублялся в изучение этих вопросов и от химического изучения минералов Ильменских гор перешел к химии металлических кислот и редких земель – ниобия, титана, тантала, группы эрбия, тербия и т. д. Ему казалось, что в этой группе малоизученных и своеобразных по свойствам элементов он имел дело с неизвестными еще членами периодической системы элементов, и он сомневался в элементарной природе некоторых из признанных простыми химическими тел. Особенно его интересовали с этой точки зрения титан и выброшенный из сознания химиков после работ Розе и Мариньяка ильмений Германа⁹⁷. Но его мысль в этих исканиях была еще смелее, и он ставил перед собой задачи, еще более трудные; его интересовали некоторые соединения железа, добытые из ильменских минералов, в которых он подозревал присутствие неизвестного элемента. Он переживал то, что переживает всякий исследователь, самостоятельно

⁹⁶ Алексат Павел Карлович (1868–1913) – минералог, химик, ученик и ассистент В.И. Вернадского, с 1897 хранитель Минералогического кабинета Московского университета, с 1902 вел занятия по кристаллографии.

⁹⁷ Розе Густав (1798–1873) – немецкий минералог, геолог. Мариньяк Жан Шарль Галиссар (1817–1894) – швейцарский химик и минералог. Герман Рудольф (1805–1879) – московский химик и минералог.

входящий в эту исключительно трудную, мало исследованную область, и, несомненно, он встречался здесь или с новыми химическими элементами, или с своеобразными группировками известных простых тел. Разрешить эту вековую загадку ему, как и многим другим, не удалось – по ей были посвящены его жизнь и его труд более, чем в течение десяти лет. Совершенно так же, как и в академической жизни, он и в житейских отношениях чуждался внешних успехов. Он сознавал значение развития прикладного естествознания в русской промышленности и принимал участие в поисках рудных минералов в Туркестане, Западной Сибири, на Урале – исполнял свои обязанности в высшей степени добросовестно и хорошо, но шел по пути успехов только до тех пор, пока они не грозили отвлечь его от удовлетворявшей его научной деятельности и научных исканий. Вся жизнь его была посвящена труду и научному исканию и добросовестному исполнению того, что он считал своим нравственным долгом. Научная работа его входила как часть в ту работу, которая велась в Московском университете и теперь продолжается в нашем Музее. Средства фонда его имени, созданного много сделавшим для русской промышленности Товариществом «Владимир Алексеев», в котором он работал многие годы до конца своей жизни, пойдут в конце концов на продолжение тех же научных исканий, которые сознательно переживались П.К. Алексатом в его благородной, недолгой жизни» [118, с. 268–269]. Общее собрание обратилось к академику В.И. Вернадскому с просьбой составить проект правил о капитале имени П.К. Алексата для передачи его в Комиссию по вопросу об изменении правил о присуждении премий⁹⁸.

Смерть П.К. Алексата стала для Вернадского большой личной трагедией, о чем свидетельствует его письмо С.К. Костинскому⁹⁹ от 11 февраля 1917 г. [16, с. 29–30]:

«Многоуважаемый Сергей Константинович,

⁹⁸ Комиссия основана в 1905, в 1917 ее председателем был С.Ф. Ольденбург.

⁹⁹ Костинский Сергей Константинович (1867–1936) – астроном, геодезист, основоположник отечественной астрофотографии. Член-корреспондент Академии наук (1915). Окончил Московский университет (1890). Сотрудник (1890–1936), сверхштатный астроном (1890–1894), адъютант-астроном (1894–1902), старший астроном (1902–1936) Пулковской обсерватории, профессор физико-математического факультета ЛГУ (1926–1933). Один из организаторов Всероссийского объединения астрономов, впоследствии Всесоюзное астрономо-геодезическое общество.

Очень извиняюсь за замедление ответа на Ваше письмо¹⁰⁰, но я только сегодня нашел оттиск той моей заметки, которую Вы желали иметь.

В.И. Вернадский, профессор Московского университета, со своими ассистентами (слева направо): В.В. Карандеев, Г.И. Касперович, А.Е. Ферсман, П.К. Алексахин. 1911 г.

Мне очень дороги Ваши воспоминания о Павле Карловиче <Алексахине>. Он кончил жизнь трагично – самоубийством. После моего ухода из Московского университета (1911) я знаю только по слухам обстановку его работы в лаборатории Минералогического Кабинета Университета, но, по-видимому, эта обстановка была нелегкая. Настроение его последние месяцы перед смертью было тяжелое, и я не знаю, совсем ли нормальное. В оставленных им записях он указывал, что внутри его организма идет процесс разложения, связанный с

¹⁰⁰ В этом письме (от 4 февраля 1917 г.) Костинский просил Вернадского сообщить ему сведения об обстоятельствах смерти П.Л. Алексахина – своего «любимейшего» друга юности (они вместе учились в 1-й Московской гимназии и на математическом отделении физико-математического факультета Московского университета), о фонде имени П.Л. Алексахина, а также прислать статью «Об организации топографической съемки России» [40] (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 838. Л. 2–3).

действием каких-то новых, полученных им, газов. Он обращался к врачам, которые не находили никаких признаков, им указываемых, и это его все время очень раздражало. Семьи у него не было: должен откровенно сказать, что я очень подозревал причину его смерти в связи с личными переживаниями и всегда думал, когда был в Москве, что у него была тяжело сложившаяся личная жизнь. Но после его смерти никаких проявлений этой стороны его жизни не оказалось. Он был очень замкнутый человек и о его личной жизни я знал случайно. Может быть, все это закончилось, как видно бесследно, за эти два года до его смерти, когда я его не видел. Отсутствие после смерти всяких проявлений его личной жизни для меня и некоторых близких ему товарищей загадка. Самая близкая ему семья, семья его брата, довольно видного коммерческого деятеля в Москве, совершенно чуждого и его интересам и его духовной жизни. Он завещал все свои бумаги племяннику гимназисту, которого я не знал. Брат его был неожиданно поражен существованием у П.К. капитала, в несколько десятков тысяч рублей, найденных в сэфе <сейфе> и патентов на его открытия. Поэтому на бумаги, после него оставшиеся, несомненно имеющие научный интерес, он посмотрел и до сих пор смотрит с точки зрения коммерческой, ожидает в них скрытых финансовых возможностей. Пока наши попытки видеть их для научного издания были неудачны: в завещании П.К. поручает это сделать племяннику, когда он вырастет. Часть коллекции и матерьяла научной работы П.К. совершенно неправильным и незаконным образом удержал Московский университет, и одно время шли толки о процессе со стороны брата.

Отношение брата к его интересам до сих пор определялось и возможностью издания матерьялов для его биографии. П.К. не любил печатать и хотел издать все по окончании работы. М[ожет] б[ыть], удастся кое-что издать из тех отчетов, которые он давал товариществу [Алексеевых], где много лет служил. Но это, конечно, не главная его работа.

Смерть П.К. большой удар и для науки и для меня лично. Уезжая из Москвы в 1911, я снялся¹⁰¹ с 4 ближайшими моими помощниками, в том числе и с П.К., все[ми] – выдающимися, талантливыми, многообещающими научными работниками и своеобразными личностями. Теперь нас осталось двое, из четырех учеников остался один. Вы, конечно, понимаете эту трагедию учителя. Краткую заметку памяти П.К.

¹⁰¹ Сфотографировался.

Алексата я поместил в “Русской Мысли” в 1913 или 1914 году¹⁰². К сожалению, у меня не осталось оттиска.

Фонд имени Алексата, конечно, не закрыт. Напротив, я имею сведения, что одна из его учениц, заинтересовавшаяся, благодаря ему наукой, вносит на днях в этот фонд некоторую сумму денег.¹⁰³

Ваш В. Вернадский».

На этом же заседании (18 января 1917 г.) Отделения физико-математических наук Академии наук Вернадский представил в «Известия Академии наук» статью К.А. Ненадкевича «Висмутовые минералы Забайкалья» [168]. Он также сообщил Отделению о метеорите, упавшем 24 августа 1911 г. в с. Демине Бийского уезда Томской губернии: «Во время моей летней поездке на Алтай в Барнауле один из местных ученых Гуляев передал мне осколок метеорита, который он подготовил мне для отправки в 1911 году, но не отсылал до моего приезда в Барнаул в 1916 году. Еще в 1911 году он послал мне письмо об этом метеорите, которое я в свое время не получал; это было время моего ухода из Москвы, связанное с известными событиями в Московском Университете. Переданный в наш музей осколок метеорита весит около 2 граммов, представляет серый хондрит, без коры. Ввиду отсутствия сведений об этом метеорите Музеем, по возвращении моем в Петроград осенью, были предприняты его поиски, и благодаря сношениям О.О. Баклунда выяснилось, что метеорит, нам переданный, принадлежит к падению, происшедшему 24 августа 1911 года в с. Демине, Куяганской вол[ости], Бийского уезда. По указанию топографа Бегичева, доставившего метеорит Гуляеву, удалось выяснить, что упало много камней, в общем весом не менее 30 фунтов, и выяснены некоторые лица, у которых хранились или хранятся осколки этого метеорита. Два осколка были 19 октября 1911 года доставлены Томскому губернатору, и я прошу Академию снестись с ним о судьбе этих осколков. По справке О.О. Баклунда, в отчетах Томского Университета и

¹⁰² В 1913 Вернадский в журнале «Русская мысль» опубликовал заметку, посвященную памяти П.К. Алексата, в которой назвал его оригинальной, чрезвычайно своеобразной личностью, человеком больших знаний, который – как минералог и химик-аналитик – продуктивно работал в области редких и малоизученных химических элементов [28].

¹⁰³ В ответном письме Вернадскому от 7 (20) февраля 1917 Костинский просит разрешения пожертвовать, из своих скромных средств, небольшую лепту в фонд имени П.К. Алексата (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 838. Л. 5 об.).

Томского Технологического Института отсутствуют указания о поступлении туда Деминского метеорита. С целым рядом лиц, указанных Бегичевым, Музей сносится непосредственно, но я полагал бы правильным снестись с Губернатором через Непременного Секретаря Академии. Недавно Бегичев обратил вновь внимание местного общества на Деминский метеорит, сделав доклад о нем в Семипалатинске в отделе Географического Общества. Между прочим выясняется, что в Семипалатинской области найден недавно еще один – железный – метеорит, о судьбе и нахождении которого мы ведем сейчас разыскания» [118]. Положено запросить Томского губернатора относительно судьбы указанных Вернадским «осколков метеорита».

Кроме того, академик Вернадский от имени академика Н.И. Андрусова и своего сообщил Отделению: «Осенью 1916 г. в Петрограде образовался кружок лиц, в который вошли члены 5 различных учреждений: Императорской Академии наук, Геологического комитета, Горного института, Императорского Минералогического общества и Отделения Минералогии и Геологии Императорского Петроградского общества естествоиспытателей: Н.И. Андрусов, А.А. Борисьяк, В.И. Вернадский, А.П. Герасимов, Б.А. Попов и Н.Н. Яковлев. Целью этого кружка было собрать Фонд для ознаменования научной деятельности академика А.П. Карпинского в день его 70-летия. На проценты собранного Фонда должны были по мысли кружка поддерживаться ученые предприятия по кругу тех наук, которыми занимается Александр Петрович, т. е. минералогии, петрографии, геологии динамической, геологии стратиграфической и палеонтологии. Кружком этим до сих пор собрано 23589 руб. 65 коп. По предложению кружка Фонд этот должен состоять при Императорской Академии наук и управляться Комитетом из 10 лиц, по 2 от каждого из вышеперечисленных учреждений. Мы от имени кружка просим согласия Конференции на принятие этого Фонда в ведение Академии на следующих основаниях: 1) При Императорской Академии наук учреждается Фонд имени академика А.П. Карпинского. 2) Цель Фонда оказывать всякое содействие всякого рода научным предприятиям в области минералогии, петрографии, геологии динамической, геологии стратиграфической и палеонтологии <...>. 4) Фонд управляется Комитетом, состоящим из 10 членов, избираемых на 3 года по двое от каждого из нижеследующих учреждений: Отделения ФМ Императорской Академии наук, Присутствия (Ученого совета) Геологического комитета, Совета Горного института, Общего Собрания Императорского Минералогического Общества и Собрания

Отделения Геологии и Минералогии Петроградского общества естествоиспытателей. Председателем Фонда пожизненно состоит академик А.П. Карпинский, а в его отсутствие председатель выбирается Комитетом» [118, с. 275–276]. Отделение физико-математических наук решило принять Фонд на условиях, указанных жертвователями, избрать представителями в Комитет Фонда академиков В.И. Вернадского и Н.И. Андрусова и сообщить об этом до подписания протокола всем учреждениям, участвовавшим через своих представителей в организационном Комитете Фонда.

1 февраля 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук Вернадский, как директор Геологического и Минералогического Музея, читал: «Имею честь просить Отделение ФМ, согласно представлению В.И. Крыжановского, выразить благодарность от имени Академии наук Миасскому Общественному Управлению за разрешение Крыжановскому произвести работы на землях Общества в связи с разработкой копей при исследовании радиоактивных минералов» [119, с. 342]. Положено благодарить Миасское Общественное Управление.

6 февраля 1917 г. Вернадский принял участие в совместном заседании Комиссии по вопросу об исследовании Палестины (избранной Академией наук) и членов частного совещания по вопросу о русских научных интересах в Палестине [268]. В заседании также участвовали Н.И. Андрусов, В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, И.Ю. Крачковский. С.Ф. Ольденбург, Ф. И. Успенский и др. Собравшимся был представлен доклад неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга о работах Комиссии Академии наук по вопросу об исследовании Палестины, приведших к выработке «Проекта положения о Палестинском Комитете при Императорской Академии Наук». Участвуя в прениях, Вернадский указал на необходимость не ограничивать действия указанного Комитета исключительно вопросами археологическими и историческими, но иметь в виду и вопросы изучения природы Палестины, ее геологические, географические и этнографические особенности. После обмена мнениями участники заседания постановили согласиться с мнением академика Вернадского и иметь его в виду при обсуждении § 4 «Проекта положения» [120]¹⁰⁴.

¹⁰⁴ 4 марта 1917 на Общем собрании Академии наук академик Ф.И. Успенский читал протокол совместного заседания Комиссии, избранной Академией Наук, по вопросу об исследовании Палестины и членов Частного Совещания по

На Общем собрании Академии наук, состоявшегося 14 февраля 1917 г., была организована Особая комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России. В Комиссию под председательством С.Ф. Ольденбурга вошли шесть членов (по три представителя Отделений русского языка и словесности и исторических наук и филологии): академики А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц и Е.Ф. Карский [113]. На своем заседании 1 апреля 1917 г. Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России была преобразована в Комиссию по изучению племенного состава населения Российского государства (КИПС). «Задачами реорганизованной Комиссии было решено признать: определение и картографирование районов распространения народностей, населяющих Российское государство, главным образом на основании данных языка и отчасти религии, бытовых особенностей и объективного самосознания или самоопределения отдельных народностей, а также особенностей из физического типа (данных антропологических)» [116, с. 10]. 15 апреля 1917 г. Общее собрание Академии наук утвердило положение о КИПС [212]. Ее первоначальный состав включал 18 человек: академики В.В. Бартольд, В.И. Вернадский, М.А. Дьяконов, Е.Ф. Карский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург (председатель), В.Н. Перетц, А.А. Шахматов (зам. председателя); а также Ф.К. Волков, Э.А. Вольтер, Д.А. Золотарев, Н.М. Могилянский, С.К. Патканов, С.И. Руденко (секретарь), А.Д. Руднев, А.Н. Самойлович, Л.Я. Штернберг и Л.В. Щерба [116]. Активная деятельность КИПС началась ближе к осени 1917 г., когда она приступила к этнографическому и хозяйственному изучению разноплеменного населения страны. Комиссия собирала статистические сведения, составляла описания, подготавливала

вопросу о русских научных интересах в Палестине 6 февраля [120, с. 602]. Положено утвердить «Проект положения о Палестинском Комитете при Академии Наук». При Академии наук учреждается «Палестинский Комитет» для изучения Палестины и сопредельных с ней стран. Комитет состоит под председательством: в первое трехлетие ординарного академика, избранного на этот срок Общим Собранием Академии наук, а затем под председательством лица, избранного членами Комитета из своего состава на такой же срок. В состав его членов входят: члены-учредители, подписавшие поданное в Академию наук заявление, и члены Академии наук, входившие в состав избранной Академией Комиссии по вопросу об исследовании Палестины, и «!те лица, занятия коих соприкасаются со специальными областями Палестиноведения, и кои будут избраны в члены Комитетом».

этнографические карты [184, с. 108].¹⁰⁵ На последовавших затем заседаниях (5, 8, 9 и 25 сентября) Комиссия разработала основные положения своей деятельности; решено также изыскать необходимые средства и немедленно приступить к составлению племенных карт России с объяснительными к ним записками [116].

15 февраля 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук в качестве председателя КЕПС академик Вернадский сообщил, что «10 января состоялось соединенное заседание Комиссии по изучению естественных производительных сил России и Военно-Химического Комитета, состоящего при Русском Физико-Химическом Обществе, посвященное вопросу об организации исследовательских Институт в России. Собрание постановило просить Отделение ФМ издать результаты этого совещания в виде отдельного сборника, в который вошли бы: 1) Протокол соединенного заседания Комиссии и Военно-Химического Комитета. 2) В.И. Вернадский. О государственной сети исследовательских институтов. 3) Н.С. Курнаков. О необходимости учреждения Института по физико-химическому анализу. 4) Л.А. Чугаев. О мерах к содействию исследованиям по чистой и прикладной химии в России. 5) Л.А. Чугаев. О необходимости учреждения Института для изучения платины, золота и других благородных металлов. 6) А.П. Поспелов. Идея Института прикладной химии. 7) А.М. Соколов и А.Е. Ферсман. Докладная записка по вопросу об организации Центральной Испытательной Станции по огнеупорным и глиняным материалам» [120, с. 607]. Положено издать указанный сборник [192], о чем сообщить председателю КЕПС.

Вернадский также рассказал, что 30 января состоялось заседание Подкомиссии по солям КЕПС, посвященное вопросу о рациональном использовании Сакского озера для соляных промыслов и с лечебной целью, с участием представителей Таврического Земства, Сакско-Евпаторийской санитарно-лечебной станции и Сакского химического завода. Собрание постановило просить Отделение физико-

¹⁰⁵ 1 февраля 1930 КИПС преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ). Согласно новому уставу Академии наук, ИПИИ должен был стать в ряду академических учреждений руководящим, планирующим и координирующим органом в области изучения человека. К Институту перешли руководство экспедициями по изучению народов СССР и формирование соответствующих отрядов комплексных экспедиций. Его возглавил академик Н.Я. Марр. В 1933 на базе ИПИИ и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) был создан Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

математических наук напечатать результаты этого совещания в виде отдельного сборника в «Материалах для изучения естественных производительных сил России» [120, с. 607–608]. Положено разрешить, о чем сообщить академику В.И. Вернадскому и в типографию.

Затем Вернадский рекомендовал две статьи профессора П.П. Сущинского для опубликования их в «Известиях Академии наук» [120, с. 606–607]: «Заметка о геологическом строении и минералах Шерловой горы в Забайкальской области» [247] и «Заметка о геологическом строении некоторых новых месторождений вольфрамита в южном Забайкалье» [248]. Он также представил Отделению физико-математических наук работу М.М. Пригоровского «Огнеупорные глины в Центральной России» [204], которую планировалось поместить в «Материалах для изучения естественных производительных сил России» [120, с. 607].

16 февраля 1917 г. Вернадский обратился в Отделение физико-математических наук Академии с просьбой командировать «старшего ученого хранителя Геологического и Минералогического музея» А.Е. Ферсмана в Тифлис на срок с 20 февраля до 20 марта 1917 г. «для организации экспедиций в Малую Азию и Персию и для представления в Управление Наместника Его Величества на Кавказе докладной записки» [268].

25 февраля 1917 г. в 20³⁰ в Малом конференц-зале Академии наук у Дворцового моста состоялось заседание Подкомиссии по вопросу об издании сборника «Русская наука», на которое был приглашен академик В.И. Вернадский [268].

1 марта 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук Н.И. Андрусов от своего имени, а также от имени А.П. Карпинского и В.И. Вернадского сообщил, что 25 февраля под председательством Ф.Ю. Левинсон-Лессинга состоялось совещание петроградских геологов, созванное вследствие заявления киевских геологов о необходимости организации съезда российских геологов. Решено возбудить соответствующее ходатайство [149, с. 295].

3 марта 1917 г. Академия наук приступила к исполнению первого поступившего к ней распоряжения Временного правительства, подписанного министром юстиции А.Ф. Керенским и предписывавшего академику Н.А. Котляревскому «вывезти из Департамента полиции все бумаги и документы, какие он сочтет нужным, доставить и поместить их в Академию наук» [149, с. 295]. Вскоре министр-председатель и министр внутренних дел Г.Е. Львова предложил Академии: «Принять на

вечное хранение Архив бывшего III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и Архив Департамента полиции по 1905 г. включительно; 2) озаботиться приведением этих архивов в порядок и 3) открытием их в возможно близком будущем для общего пользования на условиях, какие Академии наук покажутся целесообразными» [137, с. 84]. Между прочим, как отметил Э.И. Колчинский, спустя 12 лет «вину Академии наук будет постановлено профессиональное исполнение долга нейтрального хранителя исторической памяти о грандиозных событиях в истории России, и наличие в ее библиотеке документальных свидетельств о них станет поводом для организации “Академического дела”» [137, с. 84]¹⁰⁶.

4 марта 1917 г. на Общем собрании Академии наук академик Вернадский избран представителем в Особое совещание о культурном сближении России с дружественными державами¹⁰⁷.

15 марта 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук В.И. Вернадский представил выписку из протокола заседания музейно-лекционной секции Феодосийского Отделения Крымско-Кавказского горного клуба от 31 января 1917 г. по вопросу о прекращении эксплуатации каменоломни на вершине андезитовой сопки, лежащей близ дер. Коктебель. Положено поддержать ходатайство музейно-лекционной секции, о чем сообщить в Горный департамент [120, с. 613].

16 марта 1917 г. в 8 часов вечера Вернадский участвовал в заседании Комиссии по пересмотру статей Устава Академии наук, касающихся президента, вице-президента и некоторых других с ними непосредственно связанных должностных лиц Академии. Кроме Вернадского, в Комиссию входили академики А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, В.А. Стеклов и Е.Ф. Карский. Комиссия признала желательным представить на утверждение Временного правительства ряд принципиальных изменений в Уставе Академии. В частности, если раньше президент Академии избирался и определялся непосредственно Его Императорским Величеством из особ первых четырех классов¹⁰⁸, то Комиссия рекомендовала президента Академии избирать Общим собранием (Конференцией) из

¹⁰⁶ Об «Академическом деле» подробнее см.: [290, с. 127–169].

¹⁰⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 11. Л. 2. Выписка из протокола, датирована 14 апреля 1917 – направлена академику Вернадскому за подписью неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, № 968.

¹⁰⁸ См.: [230].

числа ординарных академиков закрытой баллотировкой. Лицо, получившее не менее двух третей голосов всех присутствующих на Конференции избирателей, признается избранным. Вице-президент избирается Общим собранием (Конференцией) из числа ординарных академиков [268].

24 марта 1917 г. на экстраординарном Общем собрании Академии наук присутствовало 20 членов Академии, включая Вернадского (17 членов Академии отсутствовали). Были доложены и приняты к сведению (без обсуждения) два Указа Временного правительства от 6 марта 1917 г.:

- об отречении Императора Николая II от Престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти,

- об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа Правления и новых основных законов Государства Российского [120].

На этом же Общем собрании Академии рассмотрели доклад Комиссии в составе А.П. Карпинского, В.И. Вернадского, Е.Ф. Карского, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Ольденбурга, В.А. Стеклова. А.А. Шахматова об изменении статей Устава Академии наук, касающихся должностей президента и вице-президента; принято окончательная редакция. Большинством голосов (14 против 3) решено, что президент должен избираться на пятилетний срок [149, с. 296–2972]. Был также доложен текст обращения к Временному правительству, отправленного 4 марта согласно постановлению Конференции: «Великие события последних дней явно показали, что Россия объединяется в могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи и от внешнего врага: Россия, под верховным руководством Государственной думы, вступила на истинный путь победы – объединения Русского народа, его армии и правительства. В первом своем общем собрании после совершившихся событий Академия наук единогласно постановила предоставить Правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России. Вр[еменно] и[сполняющий] о[бязанности] Вице-Президента, ординарный академик А. Карпинский. Непременный Секретарь, ординарный академик Сергей Ольденбург» [121, с. 739]. Положено (так же без обсуждения) принять к сведению. Если судить по информации в газете «Новое время» от 8 марта 1917 г., это обращение было составлено на Общем собрании Академии,

состоявшемся 4 марта¹⁰⁹. В газетном сообщении сказано, что «на общем собрании Академии наук было составлено обращение к Временному правительству с выражением полной готовности предоставить все научные силы Академии на пользу Родины» [269, с. 6]. Как отметил Э.И. Колчинский, это обращение почему-то не отражено в протоколе заседания Общего собрания 4 марта, как и не сохранилось никаких свидетельств о его обсуждении и принятии [137]. Не исключено, что указанное обращение было подготовлено Карпинским и Ольденбургом по личной инициативе, без предварительного обсуждения его на Общем собрании.

29 марта 1917 г. экстраординарное Общее собрание Академии наук положило возбудить перед Временным правительством ходатайство о наименовании Академии «Российскою Академией Наук» («Académie des Sciences de Russie»)¹¹⁰ [121]. Затем академики приняли обращение к гражданам России:

«Граждане!

Для того, чтобы пользоваться прекрасными дарами политической свободы, необходимо знать историю борьбы за свободу.

Это знание поможет нам глубоко прочувствовать и правильно оценить великий смысл совершившегося переворота; только знание поставит нас крепко на путь дальнейших завоеваний свободы и права, на путь возрождения русской души, искаженной игом полицейского строя жизни.

Мы разрушили внешние формы этого строя, но не забудем, что нами унаследованы от него и навыки мысли, и приемы отношений к ближнему. Много ядовитой ржавчины в нас, и мы должны смыть, счистить ее.

Для нового строя необходимы новые люди. Мы особенно много должны посвятить труда и времени воспитанию юношества в духе свободы и справедливости.

На чем же можно лучше всего воспитать гражданское мужество? Что наиболее быстро может возбудить в человеке необходимый для жизни социальный идеализм?

¹⁰⁹ Сообщалось также, что на этом заседании в число академиков избран П.П. Лазарев.

¹¹⁰ До 4 марта 1917 Академия именовалась Императорской, затем – просто Академией наук, с 11 июля 1917 – Российская академия наук; в 1925–1991 – Академия наук СССР, с 21 ноября 1991 – вновь Российская академия наук.

Граждане!

В нашем темном и печальном прошлом ярко сияют великие примеры гражданской доблести; эти примеры даны для нас погибшими борцами за свободу России.

Граждане! Мы призываем Вас на помощь великому делу духовного возрождения нашей страны.

Необходимо немедленно приняться за создание Дома-Музея в память борцов за нашу свободу: необходимо создать университет, в котором русский человек мог бы поучительно ознакомиться с историей его политического освобождения и с жизнью наших героев.

Нет сомнения, что польский музей имени Костюшко поддерживал в трудные дни дух свободолюбивых поляков точно так же, как французы учатся любить свою свободу в Музее Великой Революции.

В Доме-Музее, который мы предполагаем создать, должны быть собраны все документы по истории борьбы с монархическим режимом, портреты и биографии наших великих граждан, литература, посвященная истории революционного движения и вообще все, что может иметь социально-воспитательное значение для русских людей.

В этом Музее должны быть обширные залы для лекций, читальни, где юношество и все желающие могли бы найти все нужное им для ознакомления с историей общественного и политического движения страны, и где ученые грядущей демократии, пользуясь опытом прошлого, находили бы для будущего все более совершенные формы жизни.

Вот наша задача и мы верим, что все, кому дорого будущее России, помогут нам осуществить эту задачу.

Повторяем – новый строй требует новых людей, и все мы, по мере сил наших, обязаны способствовать воспитанию их» [121, с. 751–752].

На этом же экстраординарном Общем собрании Академии наук Вернадский доложил: «19 марта 1917 года было заседание особого совещания, созванного Комиссией по изучению естественных производительных сил России по вопросу об изготовлении микроскопов в России. Совещание, по предложению профессора Д.С. Рождественского, постановило просить Академию наук обратиться к Временному Правительству с указанием на необходимость поддержать создавшуюся при бывшем императорском фарфоровом заводе организацию, связанную с изготовлением научных приборов и соответствующего для этого стекла» [121, с. 750]. Положено возбудить соответствующее ходатайство.

На заседании Отделения физико-математических наук 12 апреля 1917 г. Вернадский, исполняя обязанности неперменного секретаря, доложил, что 31 марта в 2½ часа ночи скончался в Петрограде на 71 году жизни член-корреспондент Академии (с 29 декабря 1909 г.) заслуженный профессор Александр Викентьевич Клоссовский. Память покойного почтена вставанием. Некролог покойного читал академик М.А. Рыкачев. Положено некролог напечатать¹¹¹ в «Известиях» Академии [121, с. 800]. Вернадский также сообщил, что в «Вестнике Временного правительства» от 11 апреля, № 28 (74), напечатано: «Директор Николаевской Главной Физической Обсерватории, ординарный академик Академии Наук, заслуженный профессор Николаевской Морской Академии, флота генерал-лейтенант Крылов увольняется от первой из означенных должностей, согласно прошению, с 15 февраля сего года. Министр-председатель князь Львов. Министр Народного просвещения А. Мануилов. 6 апреля 1917 года» [121, с. 800]. Положено принять к сведению.

Уже как директор Геологического и Минералогического Музея Вернадский просил Отделение о командировании:

- ученого хранителя Геологического и Минералогического музея И.П. Толмачева для геологических исследований в Семипалатинскую область и Енисейскую губернию сроком с 1 мая по 15 октября и о выдаче ему удостоверения от Академии. Положено разрешить, выдать И.П. Толмачеву удостоверение и сообщить в Правление для сведения.

- ученого хранителя Геологического и Минералогического Музея И.В. Виттенбурга для геологических исследований в Приморскую область сроком с 15 мая по 15 сентября. Положено разрешить и сообщить в Правление.

- ученого хранителя Геологического и Минералогического Музея О.О. Баклунда для специальных исследований возрастных отношений гранитов в Минусинский уезд Енисейской губернии и Урянхайский край сроком с 1 мая по 15 сентября и выдать ему соответственное удостоверение и сообщить в Правление для сведения. Положено разрешить, выдать ему удостоверение и сообщить в Правление для сведения.

Кроме того, академик Вернадский сообщил, что он назначен Министерством народного просвещения председателем Комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям при указанном

¹¹¹ См.: [225].

Министерстве. В числе вопросов, которые предполагает Министерство народного просвещения передать на рассмотрение этой Комиссии, находится вопрос об организации Николаевской Главной физической обсерватории [121, с. 805]. Он также представил для публикации в «Известиях Академии наук» статью Е.С. Федорова «Применение начал новой геометрии к кристаллооптике»¹¹² [149, с. 297].

15 апреля 1917 г. на экстраординарном Общем собрании Академии наук за министра народного просвещения товарищ министра Д.Д. Grimm отношением на имя вице-президента Российской академии Наук от 14 апреля за № 3283 сообщил:

«Ректор Московского университета поставил Министерство в известность, что Совет университета в заседании своем 21 минувшего марта постановил возбудить ходатайство об утверждении б[ывшего] ординарного профессора названного Университета по кафедре минералогии и геологии, доктора минералогии и геогнозии В.И. Вернадского вновь ординарным профессором того же Университета по указанной кафедре. Ввиду сего и принимая во внимание, что В.И. Вернадский состоит ныне ординарным академиком Российской академии наук, я, предварительно каких-либо по сему делу распоряжений Министерства, прошу Вас сообщить мне, в возможно непродолжительном времени, не встречается ли со стороны Академии препятствий к утверждению Вернадского профессором Московского университета с оставлением его в занимаемой ныне должности академика Российской академии наук» [121, с. 753–754]. Положено сообщить министру народного просвещения, что ввиду исключительных обстоятельств, при которых произошел уход академика В.И. Вернадского из Московского университета, Академия не встречает препятствий на утверждение академика В.И. Вернадского профессором Московского университета, с оставлением его в занимаемой должности ординарного академика, о чем сообщить и академику В.И. Вернадскому¹¹³.

¹¹² См. [266].

¹¹³ Вернадскому была направлена выписка (статья 126) из протокола Общего собрания Академии наук от 15 апреля, датированная 17 мая 1917, за подписью неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, № 1251 (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 11. Л. 3–3 об.). Приказ по Министерству народного образования, 7-го июня 1917, № 65: «Утверждаются, согласно избранию: бывший ординарный профессор Московского университета, ординарный академик Российской академии наук, доктор минералогии и геогнозии Вернадский – вновь ординарным

Надо отметить, что еще 2-го апреля 1917 г. С.В. Обручев писал по этому поводу В.И. Вернадскому

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Извините, что я обращаюсь к Вам с письмом, которое мне может быть и не следовало бы писать, но мне кажется, что от Вашего решения зависит будущая судьба минералогии в Московском университете.

Как Вы вероятно уже знаете, Совет Университета постановил ходатайствовать о возвращении профессоров, ушедших в 1911 году; скоро ходатайство это будет удовлетворено. Но я очень боюсь, что Вы не захотите бросить Вашей петроградской работы, чтобы вернуться к нам. Между тем, Ваше возвращение, хотя бы временное, необходимо для процветания Вашей кафедры. Без Вас ее может занять лицо совершенно недостойное – например, теперешний ассистент Глинки Смирнов, уже защитивший магистерскую диссертацию. Единственным компетентным лицом при решении вопроса о замещении кафедры будет А.П. Павлов, а он очень плохо разбирается в людях; например, он несколько раз рекомендовал того же Смирнова для различных исследований. Мы все очень боимся, что он может избрать его при замещении кафедры, а такой выбор привел бы кафедру к окончательному падению, как моральному, так и научному.

Кроме того, еще не решена окончательно судьба С.Ф. Глинки. Он был назначен Кассо, но позже был переизбран на пятилетие как заслуженный профессор. На этом основании Правление (или Совет – не знаю) ходатайствует перед министром о его оставлении. Во всяком случае, он не может служить препятствием для Вашего возвращения – он сверхштатный профессор и кафедра свободна; затем он, кажется, уже не имеет права заведывать Кабинетом (по выслуге лет).

Я не знаю, кого он избрал бы себе в приемнике, но для возрождения Вашей школы в Москве необходимо Ваше возвращение. Я не ошибусь, если скажу, что это мнение почти всех университетских геологов и минералогов.

Поверьте, Владимир Иванович, что обращаясь к Вам, я руководствуюсь отнюдь не какими-либо личными интересами!

С полным уважением
С. Обручев

профессором названного университета, по кафедре минералогии и геологии, с 21-го марта сего года, с оставлением в занимаемой должности...» [205, с. 59–60].

Москва, Нов. Басманная, 28, кв. 8»¹¹⁴.

Как известно, Вернадский не вернулся в Московский университет и после избрания его (в июне 1917 г.) председателем Сельскохозяйственного ученого комитета подал в отставку с поста профессора Московского университета.

27 апреля 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук было зачитано письмо (от 25 апреля за № 366/3780), посланное на имя неперменного секретаря Академии наук управляющим Министерства торговли и промышленности, членом Государственной думы, комиссаром Временного правительства В.А. Степановым: «Вследствие отношения Конференции академии наук от 11 сего апреля за № 911 на имя Министра торговли и промышленности по вопросу об организации на Фарфоровом и Стеклянном Государственных заводах производства оптических инструментов и научных оптических приборов наряду с сырым оптическим стеклом, имею честь сообщить Вам ниже следующее. Еще бывшим Министерством Двора в самом начале 1917 года решено было организовать оптико-механический отдел при Фарфоровом и Стеклянном заводах, причем были предприняты в этом направлении следующие меры: разрешен был к отпуску первоначальный кредит в 300000 рублей на оборудование отдела станками и аппаратами и одновременно с сим организована комиссия, коей поручено было разработать проект оптико-механического отдела и передать заказы на все необходимые устройства; в порядке большой спешности решено было в помещении Петергофской Гранильной фабрики установить в первую очередь шлифовку и полировку стекла, а в возможно ближайшем будущем – также и производство самих оптических приборов. Этой мерой преследовалась двоякая цель: с одной стороны, поставить на должную высоту стекловаренную технику, так как только в совместной работе этих двух органов – стекловаренного и обрабатывающего – возможно сознательное совершенствование в обеих отраслях, а с другой, поставил в России производство оптических приборов высшего типа, как-то: микроскопов, фотографических объективов, астрономических труб и пр., доньше у нас не изготовлявшихся. Работы комиссии, прерванные событиями революционных дней, остановились на передаче Обуховскому заводу заказа на изготовление частей шлифовальных и полировальных станков, на соглашении с одной из посреднических фирм по доставке необходимых весьма

¹¹⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 44–45.

ответственных станков для инструментальной мастерской из Америки и на разработке детальной строительной сметы по приспособлению зданий Гранильной фабрики. Предполагалось начать работы по шлифовке и полировке оптического стекла с осени текущего года, а оборудование инструментальной мастерской и всей механической части по изготовлению арматуры закончить к концу 1918 г. и к началу 1919 г. выпустить первую партию готовых биноклей. Рассмотрев проекты названной комиссии и имея в виду многие технические затруднения и неудобства, сопряженные с водворением оптико-механического отдела в Петергофе, Министерство торговли и промышленности в интересах более тесного слияния обоих органов полагает более рациональным установить отдел производства оптических приборов на территории Фарфорового и Стеклянного заводов, для каковой цели предполагается немедленно приступить к сооружению специальных зданий. При оптико-механическом отделе предположена организация специального вычислительного бюро. Роль последнего, как органа, который сумеет давать задания стекловаренному заводу, указывая какое именно стекло, с какими оптическими данными он должен варить, а также вырабатывать новые типы оптических систем и критически отнестись к тем из них, которые завод желал бы воспроизвести по уже существующим образцам – совершенно очевидна. Начало образования такого органа при Фарфоровом и Стеклянном заводах уже положено в лице физика Тудоровского, который посветил этому вопросу год труда и достиг очень значительных результатов. Пока он работает с одним помощником, но еще в начале текущего года бывшим Министерством Двора было одобрено предложение на привлечение к этому делу еще пятерых лиц, что составит учреждение уже из семи лиц, которое под руководством Тудоровского, по мнению лиц, близко стоящих к вопросам оптической техники, в состоянии решить в ближайшем будущем все подлежащие его компетенции вопросы. Таким образом, как видно, Министерство торговли и промышленности, сознавая исключительную важность создания производства оптических инструментов и приборов в России в размерах, коими покрывалась бы вся наша потребность в таковых, не только продолжает начатую б[ывшим] Министерством двора работу в этом направлении, но принимает также со своей стороны все меры к постановке ее на более широких началах и к ускорению осуществления разработанных проектов» [121, с. 805–807]. Положено передать в Комиссию по исследованию естественных производительных сил России.

Надо отметить, что вопросам создания в России собственного производства научных оптических инструментов и приборов Вернадский уделял огромное внимание и как председатель Совета КЕПС, и как председатель ее Подкомиссии по микроскопии. В его архиве сохранилось письмо (от 4 мая 1917 г.) к нему от известного палеоботаника, одного из пионеров использования микроскопа в палеоботанических исследованиях М.Д. Залесского:

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Посылаю Вам копию записки и прошения, которую я послал Министру народного просвещения от лица учредителей Русского общества научной и прикладной микроскопии. Будьте добры способствовать зарождающемуся делу. Боюсь только, что те перемены, которые происходят сейчас в составе Временного правительства, могут помешать этому культурному начинанию.

Всего Вам лучшего, искренне Вас уважающий
и преданный Вам Мих. Залесский»¹¹⁵.

На заседании Отделения физико-математических наук 27 апреля 1917 г. Вернадский – как директор Геологического и Минералогического Музея – просил командировать [121, с. 810]:

- лаборанта Минералогического отделения Музея Константина Автономовича Ненадкевича в Забайкальскую и Амурскую области для продолжения начатого им в прошлом году изучения месторождения висмута в Забайкальской области на срок с 15 мая по 15 сентября, выдать командируемому удостоверение от Академии, возбудить перед комиссарами Забайкальской и Амурской областей соответствующие ходатайства об оказании содействия, о выдаче открытых предписания и разрешений на право пользования четырьмя лошадьми для разъездов по областям с платой за них по казенной расценке, с просьбой, чтобы названные документы по поездке в Забайкальской области были вручены К.А. Ненадкевичу лично в Чите в Областном Правлении Забайкальской области, а бумаги по Амурской области были направлены в г. Читу (Забайкальской области) на имя К.А. Ненадкевича «до востребования». Положено командировать К.А. Ненадкевича, произвести соответствующие сношения, выдать удостоверение от Академии.

- старшего ученого хранителя Музея В.И. Крыжановского в Пермскую и Оренбургскую губ. для продолжения исследований месторождений радиоактивных минералов на срок с 1 мая до 15 августа и выдать

¹¹⁵ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 613. Л. 1.

командируемому удостоверение от Академии. Положено командировать В.И. Крыжановского, выдать ему удостоверение от Академии и сообщить в Правление для сведения.

10 мая 1917 г. на очередном заседании Отделения физико-математических наук Вернадский (как председатель КЕПС и директор Геологического и Минералогического музея) представил для опубликования статьи следующих своих сотрудников и коллег [122]:

- В.Н. Любименко «Лекарственные растения в Таврической губернии». Положено напечатать в «Материалах для изучения естественных производительных сил России» [155].

- В.И. Искюля «Отчеты по исследованию огнеупорных глин Тихвинского уезда Новгородской губ.» (с 1 картой). Положено напечатать в «Отчетах Комиссии по исследованию естественных производительных сил России».

- доктора П. Эскола «Минералогические наблюдения в Олонецкой губ. летом 1916 года» (с 24 рисунками и 1 картой). Положено напечатать в «Трудах Геологического и Минералогического музея».

- Н.М. Абрамова и П.Н. Чирвинского «К вопросу о пущолах юга России» (с 8 рисунками). Положено напечатать в «Материалах для изучения естественных производительных сил России».

- И.А. Райковой «Кендырь». Положено напечатать в «Материалах для изучения естественных производительных сил России» [214].

- П.А. Борисова «Кристаллы силикатов из доломитов окрестностей Повенца» (с 1 картой). Положено напечатать в «Известиях» Академии [17].

- К.А. Ненадкевича «О содержании сероводорода в известняках и доломитах». Положено напечатать в «Известиях» Академии [169].

Академик Вернадский также доложил Отделению свою статью «О сероводороде в известняках и доломитах», которую рекомендовали напечатать в «Известиях» Академии [43]. В этой статье Вернадский обратил внимание на то, что известняки и доломиты, содержащие сероводород, занимают огромные пространства и нередко скапливаются огромными массами, показал, что «мы имеем следующие условия нахождения сероводорода в известняках: 1) сероводород связан с определенным геологическим горизонтом, 2) распределение в этих слоях сероводорода неравномерное, если мы возьмем значительную площадь нахождения известняков и 3) оно связано с начавшейся, но не законченной, метаморфизацией известняка» [43, с. 1384]. Он также коснулся вопроса об путях поступления сероводорода в эти породы,

высказал два предположения и детально рассмотрел их: 1) сероводород мог получиться распадением сульфатов, главным образом гипса, находившегося в подвергнутой метаморфизму породе, 2) сероводород мог проникнуть в данную породу позже ее образования в виде паров сероводорода, несомненно проникающих в верхние слои земной коры из магматической и нижней метаморфической оболочек. Особое внимание Вернадский уделил «другому грандиозному процессу» нахождения сероводорода в земной коре: «нахождение в земной коре мощных горизонтов артезианских вод, богатых сероводородом», которые «еще более распространены, чем вонючие известняки по крайней мере в пределах Европейской России» и указал на необходимость дальнейших исследований [43, с. 1388].¹¹⁶

В качестве председателя Комиссии по изучению естественных производительных сил России В.И. Вернадский сообщил Отделению о получении от академика А.Н. Крылова в дар 500 рублей для Комиссии на исследование кавказских месторождений вольфрама.

Кроме того, академик Вернадский обратился к Отделению со следующими просьбами [122, с. 900–901]:

«1) Прошу командировать в Олонецкую губ. для продолжения минералогических исследований доцента Гельсингфорского Университета доктора П. Эскола и снестись с местными властями об оказании ему содействия. Доктор П. Эскола будет продолжать работы, начатые им в прошлом году, и сделает новые маршруты по выработанному мною совместно с ним плану. Как я уже указывал в прошлом году, работы доктора П. Эскола, рассчитанные по крайней мере на три года, должны дать нам минералогию Олонецкого края.

2) В ту же Олонецкую губ. прошу командировать преподавателя Психоневрологического Института П.А. Борисова в область Шунги и Сегозера для сбора минералов и минералогических исследований и снестись с местной администрацией (Повенецкой Земской Управой) о выдаче ему открытых листов и оказания ему помощи в способах передвижения. Задачей работы П.А. Борисова является сбор минералов в

¹¹⁶ Распределение и поведение сероводорода (как и других газов земной коры) в природе и его роли в твердой, жидкой и газообразной оболочках всегда интересовали Вернадского. Этой теме он посвятил опубликованную в 1915 г. обширную статью, в которой показал огромную геохимическую роль этого малоустойчивого соединения природы [30].

Шунге, откуда у нас имеется много нового материала. В Сегозере главной задачей будет изучение контактов известняка на о. Кюльмяс».

Положено командировать доктора П. Эскола и П.А. Борисова, выдать им удостоверения и произвести соответствующие сношения.

13 мая 1917 г. на заседании Общего собрания Академии наук было сообщено, что по постановлению Временного правительства от 9 мая 1917 г. президент и вице-президенты Академии избираются из числа ординарных академиков сроком на 5 лет [149, с. 2992].

Выборы президента Академии на пять лет (с 15 мая 1917 по 15 мая 1922 г.) были проведены на экстраординарном Общем собрании Академии наук 15 мая 1917 г. Присутствовало 27 академиков. Избранным оказался единогласно, против голоса избираемого, академик А.П. Карпинский [268]. Поскольку академик А.А. Марков ушел из зала, то выборы вице-президента не могли состояться за отсутствием требуемых по уставу $\frac{2}{3}$ академиков, находившихся в Петрограде. Как считает Э.И. Колчинский [137], здесь была какая-то интрига, связанная с тем, что математики хотели видеть на этом посту В.А. Стеклова, который, видимо, не устраивал остальных. Произведенное баллотировкой временное исполнение обязанностей вице-президента, до выборов его, было возложено на академика И.П. Бородину¹¹⁷, получившего 22 записки; 3 записки поданы за академика А.С. Лаппо-Данилевского и 1 – за В.И. Вернадского.

На заседании Отделения физико-математических наук 24 мая 1917 г. Вернадский представил для опубликования статьи следующих авторов [122]:

- Н.А. Кулика «Верхнемеловые отложения Печерского края». Положено напечатать в «Известиях» Академии [143].

- профессора П. Земятченского «Поглотительные свойства русских глин. II». Положено напечатать в «Материалах для изучения естественных производительных сил России» [111].

- К.К. Матвеева «Радиоактивные месторождения Борщовочного края. I». К статье приложено 4 рисунка и 1 карта. Положено напечатать в «Трудах радиевой экспедиции».

- Я.В. Самойлова и А.Г. Титова «Железомарганцевые конкреции со дна Черного, Балтийского и Баренцева морей». К статье приложены 4 фототипических таблицы. Положено напечатать в «Трудах Геологического и Минералогического Музея» [227].

¹¹⁷ В течение двух лет он был вице-президентом с приставкой «врио».

Кроме того, Вернадский просил Отделение командировать:

- от Геологического и Минералогического музея ассистента при кафедре минералогии Петроградского университета С.М. Курбатова на Урал для продолжения исследований месторождений везувиана и с этой целью выдать ему командировочное свидетельство и снестись с Пермским губернским комиссаром об оказании содействия. Положено командировку разрешить, выдать удостоверение и возбудить соответствующее ходатайство.

- Старшего ученого хранителя Геологического и Минералогического музея Иннокентия Павловича Толмачева в Финляндию, в Выборгскую губернию для геологических исследований и изучения послетретичных отложений южной Финляндии на срок с 1 июня до 1 сентября 1917 г. и выдать командируемому удостоверение от Академии. Положено командировать И.П. Толмачева, выдать ему удостоверение и сообщить в Правление для сведения.

- От КЕПС ассистента по кафедре минералогии Новочеркасского Политехнического Института Александра Антоновича Твалчрелидзе в Кутаисскую губернию для продолжения исследования сукновальных глин и цеолитов и с этой целью выдать ему командировочное свидетельство и снестись с Кутаисским губернским Комиссаром об оказании содействия. Положено командировать А.А. Твалчрелидзе, выдать ему удостоверение и сделать соответствующее сношение.

- М.Б. Едемского в Псковскую губернию для минералогических исследований с выдачей ему удостоверения от Академии. Положено командировку разрешить и выдать М.Б. Едемскому удостоверение.

На экстраординарном Общем собрании Академии 27 мая 1917 г. академик Вернадский читал: «Честь имею просить Академию разрешить напечатать в «Известиях» Академии мою записку об организации топографической съемки поверхности России. Записка эта была отпечатана в небольшом количестве экземпляров для организующейся при Академии междуведомственной Комиссии по тому же вопросу. Ввиду того, что этот вопрос вновь ныне подымается, я прошу напечатать эту записку по возможности в ближайшем номере «Известий» Академии. Она очень небольшая» [123, с. 1192]. Положено напечатать в № 11 «Известий» Академии (см.: [40]). В этой статье Вернадский указал на неудовлетворительное состояние картографии России и поставил вопрос об организации «чисто научной топографической съемки страны», указав при этом, что «съемка России – по сути дела – должна быть сосредоточена в одном учреждении и это сосредоточение должно

быть проведено быстро и неукоснительно» [40, с. 847]. Лучшим путем для этого, по его мнению, является учреждение государственного Геодезическо-топографического института, стоящего вне интересов отдельного ведомства и обслуживающего интересы как научные, так и практические. Основные задачи такого института заключаются в следующем: 1) широкая исследовательская работа по всем вопросам геодезии и картографии; 2) изучение характера и свойств геоида, в частности на территории России и прилегающих к ней морей; 3) систематическая планомерная общая топографическая съемка России и стран, с ней экономически и политически связанных, в определенном едином образном масштабе, определяемом институтом; 4) съемки более крупных масштабов отдельных местностей нашей страны, согласно требованиям жизни или потребностям науки и заданиям законодательных учреждений или органов управления; 5) охрана по всей стране всех геодезически важных знаков и точек; 6) организация Государственного Архива русских карт и хранение оригиналов всех съемок, производившихся на территории России когда бы то ни было какими бы то ни было учреждениями или лицами; 7) создание по возможности полной картографической библиотеки, которая объединила бы как книжную, так и картографическую литературу, касающуюся не только картографии России, но и всей поверхности земного шара.

9 августа 1917 г. состоялось экстраординарное заседание Общего собрания Академии наук, на котором министр народного просвещения академик С.Ф. Ольденбург отношением от 26 июля за № 1478 на имя президента <Академии наук> сообщил: «Уведомляю Вас, что с сего числа я вступил в управление Министерством народного просвещения» [123, с. 1198]. Кроме того, он же, как министр народного просвещения [123, с. 1198]:

- Письмом от 28 июля за № 1481 уведомил академика А.П. Карпинского, что указом Временного правительства Правительствующему сенату от 19 июля академик А.П. Карпинский утвержден президентом Российской Академии наук, согласно избранию, на пять лет, с 15 мая текущего года¹¹⁸.

¹¹⁸ Указ Временного правительства Правительствующему сенату: «Ординарный академик Российской академии наук, член Горного совета и Горного учебного комитета, горный инженер Александр Карпинский – утверждается президентом Российской академии наук, согласно избранию, на пять лет, с 15-го мая сего года. Подписал: заместитель министра-председателя Н. Некрасов. Скрепил:

- Письмом от 29 июля № 7025 на имя президента <Академии наук> сообщил: «Честь имею уведомить Вас, что распоряжением Временного правительства от 11 июля сего года постановлено бывшую Императорскую Академию наук впредь именовать Российской Академией наук. Копию выписки из журнала заседания Временного правительства за № 39 при сем препровождаю.

2 сентября 1917 г. на заседании Общего собрания Академии наук академик Вернадский назначен постоянным членом Комитета Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства [149, с. 304].

13 сентября 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук Управление делами Главного Земельного Комитета циркулярным отношением от 27 августа за № 20053 сообщило [123, с. 1209]: «Одним из назревших вопросов, в связи с подготовкой земельной реформы к Учредительному собранию, является и вопрос об осуществлении государственной охраны “памятников природы”. Настал момент серьезно подумать о создании в России заповедных участков и даже национальных парков. Необходимо теперь же получить возможно полные сведения обо всех, незатронутых или мало затронутых культурой, участках, ценных в том или ином отношении, дабы при предстоящем проведении земельной реформы сохранить их в неприкосновенном виде. С целью освещения этого вопроса и, в первую очередь, для учета (инвентаризации) памятников природы, охранявшихся до настоящего времени теми или иными учреждениями и лицами, а также для приведения в известность участков, которые необходимо взять под охрану Государства на будущее время, Управление делами Главного земельного Комитета просит заполнить, прилагаемый при сем, опросный лист и прислать его по возможности в самом непродолжительном времени. При этом по каждому участку или объекту, подлежащему характеристике, необходимо сообщаемые сведения помещать на отдельном опросном листе». Положено разослать присланные опросные листы Директорам Ботанического, Зоологического, Геологического и Минералогического музеев¹¹⁹.

управляющий Министерством народного просвещения П. Преображенский. 19-го июля 1917 года» [255, с. 4].

¹¹⁹ Выписка из протокола Общего собрания АН от 13 сентября 1917 за № 1866 от 29 сентября 1917 (подписал неперемный секретарь С.Ф. Ольденбург) была направлена директору Геологического и Минералогического музея – академику Вернадскому (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 11. Л. 4–4 об.).

Сообщалось также, что Американское химическое общество в Вашингтоне (American Chemical Society, Washington) заявило письмом от 30 апреля (нового стиля), что оно принимает меры, чтобы вывести из употребления в Америке платины в ювелирном деле с заменой ее какими-либо соответствующими составами и препроводило составленную секретарем Общества записку по этому делу, а также заключения по ней различных американских учреждений. Записка была уже передана непременно секретарю на рассмотрение академика Н.С. Курнакова. Было положено передать ее на заключение также академику В.И. Вернадскому [123, с. 1211–1212].

Кроме того, академик В.И. Вернадский представил Отделению для напечатания в «Известиях» Академии статью Е.Е. Костылевой «О формах разъедания кристаллов топаза из Шайтанки на Урале». К статье приложено 5 рисунков. Положено напечатать в «Известиях» Академии» [123, с. 1212¹²⁰].

Академик И.П. Бородин доложил переписку разных ведомств и учреждений с Академией по вопросу об экспедициях О.О. Баклунда и члена-корреспондента И.И. Седерхольма. Положено передать на заключение академику В.И. Вернадскому¹²¹.

Вернадский доложил и со своей стороны поддержал заявление на его имя профессора А.А. Борисяка о проведении последним раскопок остатков млекопитающих на Эльдаре (Закавказье). Разрешено¹²².

На этом же заседании начальник Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства письмом от 2 сентября за № 3734 на имя президента РАН сообщил, что по положению о Лаборатории, утвержденному 29 мая 1914 года, при ней состоит Технический комитет. Согласно постановлению Военного совета от 22 июня, в этом Комитете (как его постоянные члены) состоят два представителя от Академии наук. В дополнительный штат Лаборатории включена сумма, из которой будет выдаваться за участие в заседаниях Технического комитета не принадлежащих к составу Лаборатории членам и приглашенным лицам вознаграждение по 15 руб. за каждое заседание.

¹²⁰ См. [142].

¹²¹ Выписка из протокола Общего собрания АН от 13 сентября 1917 № 1807, направлена академику Вернадскому, датирована 23 сентября 1917 и подписана непременно секретарем С.Ф. Ольденбургом (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 11. Л. 7).

¹²² Выписка из протокола Общего собрания АН от 13 сентября 1917 № 1884, направлена академику Вернадскому, датирована 23 сентября 1917 г., подписана непременно секретарем С.Ф. Ольденбургом (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 11. Л. 10.).

Сообщалось также, что академик Вернадский оказывает содействие Лаборатории в связи с деятельностью Военно-химического комитета при Русском физико-химическом обществе. Общим собранием «положено просить академика Вернадского быть постоянным членом указанного Комитета¹²³.

27 сентября 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук РАН академик Вернадский, как директор Геологического и Минералогического музея, читал: «Согласно представлению В.И. Крыжановского я имею честь просить Отделение ФМ выразить благодарность от имени Академии Наук: 1) Управляющему асбестовыми копиями бывш. “Муханов и К⁰” Николаю Васильевичу Фребергеру (ст. Грязновская, Омская жел. дор., Асбестовые копи, бывш. “Муханов и К⁰”) за любезное разрешение производить работы на их площадях; и 2) Золотопромышленникам: Павлу Михайловичу Полякову (Кочкарь. Оренбургской губ.) за пожертвованные в Минералогический Музей минералы и Константину Павловичу Козьминых (Кочкарь, Оренбургской губ.), всем трем за полное содействие, оказанное В.И. Крыжановскому при исполнении им возложенного Академией Наук поручения». Положено выразить поименованным лицам благодарность [123, с. 1215].

4 октября 1917 г. Российская академия наук в малом конференц-зале провела публичное заседание для прочтения отчета о присуждении Академией в нынешнем году премий митрополита Макария¹²⁴.

7 октября 1917 г. состоялось заседание Общего собрания Академии наук, на котором за министра народного просвещения товарищ министра В.И. Вернадский:

- отношением от 30 сентября за № 9317 препроводил представление директора Института истории искусств, с приложением, об изменении § 36 устава Института, в смысле передачи имущества Института, в случае прекращения его деятельности в собственность Российской Академии Наук с просьбой о заключении Конференции Академии [125, с. 157]. Положено уведомить Министерство, что Академия согласна на соответствующее изменение § 36 устава, а текст устава хранить при протокольных бумагах.

¹²³ Выписка из протокола Общего собрания АН от 13 сентября 1917 № 1796, направлена Вернадскому, датирована 20 сентября 1917 и подписана непременным секретарем С.Ф. Ольденбургем (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 11. Л. 5–5 об.

¹²⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 3 октября, № 167, с. 3.

- отношением от 5 октября за № 9320 сообщил: «Вследствие отношения Российской Академии Наук от 23 мая сего года за № 1314 Министерство Народного Просвещения просило Министерство Внутренних Дел о принятии соответствующих мер по охране библиотеки и Музея члена-корреспондента Академии профессора Н.П. Лихачева. В ответ на таковую просьбу Главное Управление по делам милиции в настоящее время сообщает, что по отзыву начальника Петроградской Городской милиции по близости к дому, в коем помещаются названные Музеи и библиотеки, установлен пост милиционера, причем в случае необходимости охрана этого дома будет усилена» [125, с. 158]. Положено принять к сведению и сообщить Н.П. Лихачеву.

10 октября 1917 г., как следует из дневника Вернадского, утром заседала «комиссия в Акад[емии] н[аук] (С.Ф. Ольденб[ург], Н.И. Андрус[ов], М.В. Баярун[ас]) в связи с деятельностью Баклунда и Баяруна в Уренхойском крае» [56, с. 13].

11 октября 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук РАН неперменный секретарь С.Ф. Ольденбург доложил, что в «Вестнике Временного правительства» № 163/209 от 28 сентября 1917 года напечатано «Об изменении положения о Геологическом комитете», причем статье 9 изложена так: «Ст. 9. Присутствие геологического комитета образуется, под председательством директора, из геологов, адъюнкт-геологов, переизбранных на второе трехлетие практикантов (ст. 26), а также из геологов-сотрудников, по избранию. Сверх того, членами присутствия по званию своему состоят: геологи, оставленные в составе присутствия по силе статьи 27 настоящего положения, академики академии наук по минералогии, геогнозии и палеонтологии, а также профессора горного института императрицы Екатерины II и Петроградского университета по кафедрам геологии, палеонтологии, петрографии и минералогии. В случае болезни или отсутствия директора и вице-директора в заседании председательствует старший по времени избрания штатный геолог» [124, с. 1424]. Положено принять к сведению и сообщить академикам А.П. Карпинскому, В.И. Вернадскому и Н.И. Андрусову.

В свою очередь, академик Вернадский (как директор Геологического и Минералогического Музея) сообщил Отделению:

- «Прошу Отделение ФМ выразить благодарность китайскому гражданину Сюй-куй-жун (Разъезд № 79 Заб. жел. дор. Харанорские угольные копи. Китайскому гражданину Сюй-куй-жун. Подрядчику Харанорских копей) за пожертвованную им для Геологического и

Минералогического Музея Академии коллекцию кристаллов аквамарин из месторождения на Шерловой горе» [124, с. 1425]. Положено выразить благодарность жертвователю.

- От Центрального Военно-Санитарного Совета поступили в безвозмездную собственность Академии различные приборы по списку. Положено благодарить Военно-Санитарный Совет, приборы приобщить к инвентарю Музея [124, с. 1425].

Также Вернадский (уже как в качестве председатель КЕПС) просил ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об ассигновании 25000 руб. для печатания «Материалов Комиссии». Решено возбудить соответствующее ходатайство. Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург доложил, что Министерство народного просвещения уведомило об ассигновании 40000 руб. в счет субсидий на расходы Ломоносовскому комитету. Поручено М.А. Рыкачеву, В.И. Вернадскому, Н.С. Курнакову, В.Н. Ипатьеву, А.Н. Крылову, П.П. Лазареву разработать вопрос о составе и полномочиях Ломоносовского комитета [149, с. 306]. В дневнике Вернадского имеется (от 11 октября 1917 г.) запись: «Заседание Академии. Неприятная трусость математиков (Стеклова). После заседания выработался проект Ломонос[овского] комитета¹²⁵. Вернулись к старой, более авторитарной конструкции. Революция научила» [56, с. 15].

23 октября 1917 г. «утром у нас в Академии заседание в связи с эвакуацией. Решили не эвакуировать всего, а лишь немного наиболее ценное в смысле национальном. Но чувство все-таки беспокойное — правильно ли делаем» [56, с. 27].

8 ноября 1917 г. на заседании Отделения физико-математических наук РАН за министра народного просвещения товарищ министра В.И. Вернадский отношением от 12 октября за № 9841 сообщил: «Вследствие отношения от 29 минувшего сентября за № 1893 имею честь уведомить, что Министерство утверждает полковника И.С. Свищова в звании члена Постоянной Центральной Сейсмической Комиссии. При этом считаю своим долгом пояснить, что согласия Временного Правительства на включение названного лица в состав членов Комиссии не

¹²⁵ Ломоносовский комитет АН, с предложением о создании которого Вернадский выступил 3 декабря 1916 на заседании физико-математического отделения АН (от имени ряда академиков), должен был, по замыслу ученых, компенсировать невозможность учреждения в условиях войны Ломоносовского физико-химического института, разработать его программу и функции, организовать исследования по его тематике.

требуется, так как участие в трудах ее представителей от Военного Ведомства предусмотрено самим актом об учреждении Комиссии» [125, с. 168]. Положено принять к сведению и сообщить в указанную Комиссию.

18 ноября 1917 г. состоялось экстраординарное Общее собрание Академии наук. Вернадский указан среди присутствующих на этом собрании академиков (присутствовали 22 академика, отсутствовали 19 академиков). Президент Академии сообщил Собранию, что согласно выраженному некоторыми членами Конференции желанию создано настоящее заседание ввиду того, что происшедшие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская академия наук не молчала в такое исключительное время. Во время открывшихся прений были прочитаны проекты заявлений от имени Академии, но, так как ни один проект не был принят, то решили избрать Комиссию из академиков А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Ольденбурга, М.А. Дьяконова, Н.С. Курнакова и М.И. Ростовцева для составления текста обращения и представления его экстраординарному Общему собранию 21 ноября [210, 268]. На протоколе стоят подписи-автографы А.П. Карпинского, И.П. Бородина, С.Ф. Ольденбурга, И.П. Павлова, В.В. Латышева, Н.Я. Марра, В.В. Бартольда, А.Н. Крылова, Н.К. Никольского, Я.И. Смирнова, М.А. Рыкачева, А.С. Лаппо-Данилевского.

Следующее экстраординарное Общее собрание Академии наук состоялось 21 ноября 1917 г. Вернадский не присутствовал на этом собрании [210]. Академик А.С. Лаппо-Данилевский зачитал от имени Комиссии, избранной в заседании 18 ноября, следующий проект обращения Конференции Академии: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и, ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? – внутреннюю слабость, жесткое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию; оно должно охранить ее от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост ее культуры и упрочить ее положение в среде просвещенных государств. В твердом единении верных сынов Родины служители науки и просвещения сознают ее мощь и

преклоняются перед ее волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую свободная Россия возлагает на Учредительное собрание» [268]. Положено утвердить и просить президента Академии собрать совещание из представителей высших учебных заведений Петрограда, которым предложить выработанный текст обращения на случай, если бы они пожелали к нему присоединиться, указав при этом, что самый текст обращения уже более изменению не подлежит.

В 1917 г. Вернадский входил в следующие академические комиссии и комитеты [165]: Постоянная Библиотечная комиссия (основана в 1915 г.)¹²⁶, Комиссия по исследованию племенного состава населения России (КИПС, основана в 1917 г.), Комиссия по вопросу об ознаменовании двухсотлетнего существования Академии (основана в 1917 г.), Комиссия по постройке Ломоносовского института и Геологического и Минералогического музея (основана в 1911 г.), Ломоносовский комитет (основан в 1916 г.), Комиссия по изучению озера Байкала (основана в 1916 г.), Комиссия по топографической съемке России (основана в 1916 г.), Фонд имени А.П. Карпинского (основан в 1916 г., председатели – В.И. Вернадский и Н.И. Андрусов). В 1917 г. обсуждался вопрос об образовании комиссии по изучению Русского Севера под председательством В.И. Вернадского [276].

В Геологическом и Минералогическом музее имени Императора Петра Великого Академии наук, который к 1917 г. под руководством В.И. Вернадского занял одно из ведущих мест среди музеев своего профиля как по объему коллекций, так и по научному потенциалу, продолжалась обработка литературы о месторождениях российских минералов, были организованы экскурсии сотрудников Музея и специально командированных для этой цели лиц в Олонецкую губернию, район Петрозаводска, на Урал, в Забайкалье [191]. Вернадский продолжал исследования в области химии и минералогии урана, ниобия, тантала

¹²⁶ Библиотечная комиссия, короткое время называвшаяся «Временной», была создана Общим собранием Императорской академии наук 5 марта 1911 в помощь БАН и являлась посредником между БАН и Общим собранием Академии наук. Ее деятельность была направлена на решение проблем БАН, сети петербургских библиотек, что, в сущности, и составляло библиотечное дело Академии наук в целом. Называвшаяся в 1915–1933. Постоянной, она стала предшественницей ныне действующего Информационно-библиотечного совета РАН [103]. В 1915 Вернадский даже временно исполнял обязанности председателя Комиссии.

и титана. В то время при Музее состояли: Геологическое отделение с коллекцией по стратиграфии, особенно Сибири (заведующий Н.И. Андрусов), Минералогическое отделение (около 27000 образцов), Палеонтологическое отделение, кристаллографическое отделение, радиовоториевая лаборатория, химическая и радиовая лаборатория [165]. В Музее работали В.Г. Хлопин, Л.С. Коловрат-Червинский, К.А. Ненадкевич, А.Е. Ферсман, Е.П. Боклевская, И.Д. Старынкевич, Л.Э. Кауфман, В.И. Крыжановский, И.П. Рачковский, И.П. Толмачев, О.О. Баклунд и др. [165, 191]. Из-за развала фронта и угрозы захвата немцами в сентябре 1917 г. Петроград был объявлен на военном положении. Академик Вернадский как директор Музея имени императора Петра Великого организовал вывоз в Москву семи ящиков с драгоценными камнями и минералами, которые были размещены в железном шкафу в кабинете ректора Московского университета [253].

Вернадский занимался также комплектованием фондов библиотеки Музея, обращаясь за помощью к своим ученикам. Так, 29 января 1917 г. из Екатеринославля Л.Л. Иванов¹²⁷ сообщал ему:

«Дорогой Владимир Иванович!

По наведенным мною справкам на складе изданий нашего Института не имеется тех выпусков “Известий”¹²⁸, к[ото]рых недостает в Музее. Даже за 1916 г. вып[уск] I весь разошелся и его не хватило для рассылки. Этот выпуск есть у меня лично, и я Вам его вышлю. Остальные недостающие постараюсь также достать частным путем и Вам при

¹²⁷ Иванов Леонид Ликарионович (1877–1946) – минералог, профессор. Ученик Вернадского. Член Русского и Немецкого минералогических обществ. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Харьковского университета, перевелся на такой же факультет Московского университета, который окончил в 1903, избран на должность внештатного ассистента при кафедре минералогии, работал в Минералогическом кабинете, вел практические занятия со студентами по кристаллографии. В 1908 Советом Екатеринославского Высшего горного училища (позже горного института) был избран преподавателем кафедры минералогии, в 1911 и. о. профессора, затем профессор (1912–1946) и зав. кафедрой минералогии (с 1916). Более тридцати лет заведовал геолого-минералогическим музеем Горного института. Один из организаторов и профессор (с 1916) Екатеринославских Высших Женских курсов. Первый декан естественного факультета Екатеринославского (Днепропетровского) университета. Также возглавлял секцию минералогии Екатеринославской научно-исследовательской кафедры геологии УАН (1922).

¹²⁸ Речь идет об «Известиях Екатеринославского горного института».

случае выслать посылкой, одновременно бандеролью список отдельных оттисков и изданий, имеющихся на складе Института.

Ваш Л. Иванов.

Р.С. Эдельштейн¹²⁹, Славяносерб[ский] уезд Вам уже выслан [Управую]?¹³⁰» [71, с. 419].

Из письма (от 17 января 1917 г.) Я.В. Самойлова Вернадскому следует, что 18 февраля 1917 г. последний должен был «читать <лекцию?> в Годичном заседании Научного института <по удобрениям>» [197, с. 327]. В письме от 8 февраля 1917 г. Вернадский сообщил Самойлову: «Хочу приехать в Москву 17го утром. Уеду 19го вечером. Очень хочу повидаться и о многом переговорить»¹³¹.

16 февраля 1917 г. на заседании Статистического совета при МВД¹³² В.И. Вернадский поднял вопрос о необходимости скорейшего создания в стране особого статистического органа. Как указано в журнале заседания, «отметив чрезвычайную важность правильных способов собирания и разработки статистических сведений, академик В.И. Вернадский высказал мнение, что этого можно достигнуть только при условии установления научных способов получения и разработки исходных данных. С этой целью необходимо учреждение особого органа, преследующего научные и практические задачи в статистике, подобно, например, Геологическому комитету. <...> В таком органе

¹²⁹ Эдельштейн Яков Самойлович (1869–1952) – (1869–1952) – геолог, географ, геоморфолог, профессор (1925). Внес большой вклад в развитие четвертичной геологии и особенно геоморфологии, автор первого курса геоморфологии на русском языке (Основы геоморфологии, 1938, 1947) и первых методических руководств и инструкций по геоморфологическому изучению и картированию (1935, 1936, 1947). Выдвинул (1941–1943) принципиальные идеи наличия на Урале древних поверхностей выравнивания и древней гидрографической сети, не совпадающей с современной. Участник многих экспедиций на территории России и зарубежных стран. Арестован «по делу красноярских геологов» (1949), умер (после вынесения приговора) в ленинградской тюремной больнице (1952); реабилитирован (1954).

¹³⁰ Речь идет о работе Эдельштейна [280].

¹³¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 3.

¹³² Статистический совет при Министерстве внутренних дел функционировал с 30.04.1863 по 26.10.1917. Создан с целью «содействовать министерствам и другим главным управлениям в работах по административной статистике»; определял «правильнейшие» и «вернейшие» способы собирания и обработки статистических сведений и добивался единообразия в подготовке статистических материалов.

научная стороны должна стоять на первом месте. Являясь независимым от ведомств и имея реальную возможность для производства статистических работ, такой орган должен быть в зависимости от административных учреждений только в тех случаях, когда он выполняет порученную ими статистическую работу. Указанный Статистический орган должен стоять вне и отдельных государственных установлений и Совета Министров, чему прообразом может быть указан Государственный контроль»¹³³.

8 марта 1917 г. Вернадский участвовал в собрании членов Советов отдельных химических организаций и учреждений, работающих на оборону, целью которого было предварительное обсуждение вопроса о согласовании дальнейшей деятельности. Председательствовал на собрании академик Н.С. Курнаков, в работе приняло участие 49 членов различных Советов (среди них – А.А. Байков, М.А. Блох, П.А. Врангель, В.Н. Ипатьев, А.В. Палладин, А.Е. Ферсман, Л.А. Чугаев и др.). Для дальнейшей разработки вопроса о химическом обслуживании Армии создано подготовительное бюро, в которое от КЕПС вошел Вернадский¹³⁴.

В апреле 1917 г. Вернадский принял участие в совещании, посвященного проблеме увеличения добычи в России вольфрама, молибдена, висмута и олова¹³⁵.

Как сказано в отчете [193, с. 1], «отчетный 1917 год в жизни Геологического комитета, как и во всей стране, прошел неровно, тревожно и вне нормальных условий для работы». Присутствие (Научный совет) Комитета в 1917 г. имело 26 заседаний. На заседании Присутствия Геолкома 14 апреля 1917 г. было объявлено: «Указом Временного правительства от 12 сего апреля директор Геологического комитета К.И. Богданович назначен членом Горного Ученого комитета с увольнением его, согласно прошению, от должности директора Геологического комитета» [107, с. 225]. На том же заседании приступили к подбору кандидатов на освободившуюся должность. Это были первые выборы за 35 лет существования Геолкома: до Февральской революции директора не выбирали, а назначали. Были предложены восемь кандидатов, в число которых вошел и Вернадский. Некоторые, включая

¹³³ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 137. Л. 215. Журнал заседания Статистического совета при Министерстве внутренних дел 16 февраля 1917.

¹³⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 76–77.

¹³⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 177. Л. 40.

Вернадского, сняли свои кандидатуры, и после нескольких туров голосования новым директором Геолкома был выбран горный инженер В.Н. Вебер [193]. В 1917 г. академик Вернадский оставался нештатным членом Присутствия (Научного совета) Геологического комитета [165, 193], а также, как уже отмечено выше, возглавлял Специальную комиссию по исследованию алюминиевых руд, созданную при Геолкоме [165].

На начало 1917 г. Вернадский формально оставался членом специальной комиссии по установлению порядка празднования (7 января 1917 г.) столетнего юбилея Минералогического общества (в комиссию также входили Н.И. Андрусов, Д.Н. Артемьев, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, А.К. Мейстер, Б.А. Попов, П.И. Степанов и Е.С. Федоров). В связи с трудностями военного времени, возникшими с начала первой мировой войны, столетний юбилей Минералогического общества 7 (20) января 1917 г. был отпразднован очень скромно.¹³⁶

В 1917 г. состоялся Организационный съезд Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. [183]. Комитет Съезда имел в течение июня и июля ряд заседаний. Организационный (учредительный) съезд проходил пять дней — с 20 по 24 августа 1917 года — в Москве, в здании Высших женских курсов на Девичьем поле. На Съезде присутствовали 314 делегатов. Сообщалось, что с докладами на Съезде выступят: В.И. Вернадский; Д.Н. Анучин; А.П. Павлов; П.П. Лазарев; А.Н. Северцов; Н.К. Кольцов; Н. А. Савельев. Съезд утвердил Устав организации и избрал ее руководящие органы (Правление и Совет), наметил планы работы секций нового Объединения на ближайшие годы, программы совместных научных исследований, экспедиций и межуниверситетских научно-исследовательских работ. Вернадский был избран членом правления и Совета Ассоциации.¹³⁷

¹³⁶ 7 января 1917 Вернадский сообщил Я.В. Самойлову: «Сегодня столетний юбилей Минералог[ического] общ[ества]. Много оно сделало и мало сознается его работа в среде русских ученых. Это, впрочем, все еще характерно для нашего общества» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 1 об.).

¹³⁷ В октябре 1942 Вернадский писал о необходимости восстановления более демократических форм научной деятельности. «Как раз в марте 1917 года, — отмечал он, — она могла войти в жизнь, но исчезла в бурный период нашей революции». Такой формой он считал ассоциацию научных работников — ученых, врачей и инженеров, которая должна собираться раз в год и входить в мировую организацию научных работников. Проект такой организации был составлен им и А.П. Павловым в 1902. «Мы его назвали “Обществом для созыва съездов

9 октября 1917 г. Вернадский участвовал в совещании в Геологическом институте, о чем есть запись в его дневнике. «Первое заседание Совета <Геологического института>: Борисяк, я, Степанов, Архангельский, Левинс[он]-Лесс[инг]. Выработка плана 1-го года. Для минер[алогии]: я – силикаты, Ферсман – геохимия, Земятч[енский] – глины, Федоров – кристаллохим[ический] ан[ализ], Вульф – рентген[овские] лучи и крист[аллы]» [56, с. 11]. Об указанном Геологическом институте есть сведения в заметке, помещенной в журнале «Природа» в 1918 г.¹³⁸ В заметке сказано, что ни одно из высших учебных заведений России не дает в настоящее время вполне законченного геологического образования. Особенно чувствуется отсутствие курсов, которые бы обслуживали интересы специально геологии страны. В целях восполнить этот пробел, а также для того, чтобы дать возможность практическим работникам в области геологии периодически обновлять свои знания, группой петроградских геологов основывается новое учено-учебное заведение – Геологический институт, которому ставится задачей создание систематических курсов лекций по различным отраслям геологических наук, – в дополнение и развитие общих курсов, читаемых в высших учебных заведениях, – и организация практических занятий и полевых работ, сопровождаемых самостоятельными научными работами слушателей под руководством специалистов. Среди намечаемых систематических курсов лекций упоминаются следующие: По исторической геологии – 1) Геология России (по системам). 2) Региональная геология России (методология исследования областей различного типа). 3) Сравнительная литология. По палеонтологии – 1) Введение в палеонтологию. 2) Систематическая палеонтология (методология, систематика, литература). 3) Стратиграфическая палеонтология (палеофаунистика, палеобиогеография). По петрографии

естествоиспытателей». <...> Составленный мной и А.П. Павловым проект проходил через несколько съездов и наконец дошел до 1917 года, когда был утвержден (в переработанной съездами форме)» [54, с. 206]. Надо отметить, что еще 31 мая 1916 министром народного просвещения графом П.Н. Игнатьевым был утвержден устав Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. Первым председателем Объединения стал председатель XII Съезда Объединение (Ассоциация) русских естествоиспытателей и врачей профессор Д.Н. Анучин [117]. 5 октября 1916 состоялось первое собрание Совета Объединения. Вернадский вошел в состав Совета и был избран членом Правления Объединения.

¹³⁸ См.: Геологический институт // Природа, 1918, № 2–3, стлб. 211–212.

– 1) Методика исследований. 2) Классификации горных пород. 3) Учение о метаморфизме. 4) Химические проблемы в петрографии. 5) Региональная петрография России. По минералогии и кристаллографии – 1) Геохимия. 2) Силикаты. 3) Металлогенезис. 4) Кристаллохимический анализ. 5) Рентгеновские лучи в кристаллах. По практической геологии – 1) Угли России. 2) Нефть в России. 3) Рудные месторождения России и т. д. Сообщалось, что систематические занятия в Геологическом институте начнутся с осеннего полугодия 1918 г. В весеннем же полугодии 1918 г., в зависимости от обстоятельств, предполагалось читать отдельные эпизодические курсы, программы которых будут своевременно объявлены. Учредителями Геологического института являются: А.Д. Архангельский, А.А. Борисяк, В.Н. Вебер, В.И. Вернадский, К.П. Калицкий, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, А.П. Павлов, А.Н. Рябинин, П.И. Степанов, А.Е. Ферсман, Я.С. Эдельштейн и М.Э. Янишевский.

18 октября 1917 г. состоялось заседание совета Докучаевского комитета, на котором обсуждались проекты почвенной карты Глинки и предполагаемого объединения почвенных организаций [56, с. 24].

Несмотря на невероятную загруженность в Академии наук, в КЕПС, в Геологическом и Минералогическом музее, в Сельскохозяйственном ученом комитете, в Министерстве народного просвещения, в кадетской партии и т. д., Вернадский не бросает своих научных занятий. Так, из писем Э.Л. Радлова (с лета 1916 г. помощник директора, с сентября 1917 г. – и.о. директора Публичной библиотеки) Вернадскому следует, что последний в 1917 г., особенно в первой его половине, часто заказывал для себя в Публичной библиотеке подборки научных книг и журналов по самой разнообразной тематике¹³⁹. Любопытно отметить, что из письма Радлова от 13 июня 1917 г.¹⁴⁰ узнаем, что Вернадский заказал в Публичной библиотеке книгу Н. Зуева «Азовское море»¹⁴¹. Несколько лет спустя Вернадский разработает

¹³⁹ См., например, письма Радлова Вернадскому от 15, 21 и 25 апреля, 9, 13, 21 и 27 июня, 23 сентября, 28 октября и 13 ноября (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1344).

¹⁴⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1344. Л. 3.

¹⁴¹ Речь идет о книге [1]. Зуев Никита Иванович (1823–1890) – картограф и писатель, окончил Главный педагогический институт (1844), преподаватель в гимназиях, затем чиновник особых поручений в департаменте народного просвещения, редактор Центрального статистического комитета МВД. Автор многочисленных статей и книг естественно-исторического содержания. Его

замечательный план геохимического исследования Азовского моря и его бассейна, так что его интерес к этой книге в 1917 г. был, очевидно, не случаен¹⁴². С.В. Ренц-Здравомыслова, начавшая в 1917 г. работать в библиотеке Минералогического музея, позже вспоминала, что в это время Вернадский часто заказывал научные книги [219].

В записях о живом веществе за 1917 г. встречаются выписки Вернадского из статьи профессора В.А. Анри¹⁴³, опубликованной в журнале «Природа». Вернадский подробно конспектирует заключение статьи и, в частности, полностью выписал из него следующие строки¹⁴⁴: «С мировой точки зрения жизнь есть ничто иное, как постоянное задержание и накопление лучистой энергии, замедляющее превращение полезной энергии в теплоту и препятствующее рассеиванию последней в мировом пространстве. Присутствие живых организмов на Земле удлинняет продолжительность существования мира, так как, если бы не было живых организмов, деградация энергии происходила бы быстрее, Земля скорее бы охлаждалась и мир скорее бы приближался к состоянию окончательного равновесия» [9, стлб. 455]. В письме Ферсману 9 июня 1917 г. Вернадский сообщает: «Работаю неустанно над H_2S ¹⁴⁵» [196, с. 91]. В дневнике Вернадского (с 9 октября по 18 ноября 1917 г.) есть записи о том, что он – при своей невероятной загруженности и чрезвычайно тревожных событиях этого времени – находит время для личной научной работы, для чтения научных журналов и книг [56]. Так, 9 октября 1917 г. утром Вернадский в лаборатории осматривал минералы, собранные К.А. Ненадкевичем. 10 октября 1917 г. Вернадский записал в своем дневнике: «Люб[опытная] статья Кольцова в “Природе” о жив[ом] вещ[естве]¹⁴⁶» [56, с. 14].

картографические труды – 258 листов (карты географические и исторические) – были оценены специалистами и разошлись в громадном количестве экземпляров.

¹⁴² См. [47].

¹⁴³ Анри (Henri) Виктор Алексеевич (1872–1940) – французский физиолог и физикохимик русского происхождения. В 1916–1918 заведовал лабораторией в Научно-исследовательском институте физики в Москве.

¹⁴⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 71.

¹⁴⁵ В это время Вернадский работал над 2-м томом «Описательной минералогии», посвященного сернистым и селенистым соединениям [45].

¹⁴⁶ См. [141]. Статья завершается следующим заключением ее автора: «Нет живого вещества. Нет никакой живой протоплазмы, так как все ее составные части – и белки и вода, и растворенные в воде соли – в равной степени не живы.

Из дневника 11 октября 1917 г.: «Лазареву обещал статью о микрокосм[ических] смесях. Невольно мысль бродит в этих вопросах. Нужен эксперимент?» [56, с. 14]. Вечером 13 октября Вернадский читал «Comptes Rendus»¹⁴⁷; 17 октября – «старин[ные], начала XIX в., химические журналы <...>. Любопытны там данные для ненаписанной истории химии» [56, с. 23]; 18 октября – «Исторические записки» и «Журнал Министерства народного просвещения»; 19 октября – «утром в лаборатории с И.Д. Старынкевич о ее работе. Монациты с ураном» [56, с. 25]; 20 октября – «Вечером корректура с Е.Д. <Ревуцкой>. Двинул свою Минералогию»¹⁴⁸; 23 октября: «Вчера и вечером работал над сероводородами. Много сделал» [56, с. 28]; 3 ноября – «Вечером работал над сероводородами. Много двинул» [56, с. 30]; 5 ноября – утром «работал над сероводородом и кое-что читал весь день – «Nature», о белом угле» [56, с. 31]; 6 ноября – «Много работал для сероводорода с корректурой и исправлениями. Хочется скорее двинуть. Думается о новых научных работах. Хочу вырвать время», читал «Nature», отдельные новинки по геологии [56, с. 32]; 7 ноября – «Читал книги в связи с серовод[ородом], корректуры «Ест[ественных] пр[оизводительных] сил», «Изв[естия] Геологического ком[итета]» (работа Пригоровского об угле – интер[есно])» [56, с. 34]; 8 ноября – читал «Вестник торфяного дела», «Русскую мысль», диссертацию Искюля¹⁴⁹, «корректуры, работал над сероводородом много» [56, с. 35]; 9 ноября – «Вчера в трамваях и в промежутках (! – Е.Я.) довольно много прочел – кончил диссерт[ацию] Искюля (подтв[ерждение] основных моих идей о структуре силикатов), неск[олько] брошюр и книг о почвоведении (люб[опытна] Ярилова речь в Воронеже). <...> Корректуры – серов[одород] (и чтение для него) и сб[орник] произв[одительных] сил (нефть)» [56, с. 37]; 12 ноября – «Вчера и сегодня болен – лежу дома. Сколько могу работаю над сероводородом» [56, с. 40].

Живыми могут быть названы только организмы и прежде всего клеточные машины, которые живы до тех пор, пока цела их организация» [141, стлб. 212].

¹⁴⁷ «Comptes rendus de l'Académie des Sciences» – французский научный журнал, издается Французской академией наук с 1835.

¹⁴⁸ Имеется в виду «Опыт описательной минералогии», первый том которого – «Самородные элементы» – был издан в 1908–1914 в 5 выпусках, второй – «Сернистые и селенистые соединения» – в двух выпусках соответственно в 1918 и 1922.

¹⁴⁹ Искюль В.И. Экспериментальные исследования в области химической конституции силикатов: Хлориты. – Пг., 1917. – VI+310 с.

Интересна запись в дневнике 13 ноября 1917 г.: «Мысль усиленно работает в области микрокосм[ических] смесей и летней работы о живом веществе» [56, с. 42].

14 ноября – днем «много работал над сероводородом. Хочется кончить топографический обзор, требующий мелочной и скрупулезной работы. Уже для 2-го выпуска – Кавказ» [56, с. 42]. Вечером читал сводку работ о фосфоритах и удобрениях Прянишникова.

15 ноября – «Много работал над сероводородом, читал и исправлял корректуры – над Кавказом. Успел много сделать» [56, с. 44]. «Думал, что знаю литературу русскую о мин[еральных] источн[иках]! И вдруг случайно – просматривая киев[ский] указатель литер[атуры] по ест[ествознанию] для киевских вод, натолкнулся на совершенно мне не известную, напечатанную в 1901 в Казани сводку о минер[альных] ист[очниках] Семиреч[енской] обл[асти]¹⁵⁰. Она не известна и Веберу, и Аргентову. <...> Читал Ежег[одник] Зоол[огического] музея. Любопытн[ые] статьи Мартынова о Trichoptera¹⁵¹ в Крыму – любопытн[ые] сведения о прошлом Крыма и интенсивная работа там русск[их] натуралистов. Интен[сивная] работа русск[их] натуралистов всюду чувствуется. Там же статья Берга – список русск[их] пресноводных рыб¹⁵². Из списка я сделал любопытный подсчет: 128 родов и 281 вид. Из них 24 рода и 170 видов впервые установлены русскими натуралистами, начиная с XVIII в. Еще некоторых, как, напр[имер], Дыбковского, работа которого прошла в русск[их] условиях, я не считал за русского натуралиста» [56, с. 45].

16 ноября 1917 г. – «Вчера опять нездоровилось, и я сидел дома. Работал над сероводородом и читал. Была Елиз. Дм. <Ревуцкая>; с ней мы свели разбросанные у меня в разных местах материалы по селену и висмуту, которые сделаем вместе. Опять поднялась мысль закончить опыты над кристаллизацией селена под влиянием света, которые я

¹⁵⁰ Имеется в виду сводка «Минеральные воды Семиреченской области» (Казань, 1901), сведения о которой были помещены в 3-м томе «Указателя русской литературы по математике, чистому и прикладному естествознанию, медицине и ветеринарии» (Киев, 1903), издаваемом в 1873–1894 и 1901–1913 Киевским обществом естествоиспытателей под ред. Н.А. Бунге и В.К. Совинского.

¹⁵¹ См.: А.Н. Мартынов Заметки о фауне Trichoptera Крыма // Ежегодник Зоологического музея, 1916, т. 21, № 2/3; добавления к этой статье см. в № 4 «Ежегодника» за тот же год.

¹⁵² См.: L. Berg A Catalogue of the Fresh Water Fishes of Russia // Ежегодник Зоологического музея, 1916, т. 21, № 2/3.

делал когда-то в Париже и Москве и не окончил, хотя результаты получались. Надо написать и очерк о селене для Мат[ериалов] о распространении] хим[ических] элементов] в з[емной] к[оре]¹⁵³» [56, с. 45]. Читал «Ежегодник Зоологического музея и по сероводороду; 17 ноября – «Читал по сероводороду и работал по корректурам» [56, с. 48]; 18 ноября – «Начал набрасывать статью о селене – очерк в Заметки о распр[остранении] хим[ических] эл[ементов] в з[емной] к[оре]. VIII»¹⁵⁴ [56, с. 51], а также читал журнал «Поверхность и недра».

В 1917 г. Вернадский много размышлял над проблемами развития и организации отечественной науки. Еще 19 февраля 1917 г. в Московском научном институте¹⁵⁵ должен был состояться доклад Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России». Однако в связи с общей тревожной атмосферой того времени выступление было отменено. Текст этого доклада был опубликован Вернадским позже, в двух номерах (22 и 23 июня 1917 г.) газеты «Русские ведомости» [36]. С одной стороны, как справедливо заметил И.И. Мочалов [163], данная работа очень важна для понимания общего умонастроения Вернадского, которое владело им накануне февральской революции. С другой стороны, в этой газетной статье Вернадский в определенной мере систематизировал свои представления о значении науки и научного знания в развитии государства и общества, о роли государства в организации научных исследований, обозначил главные области научной работы, связанные с особенностями текущего момента и основными задачами государственного строительства России.

¹⁵³ «Заметки о распространении химических элементов в земной коре» публиковались в «Известиях Академии наук» в 1909–1916, упоминаемая статья написана не была.

¹⁵⁴ 8-й выпуск заметок о распространенности химических элементов в земной коре, посвященный селену, опубликован не был.

¹⁵⁵ Общество Московского научного института – общественная организация учёных, уволившихся в 1911 в связи с реакционной политикой министра народного просвещения Л.А. Кассо. Идея организации «вольной научной академии», испытывающей минимальное влияние политики, было высказано впервые физиком Н.А. Умовым. Предполагалось, что основу Общества составят отдельные лаборатории, финансируемые как учеными, так и благотворителями. Устав общества был утвержден 16 апреля 1912; 10 мая 1912 состоялось первое собрание его членов, определившее основную задачу научного института как «исключительно ученую». В 1920 на основе общества был создан Государственный институт народного здравоохранения при Народном комиссариате здравоохранения РСФСР (ГИНЗ). См.: [83, 112, 258].

Думается, что многие положения этой статьи Вернадского актуальны и в наши дни.

В своей статье Вернадский, прежде всего, характеризует мировую войну как стихийный процесс величайшего несчастья, привнесенного к тому же волей немногих. Война не только создала в короткий срок неисчислимые изменения материальной обстановки, вызвала едва мыслимые потрясения в области хозяйственных и государственных явлений, внесла ужасающую сумму страданий, перед которыми померкли все ранее бывшие бичи человечества, — голод, мор, нашествие варваров. Война внесла в сознание широких масс необратимые психологические изменения, она не в меньшей степени проникла в духовную жизнь, глубочайшим образом повлияла на психику личностей, на понимание исторических процессов и духовных основ существующего порядка.¹⁵⁶ Наибольшие изменения духовной обстановки жизни произошли, полагает Вернадский, прежде всего в изменении наших представлений о ценностях и о значении идейных факторов жизни, если можно так выразиться, в изменении оценки значения категорий идеальных построений человечества. Одним из чрезвычайно важных изменений в мировой психологии, считает Вернадский, является изменение отношения общества к науке¹⁵⁷. Характерной чертой момента, удивительным образом неожиданной для всех государственных организаций, по мнению Вернадского, явилась переоценка значения науки, как элемента государственной жизни, как объекта государственной политики. Казалось, пишет он, в жизни человечества, кроме чисто государственных интересов, очень сложных по своему происхождению, могут существовать и по сущности своей независимо от государства действуют

¹⁵⁶ В чем-то созвучные с Вернадским мысли высказал В.Г. Короленко в газете «Русские ведомости» (1917, № 136, 17 июня): «Наше время полно страстных противоречий. Война еще впервые так ошутительно поставила мыслящее человечество между двумя стремлениями: отдаленными интересами будущего единого человечества и насущными, ближайшими интересами отдельных отечеств» [167, с. 154].

¹⁵⁷ См. также статью Вернадского «Война и прогресс науки», опубликованную в 1915 [29]. Он же: «Первая мировая война 1914–1918 гг. лично в моей научной работе отразилась самым решающим образом. Она изменила в корне мое геологическое миропонимание. В атмосфере этой войны я подошел в геологии к новому для меня и для других и тогда забытому пониманию природы — к геохимическому и к биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения» [51, с. 113].

лишь две категории идейных построений жизни, влияющих на ход государственной политики. Это, во-первых, религиозные искания и построения человечества и, во-вторых, гуманитарные ее явления. Первые вылились в мировые религии – буддизм, христианство, магометанство. Вторые – в социалистические требования и понимания государственной политики. До недавних пор, несмотря на значение последствий научной техники в государственной политике и на государственную заботу о народном образовании, отношение государственных людей к науке определялось их личным вкусом, а огромное большинство населения не считало заботу о научном искании и о научной работе вообще делом государственным, а полагало ее делом частным и личным. Помощь научному исканию и научной работе в тех случаях, когда они не были связаны с высшим образованием или с необходимостями технических задач государственной деятельности, рассматривалась как известная роскошь¹⁵⁸, как некоторый исторически сложившийся обычай государственной жизни, как проявление личных вкусов и желаний влиятельных политиков. Война резко изменила в этом отношении общее понимание, так как сила науки почувствовалась так, как она никогда не чувствовалась в человечестве, причем она проявилась не только в создании орудий истребления, но и в организации защиты, в общем направлении государственной деятельности, в так называемой организации тыла. Сейчас, считает Вернадский, мысль людей направлена на будущее, на устройство жизни, в котором они были бы обеспечены от катастроф, подобных переживаемым, на возможно быстрый и менее мучительный выход из последствий войны, на восстановление нарушенного войной государственного и частного хозяйства. При таком настроении человечества приобретают огромное значение те возможности, которые открываются во всех этих направлениях при широком развитии научного мышления, научного исследования, научной творческой работы. Громадная роль в осуществлении этих надежд и чаяний должна принадлежать и отчасти уже принадлежит науке. Однако, думает Вернадский, достигнутое в этой области несоизмеримо по сравнению с тем, что может быть реализовано при правильной организации научных исследований. Возможные достижения научной деятельности и научного творчества человечества существенно превышают

¹⁵⁸ В.И. Вернадский, 29 июня 1893: «Я считаю печальной чертой русской теперешней жизни странное и непонятное для меня отношение к науке как к роскоши» [57, с. 47].

то, что сейчас достигнуто, если только организация научной работы выйдет из рамок личного дела и станет делом государственным. При этом данный процесс должен затрагивать не отдельные отрасли научной деятельности, но всю науку как целостную систему знания. Наука едина и нераздельна. Нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять другие без внимания. Нельзя обращать внимание только на те, приложение к жизни которых сделалось ясным, и оставлять без внимания те, значение которых не создано и не понимается человечеством. Однако наука, продолжает Вернадский, не только едина и нераздельна, но и безбрежна. Поэтому, очевидно, из бесконечного количества ее задач государство должно выдвигать на первую очередь поддержку некоторых определенных. Очередь разрешения научных задач государством, конечно при существовании в стране независимой от государства свободной личной научной творческой работы, — является самым основным вопросом, интересующим государственного и общественного деятеля. Вернадский ставит вопрос: Какие области научного искания и научной работы могут и должны быть поставлены сейчас на первую очередь с точки зрения государственных интересов России? Он считает, что сейчас могут и должны быть выдвинуты три различные области научной работы, связанные с особенностями текущего момента и основными задачами государственного строительства России. Эти три области определяются: 1) необходимостью срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил нашей страны и прилегающих к ней стран, 2) особенностями мирового положения России, в частности ее положения в Азии, и 3) чрезвычайным разнообразием как естественно-исторического, так и этнического состава русского государства. Первая область государственной организации научно-исследовательской работы принципиально ясна, и ее необходимость не возбуждает теперь серьезных возражений, поскольку война до очевидности для всех выяснила крайнюю неизученность территории России и ее ресурсов. Работа в этом направлении только начата, поэтому государство должно отпустить нужные средства, увеличить бюджет научных, общественных и государственных организаций, которые занимаются изучением естественных производительных сил. Государство должно организовать планомерное, систематическое исследование естественных производительных сил страны в ближайшие годы. Однако надо организовать не только выяснение имеющихся в наличности в нашей стране производительных сил, но и надо уметь их использовать. И здесь помимо

личной инициативы, помимо капитала и труда необходимо научное исследование. Государственная работа неизбежно должна быть направлена в двух направлениях: с одной стороны, на научный учет производительных сил нашей страны, с другой – на изучение их свойств и особенностей. Для этой последней цели наиболее правильным и наиболее могучим средством и должно явиться создание государственной сети исследовательских институтов.

Необходимо также учитывать тот факт, что Россия по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – страна не только европейская, но и азиатская. Мы, пишет Вернадский, являемся как бы представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только в глубь европейского, но и в глубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Европой. Название Восточной Европы, которая почти совпадает с понятием Европейской России, считает он, далеко не охватывает всего того различия, какое представляет сейчас наше государство в общем сонме европейских стран. Для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан – не бесправные колонии. На таком представлении не может быть построена база русского государства. Она может быть основана лишь на равноправии всех русских граждан. Мы должны чувствовать себя не только европейцами, но и азиатами, и одной из важнейших задач русской государственности должно являться сознательное участие в том возрождении Азии – колыбели многих глубочайших и важнейших созданий человеческого духа, которое сейчас нам приходится переживать. И едва ли можно сомневаться, что это возрождение, темп которого все увеличивается, является крупнейшим среди крупных мировых событий, свидетелями которых нам приходится быть. Для нас, убежден Вернадский, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, т. е. возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, – это есть наше возрождение. В этой связи необходимо не только предоставление широкой возможности молодежи Азии (русской и зарубежной) участия в высших школах и научных институтах Европейской России, но мощное развитие соответствующих государственных учреждений в России азиатской, понимая под этим и Закавказье. Мне кажется, продолжает Вернадский, что русская Азия должна быть возможно быстро покрыта государственной сетью высших школ и научных учреждений и что это явится самым могучим и прочным средством выявления скрытой силы нашей государственной организации, и уже с одной этой

точки зрения должно сильно отразиться на нашем мировом положении. В основе наших азиатских научных учреждений должно лежать всестороннее изучение прошлого и настоящего Азии в самых разнообразных их проявлениях, — в области языкознания и истории, археологии, быта, фольклора, литературы, религии, искусства, музыки, экономических и материальных ресурсов. В нашей стране азиатская Россия не только по величине превышает Россию европейскую. Она превышает ее и по потенциальной энергии. По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как это уже давно правильно отметил Д.И. Менделеев, на восток, — должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей Азиатской части, таящей в себе едва затронутые зиждательные силы.¹⁵⁹ Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна смотреть всегда вперед, в будущее. Вернадский убежден, что мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории. Мы являемся государством-континентом, но мы страдаем от того, что в действительности является первоисточником нашей силы. Но и у нас придет время, когда мы будем им пользоваться для трудноисчисляемых удобств жизни. Это время придет тогда, когда наша политика будет определяться волей нас всех, т. е. волей народа. То новое, что дает в быту живущих в нем людей большое по размерам государство, приближается по своему укладу к тому будущему, к которому мы все стремимся, — к мирному мировому сожителству народов. Замечательна мысль Вернадского о том, что огромная сплошная территория

¹⁵⁹ Между прочим, еще в начале 1660-х гг. Юрий Крижанич («талантливый неудачник и идейный человек», по выражению Вернадского [53, с. 157]) утверждал, что в, в экономическом развитии России особая роль принадлежит Сибири, которая «сему царству есть несмерно нарядна и пригодна» [284, с. 52]. Крижанич (задолго до известных высказываний М.В. Ломоносова и Д.И. Менделеева) смог увидеть в фантастических сибирских просторах не только место для ссылки провинившихся или политически неугодных людей, не только бескрайние леса, необходимые для пополнения государевой соболиной казны, или безбрежные степи, где водятся столь любимые царем кречеты, но страну, обладающую удивительной природой и плодородными почвами, богатую «произрастениями земли», где земледелие «в высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается в удобрении навозом», страну, богатую разнообразными ресурсами, с удобными водными и сухопутными путями, страну, населенную народами с самобытной культурой, у которых есть чему поучиться.

России, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться, как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества.

В то же время, предупреждает Вернадский, благодаря разнородности нашей страны и разнообразию ее физико-географических условий в ней сильны и могущественны центробежные силы, грозящие единому, связанному бытию этой сплошной территории. Именно поэтому задача сохранения единства Российского государства – уменьшение центробежных сил в его организации – является одной из наиболее важных задач государственной политики. В целях государственного единства наши стремления должны идти по другому направлению, чем они идут сейчас. Мы должны смело и решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении. Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, изучению родиноведения отдельных областей нашей страны. Все эти стремления должны из области центробежных сил, какими они теперь являются, перейти тем самым в область сил, сливающих государственное единство. Все эти три области научных заданий, которые, как ему кажется, сейчас должны направлять к себе внимание русского политического и общественного деятеля, сознающего то изменение, какое произведено в нашей жизни великим историческим сдвигом, нами переживаемым. Все они требуют создания широких новых научных организаций, мощной поддержки и переустройства старых. Именно поэтому государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед нами задачи. Но мы должны всегда помнить и знать, что дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может. Наука, подобно религии, философии или искусству, представляет собою духовную область человеческого творчества, но своей основе более могучую и более глубокую, более вечную, чем всякие социальные формы человеческой жизни. Она довлеет сама себе. Она свободна и никаких рамок не терпит. Этого нельзя забывать. И если русское общество сумеет направить государственные средства для широкой научной работы в этих областях научных исканий, – организация научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых,

которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается. Задачей является не государственная организация науки, считает Вернадский, а государственная помощь научному творчеству нации. Добиться этого удастся тогда, когда удастся вызвать к жизни волевое сознательное к этому стремление русского общества.

29 декабря 1917 г. на ежегодном торжественном заседании непременный секретарь Российской академии наук С.Ф. Ольденбург заявил, что «Россия стала на край гибели», но даже в «такое беспримерно тяжелое время» Российская академия наук продолжала работать для родины и науки, ибо «если невежественные и затуманенные люди могут теперь отрицать культуру и даже отворачиваться от простой грамотности, как ненужного стеснения, то люди науки не могут не сознавать, что без их работы немислимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование» [191, с. 5].

Петроград. Академия наук

СВОБОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ НАУК

Вскоре после Февральской революции в Петрограде создается «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук». Идея ее создания нашла широкий отклик у общественности и была поддержана рядом научно-просветительских организаций и учреждений Петрограда и Москвы, а также представителями исполнительной и законодательной властей [159, 160].

Первое организационное собрание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» состоялось 28 марта 1917 г. в Женском медицинском институте. Его инициаторами были Максим Горький, академики И.П. Бородин, В.И. Вернадский, А.А. Марков, И.П. Павлов и А.С. Фаминцын, профессора Д.К. Заболотный, Н.М. Книпович и В.Л. Омелянский, доктор медицины И.И. Манухин [220]. Почетным председателем собрания единогласно был избран академик А.А. Марков. Собрание открылось речами М. Горького и академика И.П. Павлова. Затем обсуждался вопрос об учреждении «Свободной ассоциации» и ее задачи. По предложению И.П. Павлова было решено наименовать совокупность научно-просветительских учреждений Ассоциации «Институтом в память 27 февраля 1917 г.». Был также избран Организационный комитет, в состав которого вошли 38 человек (преимущественно академики и профессора), в том числе В.И. Вернадский, М. Горький и В.Г. Короленко¹⁶⁰. Оргкомитету

¹⁶⁰ В своем письме (11 апреля 1917) почетному председателю Организационного собрания «Свободной ассоциации» академику А.А. Маркову Владимир Короленко писал: «Глубокоуважаемый Андрей Андреевич! Внимание, оказанное мне представителями точного знания и выразившееся в избрании меня в члены Комитета «Свободной Ассоциации Положительных Наук», – считаю для себя великой честью. Опасаюсь только, что оно мною не заслужено, так как я ничего не сделал в области точных знаний. Но если настоящие работники в этой области считают, что глубочайшее уважение к роли точных знаний в движении человечества к истине и справедливости, которое, может быть, сказалось в моей литературной работе, является достаточным цензом для избрания скромного писателя в вашу среду, то я принимаю эту честь с великой признательностью. Прошу передать обществу пожелание заслуженного успеха, а Вас лично прошу еще принять выражение моего глубокого уважения. Вл. Короленко. Полтава, Малосадовая, д. № 1» [220, с. 78].

было дано право кооптировать новых членов (позже было избрано еще 16 человек, среди которых А.М. Калмыкова, М.Л. Нобель-Олейникова, графиня С.В. Панина, Г.В. Плеханов, Н.Н. Суханов и др.).

Женский медицинский институт в Петрограде – место проведения первого собрания «Свободной ассоциации»

9 апреля 1917 г. Организационный комитет «Свободной ассоциации» устроил в Петрограде, в Михайловском театре, публичное платное собрание, на котором выступили академик В.А. Стеклов (вступительное слово), М. Горький (с речью «Наука и демократия»), академик И.П. Павлов («Научный институт в память 27 февраля 1917 г.»), доктор медицины И.И. Манухин («Исследовательские институты и научное творчество») и профессор Л.А. Чугаев («Наука в борьбе за существование»), а также были заслушаны приветственные речи профессора А.А. Мануйлова (тогда министр народного просвещения Временного правительства) и Н.Н. Суханова (член Исполнительного комитета Петроградского совета) [220].

16 апреля 1917 г. (также в Петрограде) состоялось – в более обширном зале «Народного дома» – еще одно (по той же программе) публичное собрание «Свободной ассоциации», на котором с

приветственными речами выступили члены Временного правительства А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков и А.И. Шингарев, а также (от Временного комитета Государственной думы) И.Н. Ефремов.

11 мая 1917 г. Организационный комитет «Свободной ассоциации» выехал в Москву, где в Большом театре было устроено третье публичное собрание, с той же, как и два предыдущих собрания, программой, но с добавлением речей бактериолога и эпидемиолога, профессора Д.К. Заболотного («Единство науки и строительство жизни») и известного деятеля русского революционного движения, председателя Русского общества любителей мироведения Н.А. Морозова («Наука и свобода»). Создание Ассоциации приветствовали представители научно-просветительских обществ и учреждений г. Москвы: профессор В.М. Хвостов, президент Московского математического общества Н.Е. Жуковский, известный кристаллограф Г.В. Вульф; с приветственными речами выступили члены Московского совета рабочих и солдатских депутатов П.Г. Смидович и Н.А. Лежнев; от Черноморского флота Ассоциацию приветствовал матрос Александров.

Для пропаганды идеи «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» Организационным комитетом были выработаны следующие тезисы:

«Признавая, что счастье и благоденствие народов существенным образом зависит от высоты и развития положительных наук, ассоциация ставит своим идеалом создать такую свободную и широкую организацию, которая могла бы наиболее полно и ярко проявить творческий гений нации во всех областях точных наук.

1. В основе своей это будет чисто научное учреждение, первая и важнейшая задача которого будет состоять в ученой творческой деятельности, в развитии и усовершенствовании точных наук и их методов.

2. Второй задачей, естественно вытекающей из указанного всеобщего замысла, будет стремление дать или указать практическое применение научных выводов, открытий и изобретений к технике, к промышленности и к нуждам жизни вообще.

3. Третья общая задача, неразрывно связанная с двумя первыми и к ним непосредственно примыкающая, это широкое, но систематическое распространение научных знаний в широких народных массах, преимущественно в виде законченных курсов теоретического и практического характера, и прежде всего в рабочих группах, наиболее в этом нуждающихся.

4. Для выполнения по преимуществу первой, главной, задачи предполагается основать в память 27 февраля 1917 г. Институт положительных наук с хорошо оборудованными исследовательскими отделениями, лабораториями, кабинетами для ученых изысканий и с подобными же учреждениями, а также музеями, библиотеками, аудиториями и т. п. для возможного осуществления двух других задач. При этом для успеха дела предполагается широко привлекать к ученой и

Академик В.А. Стеклов (1863–1926)

просветительской работе молодые ученые силы, надлежащим образом обеспечивая их в материальном отношении» [220, с. 5–6].

26 мая 1917 г. Организационный комитет «Свободной ассоциации» созвал в Большой химической аудитории Петроградского университета учредительное собрание для рассмотрения и утверждения проекта Устава и выбора Совета Ассоциации [220]. На собрании (всего 102 участника) единогласно был принят Устав и избран Совет Ассоциации, в который вошли 50 человек (преимущественно академики и

профессора, а также М. Горький, В.Г. Короленко, Л.Б. Красин). Академик Вернадский был избран членом Совета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук».

30 мая 1917 г. в Петроградском университете состоялось первое собрание членов Совета, на котором были избраны: Председатель Совета – академик В.А. Стеклов, товарищи председателя – М. Горький и профессор Д.К. Заболотный, секретари Совета – профессора А.А. Петровский и В.А. Догель. Было также избрано Правление Ассоциации (исполнительный орган Совета) в составе: председатель – профессор А.А. Иванов, товарищ председателя – профессор Н.М. Книпович, секретарь – профессор Ю.А. Филипченко, казначей – инженер-технолог Б.А. Гордон и пять членов: М. Горький, профессор С.П. Костычев, доктор медицины И.И. Манухин, профессор Л.А. Чугаев и преподаватель Политехнического института Э.Р. Ульман. В состав Хозяйственного

комитета вошли: Ю.А. Брежнев, Б.А. Гордон, Э.К. Грубе, Л.Б. Красин, Э.Л. Нобель и Э.Р. Ульман. Вскоре был издан Устав «Свободной ассоциации» [259], согласно которому, ее главные задачи заключаются в разработке и развитии положительных наук и их методов, в распространении их в широких слоях населения и применении их к запросам практической жизни.

*Максим Горький за рабочим столом.
Фотография Я. Штейнберга. 1917 г.*

На этом же собрании Совет Ассоциации обратился к обществу с воззванием, написанным Максимом Горьким, содержащим призыв поддерживать культурные начинания «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук».

30 мая 1917 г. это воззвание было опубликовано в газете «Новая жизнь»¹⁶¹:

«Граждане!

В Петрограде организовалась “Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук”.

В состав Ассоциации вошли заслуженные и талантливые представители русской науки. Эти почтенные люди

предлагают устроить в России “Научный институт в память 27 февраля”, – в память дня рождения нашей политической свободы.

Цель института – расширение и углубление работы ученых по всем линиям интересов человека, общества – народа, человечества.

Первейший из этих интересов – борьба за жизнь против тех болезнетворных начал, которые разрушают наше здоровье.

¹⁶¹ «Новая жизнь» – ежедневная общественно-литературная социал-демократическая газета, выходившая (с перерывами) в 1917–1918. в Петрограде. Редактором газеты был Максим Горький. Первый номер газеты вышел 18 апреля 1917, последний – 16 июля 1918.

Явление жизни изучает биология, бактериология исследует источники заразных болезней, медицина стремится уничтожить их, гигиена изучает и указывает те условия, при которых человек становится более стойким в сопротивлении болезням.

Биолог, медик, гигиенист должны знать химию, пользоваться услугами физики, точно так же как должен знать эти науки ботаник, изучающий жизнь растений, и агроном, который, опираясь на работу ботаника и геолога-почвововеда, заботится о том, чтобы усилить плодородие земли, увеличить ее урожайность.

Все науки тесно связаны одна с другой, и все они – стремление человеческого разума и воли к победе над горем, несчастьем, страданиями нашей жизни.

Граждане!

Наше крестьянство живет в ужасных условиях, не имея правильно организованной медицинской помощи. Половина всех крестьянских детей умирает от разных болезней до пятилетнего возраста. Почти все женщины в деревне страдают специальными женскими болезнями. Деревня гниет в сифилисе, деревня погрязла в нищете, невежестве и одиночании. Русский крестьянин не имеет сил обрабатывать землю так, чтобы она давала ему все возможное количество продуктов. Десять лет тому назад наука указала, что с площади в $\frac{3}{4}$ десятины наш крестьянин снимает хлеба и картофеля 20 пуд[ов], тогда как в Японии эта площадь дает 82 пуд[а], в Англии – 84, в Бельгии – 88. За десять лет эти цифры не изменились к лучшему для нас¹⁶².

Сельскохозяйственная техника совершенно не развита в России, безграмотность крестьянства, его культурная беспомощность – это главная причина нашей государственной отсталости и одно из печальных условий, которым объясняется наша внешняя политика, вредная для интересов промышленности, замедляющая ее правильное развитие.

Городское население находится в условиях немногим лучших, чем условия деревни. В городах нет канализации, в фабричных трубах – дымогаров, земля в городах отравлена заразой гниющих отходов, воздух – дымом и пылью.

Все это, преждевременно истощая наши силы, убивает нас. Дети города нездоровы, худосочны и до болезненности нервно возбуждены.

¹⁶² См. статьи В.И. Вернадского «Аграрная проблема и научная исследовательская работа» [35] и «Увеличение производительности труда» [44].

В этом скрыта причина хулиганства, здесь источник преступности и духовного нездоровья.

Вспомните, как долго мы отравлялись водкой, – пьянство не проходит бесследно: ослабляя организм, оно делает его восприимчивым ко всем телесным и душевным заболеваниям.

В целях оздоровления нашего необходим “Институт Биологии” с подсобными ему учреждениями для бактериологических, медицинских, гигиенических и других исследований.

Наша страна велика, обильна естественными богатствами, но мы живем грязно и несчастно, как нищие. Наши силы истощает, забывая нас, каторжный и бестолковый труд: мы работаем бестолково и плохо, потому что мы невежественны. Мы относимся к труду так, точно он проклятие нашей жизни, потому что не понимаем великого смысла труда, не можем любить его. Облегчить условия труда, уменьшить его количество, сделать труд легким и приятным возможно только при помощи науки, единственной силы, способной уменьшить трату физической энергии человека путем подчинения его воле, его интересам стихийных энергий природы – падения воды и т. д. Мы не умеем разбудить дремлющие силы природы в виде торфяных болот, залежей горючего сланца, дешевого угля. Эти силы, разбуженные нами, дали бы нам массу движущей силы, тепла, света и послужили бы проводниками культуры по всей нашей темной, сонной стране.

Только в любви к труду мы достигнем великой цели жизни – слияния всех народов мира в единую дружную семью на почве стремлений, направленных к порабощению сил природы разуму и воле человека.

Велика и обильна Россия, но ее промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы, в земле и на земле нашей, – мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно-культурные страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбыть всякий товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы – дикари, бестолковые люди, грабить которых, так же как негров, не считается зазорным.

Технически развитая промышленность – основа социального и государственного благополучия.

Это особенно важно помнить теперь, когда наша слабая промышленность, разрушенная войною, продолжает разрушаться стихийными

силами революции, трагическим невежеством народных масс и эгоизмом самих предпринимателей, часто людей, совершенно лишенных сознания своей ответственности перед страной.

На почве нищеты и невежества никогда не осуществляются наши прекрасные мечты, на этой гнилой почве не привьется новая культура, на гнилом болоте не разведешь райский сад – нужно осушить, оздоровить болото.

Полное осуществление идеалов социалистической культуры возможно только при наличии всесторонне технически развитой и строго организованной промышленности.

Для того, чтобы промышленность достигла должного и необходимого развития, требуется техника, технику же может создать только наука. Мы не умеем строить машин: нам необходимо иметь в России “Институт прикладной механики”, где наши ученые изобретали бы новые типы наиболее работоспособных ткацких станков, двигателей сельскохозяйственных орудий и т.д.

Мы не умеем обрабатывать сырые продукты – нужно учредить “Институт Химии”¹⁶³, в котором ученые изыскивали бы лучшие и дешевые способы обработки сырья.

Нам нужно еще многое – все это мы должны создать, если только мы не мертвые люди, если мы хотим жить здоровой, разумной жизнью.

Наука – наиболее точное и настойчивое выражение стремления человеческого разума к свободе творчества, к счастью всего мира, всех людей.

Чем шире, глубже задачи науки – тем обильнее практические плоды ее исследования.

Нам, русским, особенно необходимо организовать наш высший разум – науку, только ее творческая сила обогатит нашу страну, упорядочит нашу грязную, злую, постыдную жизнь.

Облагораживающее человека значение науки должны понять все классы общества.

Борьба между людьми за хлеб и за власть друг над другом – явление позорное и ненормальное, хотя оно и естественно, как естественны болезни нашего тела. Люди должны дружно бороться с природой,

¹⁶³ Предложения Горького об организации «Института биологии», «Института прикладной механики», «Института химии» всецело отвечают идеи Вернадского о создании в России государственной сети исследовательских институтов [42].

дабы отвоевать на пользу себе ее богатства, подчинить своим интересам ее силы.

В то время как общественные науки – история, право, политическая экономия – не свободны от влияния времени, страны, класса и легко подчиняются тем или иным внушениям политической жизни – науки положительные неподкупно и нераздельно служат интересам всего человечества.

Химик, биолог может принимать живейшее участие в политической борьбе за свои общественные идеи, но химия, биология, механика не может быть ни либеральной, ни консервативной. Наука социальна в самом широком смысле этого слова, наука воистину интернациональна, всечеловечна¹⁶⁴.

Глубоко веря в разум русского народа, в искренность его стремления к благу культуры, я обращаюсь к рабочим, крестьянам, промышленникам, интеллигенции, – ко всем русским людям, предлагая им помочь великому делу организации научных сил страны, организации научного творчества.

Для того, чтобы это важное всенародное дело увенчалось успехом, потребны огромные средства, и они будут, их легко создать, если все люди, способные усвоить величие цели, которую ставит перед собой Свободная Ассоциация ученых, все грамотные люди дадут на это дело хотя бы по рублю.

Этот призыв – проверка степени русской культурности, это экзамен нашей гражданской зрелости, испытание искренности нашего стремления ко благу родины.

Граждане!

Пред вами – возможность совершить величайшее всенародное дело, совершив его, вы организуете лучший мозг страны, вы приставите на ее широкие плечи разумную, талантливую голову. Немного усилий требуется от вас, но немногими усилиями вы совершите небывалое – создадите научное учреждение, какого нет еще нигде на земле.

Граждане!

Есть чувство, именуемое – любовь к родине. Это чувство повелительно требует от каждого человека работы в тех целях, чтобы родной ему народ стал разумным, добрым, здоровым и справедливым

¹⁶⁴ Мысль, которую не раз высказывал и В.И. Вернадский.

народом, чтобы его талантливость не погибла, а развивалась и горела на благо всего мира, всех людей.

Все, кто искренно любит народ, кто мучительно страдает за него, – поймут, как велико значение организации научных сил страны, как величественны цели, которые ставит перед собой Свободная Ассоциация наших ученых.

Нам необходимо немедленно приступить к созданию новой России, – начнем же эту работу дружно и спокойно, начнем ее с фундамента, будем развивать и распространять спасительную силу знания.

За работу, граждане.

Член Совета Свободной Ассоциации М. Горький» [85].

Много лет спустя, в июне 1941 г., находясь в Узком, Вернадский в «Хронологии 1917 года» вспомнил о совещании, которое было созвано весной 1917 г. для «образования *“Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук”*». Она должна была организовать в России научно-просветительские институты и популяризировать научные и технические знания в рабочей среде. Помню выступление Горького, <нрзб>. В общем это было учреждение *общественности, аналогичное КЕПС* у. Я помню, что на меня это выступление <Горького – Е.Я.> произвело большое впечатление. В первый раз видел Горького. Деятели КЕПС`а приняли здесь большое участие»¹⁶⁵.

Действительно, не исключено, что именно в это время Вернадский лично познакомился с Горьким (впрочем, можно сказать и так – Горький лично познакомился с Вернадским). Надо заметить, что сведений о прямых контактах Горького и Вернадского, к сожалению, немного. Тем не менее известно, что с литературным творчеством Максима Горького Вернадский познакомился в конце 1890-х гг. Так, находясь в Боровом, он записал в дневнике: «Из дневника начала 1898–1901 <гг.> вижу, что я уже тогда ценил мелкие рассказы <Горького>, «На дне» (видел в театре) [66, с. 223]. Любопытна запись Вернадского в дневнике, сделанная 13 сентября 1919 г. после посещения им рынка в Ростове-на-Дону, куда он ходил «чинить сапоги. Специальность новая: чинят здесь же, ждешь, пока починят. Можно наблюдать мир своеобразный, вроде Горького: мелкой наживы, своеобразного юмора и интенсивного не первосортного труда» [56, с. 152].

Первое упоминание Максимом Горьким имени Вернадского (причем в довольно резкой форме), судя по всему, относится к середине

¹⁶⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 4.

марта 1908 г. в письме к известному революционному деятелю (а также философу, экономисту, социологу, писателю, врачу) А.А. Богданову (1873–1928), которому Горький предлагает «обсудить план отпора той массе всякой струвеобразной¹⁶⁶ сволочи, коя ныне упорно лезет на командующие высотами позиции. Вы смотрите – мы только собираемся выпускать литературно-критические сборники, а они уже организовали их! В марте выходит сборник “Зарницы”¹⁶⁷ под редакцией Д. Шаховского, Гредескула и прочих кадет, с политическими статьями Вернадского, Кокошкина, со статьей Карташева “Современные религиозные искания” и Овсяннико-Куликовского “Горизонты будущего и грани прошлого”. Не дремлют людишки! Рядом с этим отовсюду получаю вести о их походе на завоевание пролетария, о их работе в народных университетах, проповедают они разные премудрые пакости и, понемножку, развращают аудиторию, жаждущую истины. Они имеют успех, мне кажется» [88, с. 205].

Известно также, что 23 февраля 1915 г. Вернадский получил приглашение следующего содержания: ««Леонид Андреев, Максим Горький и Федор Сологуб просят Вас пожаловать завтра, 23 с. м. в 8 1/2 час. вечера, на доклад П.Н. Малянтовича¹⁶⁸ “Русский вопрос о евреях”,

¹⁶⁶ От фамилии «Струве». Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – общественный и политический деятель, редактор газет и журналов, экономист, публицист, историк, социолог, философ, известный деятель конституционно-демократической партии.

¹⁶⁷ «Зарницы» – первый сборник литературы «кадетской ориентации»; вышел в Петербурге в 1908. В сборнике были опубликованы рассказы А. Куприна, В. Тана и др., стихотворения И. Бунина. Н. Морозова и др., публицистические статьи А. Карташева, И. Петрункевича, Ф. Кокошкина, Д. Шаховского и др. Статьи Вернадского в этом сборнике нет [110].

¹⁶⁸ Малянтович Павел Николаевич (1869–1940) – адвокат, политический деятель. Министр юстиции Временного правительства (1917, сентябрь–октябрь). С августа 1918 жил в Пятигорске, затем в Екатеринодаре. С сентября 1921 в Москве, юрисконсульт в Президиуме ВСНХ. Одновременно с 1922 член инициативной группы, которая готовила проект Положения о советской адвокатуре, член Всероссийской коллегии адвокатов 1-го состава. Осенью 1930 арестован по делу «Союзного бюро» РСДРП, в мае 1931 освобожден. Вновь арестован в ноябре 1937 по обвинениям в организации антисоветского «заговора адвокатов» и санкционировании ареста В.И. Ленина в 1917, в течение двух лет подвергался допросам и пыткам. Виновным себя не признал. 21 января 1940 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания, расстрелян. В 1959 реабилитирован по первому обвинению, амнистирован по второму.

который состоится у Ф.К. Сологуба (Разъезжая, д. № 31). Повесток просят с собою *не* приносить» [174]. Автор цитируемой работы высказывает предположение, что, видимо, с этого времени между Горьким и Вернадским устанавливаются достаточно тесные отношения. Однако, судя по всему, Вернадского на указанном докладе не было и с Горьким он не общался, поскольку, по словам самого Вернадского, как уже отмечено выше, Горького в первый раз он увидел («вживую») на совещании, созванном весной 1917 г. для образования «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук».

24 марта 1917 г. Горький пишет К.А. Тимирязеву о планах создания «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» и сообщает, что 28 марта в помещении Женского медицинского института состоится первое собрание Ассоциации, на котором выступят Горький, И.П. Павлов и В.И. Вернадский [148, с. 23], а после 28 марта ему же сообщает, что 9 апреля в Михайловском театре состоится публичное заседание «Свободной ассоциации», на котором выступят И.П. Павлов, В.И. Вернадский и др. [148, с. 25].

Надо отметить, что со временем научная деятельность Вернадского стала привлекать внимание А.М. Горького, сумевшего оценить значимость новой науки «геохимии» и масштаб учений о биосфере и живом веществе. Горький, в частности, так писал о Вернадском: «Замечательный русский ученый Вернадский талантливо и твердо устанавливает новую гипотезу, доказывая, что плодородная почва на каменной и металлической планете нашей создана из элементов органических, из живого вещества. Это вещество на протяжении неисчислимого времени разъедало и разрушало твердую, бесплотную поверхность планеты, вот так же, как до сего дня лишай-“камнеломки” и некоторые другие растения разрушают горные породы. Растения и бактерии не только разрыхлили твердую кору Земли, но ими создана и атмосфера, в которой мы живем, которой дышим. Кислород – продукт деятельности бактериорастений. Плодородная почва, из которой мы добываем хлеб, образована неисчислимым количеством плоти насекомых, птиц, животных, листвою деревьев и лепестками цветов. Миллиарды людей удобрили Землю своей плотью – поистине, это – наша Земля» [87, с. 232]¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Вернадский знал об этом отзыве, о чем свидетельствует его запись в «Хронологии 1926 г.» [61, с. 14].

В Архиве Максима Горького сохранилась, датированная 5 января 1926 г., записка своему секретарю: «Достать изданную в Ленинграде брошюру Вернадского о гео-био-химии», [61, с. 108]. 5 февраля 1926 г. Горький обратился непосредственно в издательство «Время»: «Не найдется ли по экземпляру распроданных брошюр Вернадского, Ферсмана,¹⁷⁰ <...>?» [156, с. 26]. 15 февраля 1926 г. книга Вернадского «Начало и вечность жизни» поступила Горькому из издательства «Время» [148, с. 450]. Упомянутые книги Ферсмана Горький также получил из издательства «Время».

В письме (15 марта 1926 г.) к известному издателю и публицисту Д.А. Лутохину Горький сообщает: «Интересно работает “Время” <...>. Выпустили <...> ряд интереснейших брошюр Ферсмана, Вернадского и др.» [156, с. 22]. В письме от 8 июля 1926 г. Горький пишет литератору С.Т. Григорьеву по поводу одной из его книг: «”Гибель Британии” весьма понравилась и удивила меня густотою ее насыщенности, ее *русской* фантастикой, остроумием. Пожалел, что Вы не использовали “Геохимию” В.И. Вернадского, его гипотеза открывает широчайший простор воображению художника» [150, с. 139]. В феврале 1928 г. в письме из Сорренто Горький сожалеет, что «изданная во Франции “Геохимия” профессора Вернадского не опубликована в Союзе Советов» [86, с. 33]. Он тогда не знал о выходе в 1927 г. указанной книги на русском языке¹⁷¹. В письме (от 8 октября 1928 г.) к ответственному секретарю журнала «Наши достижения» С.Б. Урицкому Горький отметил: «Геохимия – новая наука, основы которой положены *нашими* учеными так же, как в свое время *основы почвоведения* были установлены Докучаевым. По этому вопросу надобно обратиться к Вернадскому, просить, чтобы он рассказал о *практическом* значении этой новой науки» [157, с. 138]. На полях письма (от 4 декабря 1928 г.) руководителя Отдела науки того же журнала Н.К. Кольцова, утверждавшего что русские ученые писать не умеют, Горький – как бы в ответ на это утверждение – сделал замечание, что многие русские ученые прекрасно пишут, называя среди других и Вернадского [157, с. 132]. В письме (от 3 июля 1931 г.) журналисту и (в 1930–1935 гг.) личному

¹⁷⁰ В издательстве «Время» были изданы книжки Вернадского «Начало и вечность жизни» [48] и «Химический состав живого вещества в связи с химией земной коры» [49], Ферсмана «Время» [263] и «Химия мироздания» [264].

¹⁷¹ Экземпляр «Очерков геохимии» 1927 г. с пометами Горького хранится в его личной библиотеке в Москве [151, № 7791].

секретарю И.В. Мичурина А.Н. Бахареву Горький советовал: «Очень рекомендую “для вдохновения” “Геохимию” Вернадского» [89, с. 216].

30 января 1933 г. в письме из Сорренто Горький рекомендует М.Е. Кольцову (возглавлявшему тогда издательство «Журнально-газетное объединение», выпускавшего серию «Жизнь замечательных людей»): «Не помню, писал ли я Вам о необходимости дать биографию почвовед-а Докучаева как человека, работа которого повела к созданию Вернадским геохимии, новой научной дисциплины» [157, с. 244]. Отвечая (3 июля 1934 г.) К.И. Чуковскому по поводу задуманного им фантастического романа, Горький советует ему обратиться к трудам Вернадского. «А по вопросу о нашей атмосфере Вы найдете, пожалуй, интереснейшие намеки в “Геохимии” Вернадского» [89, с. 353–354].

2 мая 1933 г. Вернадский обратился к Горькому за помощью в получении разрешения на выезд за границу для работы в иностранных библиотеках. В письме он писал: «Не знаю, помните ли Вы наше старое знакомство-встречи. Последний раз мне пришлось Вам писать в связи с трагической кончиной моего дорогого друга М.М. Тихвинского¹⁷². Я знаю, что Вы тогда оказались, к несчастью, бессильны. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой по личному делу, которое однако для меня далеко выходит за эти пределы, т[ак] к[ак] дело идет о возможности закончить научную мою работу, которой я придаю большое,

¹⁷² Тихвинский Михаил Михайлович (1868–1921) – инженер-химик. Окончил Петербургский технологический институт (1890), работал там же, затем в Киевском политехническом институте (с 1900 – профессор). С 1912 – главный химик «Товарищества братьев Нобель» в Петербурге. В 1895–1920 читал лекции по технологии нефти и по проектированию нефтеперерабатывающих предприятий на кафедре технологии нефтехимических и углехимических производств Петербургского государственного технологического института. В период Первой мировой войны под его руководством был спроектирован и построен нефтеперерабатывающий завод (завод Нобеля в Баку). Автор (1914) способа извлечения нефти из скважин при помощи сжатого газа – газлифта. Этот способ, более совершенный, чем компрессорный с помощью сжатого воздуха (эрлифт), впервые был применен на бакинских промыслах. После 1917 управляющий лабораториями отдела Главного нефтяного комитета ВСНХ, член Сапропелевого комитета АН, профессор Технологического и Горного институтов. В июле 1921 арестован по «делу Таганцева». Пятьдесят девять человек (в том числе В.Н. Таганцев, Н.С. Гумилев, Н.И. Лазаревский, М.М. Тихвинский, С.А. Ухтомский, В.М. Козловский) расстреляны в промежутке между 24 и 31 августа 1921. Реабилитирован в 1991. Очевидно, что в июле-августе 1921 г. Вернадский и обращался за помощью к Горькому в связи с арестом М.М. Тихвинского.

непреходящее значение. Конечно, это мое убеждение может быть ошибочным, но для меня это такое мое убеждение, такая уверенность, которая не может быть поколеблена чисто формальной логической поправкой, что все люди ошибались и ошибаются в оценке своей дорогой им мысли и работы. <...> Мне больше 70 лет, я не могу откладывать и должен закончить свою книгу “Геохимическая энергия жизни в земной коре”. <...> Моя просьба к Вам переговорить об этом с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым и помочь добиться исполнения данного мне обещания правительства. Если нужно, я готов писать лично Сталину. Известите» [174, с. 19–20].

В 1942 г., находясь в Боровом, Вернадский увлекся произведениями Горького. Так, 15 марта он записал в дневнике, что прочитал «Мать» Горького и отметил, что особенно увлекся его творчеством несколько лет назад (судя по всему, после смерти Горького в 1936 г.): «...настоящим образом я несколько лет тому назад в Узком прочитал его “Мои университеты”, о Л. Толстом, 1-й том его биографии Груздева и т[ак] д[алее]. Сейчас читаю одното[м]ные “Избр[анные] соч[инения]”. <В> романе, как “Фома Гордеев”, – конец и теперь меня не удовлетворяет. “Мать” – очень интересно, особенно теперь» [66, с. 223]. 22 марта 1942 г. отметит в дневнике, что «читал эти дни Горького – “Детство”, “В людях” – впервые» [66, с. 225].

К сожалению, последующие (после октября 1917 г.) события не позволили осуществиться планам «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук»¹⁷³, хотя формально она просуществовала почти до конца 1918 г.

Делопроизводственные материалы и переписка по организационным вопросам «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹⁷⁴.

¹⁷³ Идея создания которой, по выражению И.И. Манухина, – есть «пленительная мечта» [257, с. 53].

¹⁷⁴ СПФ АРАН. Фонд 167. Опись 1.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ КОМИТЕТ

Академик Вернадский на склоне своих лет вспоминал: «Вдумываясь теперь в принципы геохимии и биогеохимии <...> я вижу, что их исторические корни реально исходят для меня из трех моих переживаний.

Первое было в 1908 г. Я был тогда в Дублине, в Ирландии <...>, на заседании Британской ассоциации наук <...>. Д. Джоли, профессор физики и минералогии Дублинского университета, прочел доклад о геологическом значении урана – дал первую сводку по радиогеологии. Я <...> сразу оценил значение его работ. <...>

Второе переживание, из которого мне приходится исходить, это выяснившаяся для меня и для всей страны в 1915 г. полная неподготовленность нашего царского правительства к обороне страны и к пониманию государственного значения в этом аспекте ее естественных ресурсов. В записке, поданной мною в Академию наук и принятой Академией к исполнению в мае 1915 г., выяснялась необходимость спешного привлечения ученых к исследованию производительных сил нашей страны <...>. Результатом работы этой комиссии – *Комиссии по изучению естественных производительных сил* – КЕПС'а, быстро развернувшейся и привлечшей к работе Академии сотни лиц, раньше ей чуждых, было издание ряда томов по изучению производительных сил России, давших огромный материал для геохимии. Впервые в работу Академии вошли в значительном количестве врачи, инженеры, техники – люди, интересующиеся прикладной наукой. <...>

Третьим переживанием для меня явилось председательство в Ученом Совете при Министерстве земледелия, во главе которого стоял до меня академик Б.Б. Голицын¹⁷⁵ <...>. При Совете был ряд научных учреждений, некоторые из которых были прекрасно оборудованы и во главе их стояли крупные специалисты: по агротехнике, прикладной энтомологии, сельскохозяйственной механике, земледелию и пр. Создателем этой замечательной организации был не Б.Б.

¹⁷⁵ Вернадский запомнил: он сменил не Б.Б. Голицына, а С.М. Богданова. Академик Голицын (1862–1916) возглавлял Ученый комитет с 1907 по 4 мая 1916, затем председателем Комитета с ноября 1916 по март 1917 был Богданов (1859–1920), а после него – с 10 июня по ноябрь 1917 – уже Вернадский.

Голицын¹⁷⁶. Им был один из больших государственных деятелей, который не мог в то время развиваться во всей своей силе – В.И. Ковалевский¹⁷⁷, заместитель председателя Совета. <...> Им был дан план, им

Князь Б.Б. Голицын, 1916 г.

был создан подбор выдающихся людей – А. Регель, А.А. Ячевский, Д. Арцыбашев, Е.Ф. Лискун и др. При знакомстве с этими учреждениями и людьми, во главе их стоящими, для меня открылся новый мир. Я убедился, что в основе геологии лежит химический элемент – атом, и что в окружающей нас природе – в биосфере – живые организмы играют первостепенную, может быть ведущую, роль. Исходя из этих идей создавалась у нас и геохимия, и биогеохимия» [62, с. 371–372].

В Российской империи вопросами управления государственными земельными имуществами и землеустройства в разное время занимались следующие структуры.

26 декабря 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ «для высшего и общего по всему государству ведомства дел, относящихся к управлению государственными имуществами, к попечительству над государственными крестьянами всех наименований, свободными хлебопашцами, иностранными поселенцами и кочующими народами, а также и принадлежащих вообще к усовершенствованию и распространению сельского хозяйства» [232, с. 4]. 21 марта 1894 г. Министерство государственных имуществ было переименовано в Министерство земледелия и

¹⁷⁶ Надо отметить, что благодаря организационным усилиям академика Голицына бюджетные ассигнования на Ученый комитет существенно увеличились, что позволило заметно активизировать его деятельность. Именно Голицын, по мнению Вернадского, больше других входил в изучение физических вопросов, связанных с изучением природы России и ее естественных производительных сил [33].

¹⁷⁷ С 20 марта 1920 по июль 1922 – председатель Сельскохозяйственного ученого комитета Наркомзема.

государственных имуществ¹⁷⁸, главными предметами ведения которого стали: «1) попечение о распространении и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства, 2) попечение о развитии кустарных промыслов сельского хозяйства, 3) распоряжение капиталами для поощрения сельской промышленности,

С.М. Богданов (1859–1920)

4) заведование рыбными и звериными промыслами, 5) содействие торговле продуктами сельскохозяйственной промышленности и 6) заведывание сельскохозяйственными учебными заведениями, опытными станциями, фермами, казенными садами и т. п.» [232, с. 16]. Затем, 6 июня 1905 г., Министерство земледелия и государственных имуществ переименуется в Главное управление землеустройства и земледелия [77], которое 26 октября 1915 г. становится Министерством земледелия, о чем 31 октября 1915 г. сообщила ведомственная «Земледельческая газета», опубликовав Именной Высочайший указ Правительствующему сенату, в котором сказано:

«Ввиду значительного за последние годы расширения круга деятельности Главного управления землеустройства и земледелия, повелеваем: означенное Главное управление именовать впредь Министерством земледелия, с соответствующим переименованием всех учреждений и чинов сего ведомства»¹⁷⁹.

В 1917 г. Министерство земледелия возглавляли: до 28 февраля А.А. Рихтер, с 2 марта по 5 мая – А.И. Шингарев, с 5 мая по 28 августа – В.М. Чернов, с 28 августа по 3 октября – П.А. Вихляев, с 3 октября по 24 октября – С.Л. Маслов; товарищами(заместителями) министра были: В.В. Неверов (в начале 1917 г.), Н.В. Грудистов (до 4 июня), Н.К.

¹⁷⁸ 21 марта 1894 «Высочайше утвержденное учреждение Министерства земледелия и государственных имуществ» [199, № 10457, с. 141]. «Ученый комитет учреждается для обсуждения и разработки научных и технических вопросов по сельскому хозяйству» [199, № 10457, с. 146].

¹⁷⁹ Земледельческая газета, 1915, 31 октября, № 44 (108), с. 1.

Волков (с 20 марта по 10 августа), В.Н. Зельгейм (с 20 марта по 26 мая), А.Г. Хрущов (с 15 марта по 26 мая), П.А. Вихляев (с 9 мая по 24 октября), Н.И. Фалеев (с 5 июня по 24 октября), А.В. Чаянов (с 11 октября по 24 октября); 26 октября 1917 г. Министерство земледелия было упразднено, а его структурные подразделения, включая Сельскохозяй-

В.И. Ковалевский (1848–1934)

ственный ученый комитет, перешли в ведение Народного комиссариата земледелия РСФСР [77]¹⁸⁰.

Главным органом по научно-учебным вопросам сельского хозяйства в структуре указанных выше государственных учреждений являлся Ученый комитет (образован 26 декабря 1837 г. при Министерстве государственных имуществ), на который возлагалось обсуждение и рассмотрение всех предложений по улучшению сельскохозяйственной промышленности. Он формировался из

¹⁸⁰ В 1922 СЗУК Наркомзема был преобразован в многоотраслевой Государственный институт опытной агрономии (ГИОА Наркомзема РСФСР) – крупное научно-исследовательское учреждение комплексного характера, которое включило почти все отделы и бюро бывшего СХУК и взяло на себя научное обслуживание практически всех отраслей сельского и лесного хозяйства. Его директором в 1923 стал Н.И. Вавилов [233]. (Вернадский был членом-специалистом Совета указанного института.) Институт находился в ведении Народного комиссариата земледелия и в 1924 г. состоял из следующих отделов: 1) почвоведения, 2) прикладной ботаники и селекции с подотделами плодоводства и огородничества, 3) прикладной энтомологии, 4) микологии и фитопатологии, 5) зоотехнии, 6) прикладной ихтиологии и научно-промысловых исследований, 7) сельскохозяйственного машиноведения, 8) лесного, 9) сельскохозяйственной микробиологии, 10) Главной библиотеки (свыше 300 тыс. томов).; Институт издавал «Журнал опытной агрономии» и «Известия института», отделы издавали специальные журналы [202]. В 1929 этот Институт послужил основой для создания Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина, а на основе его отделов организован ряд (более 10) сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов ВАСХНИЛ [81].

специалистов, назначавшихся Императором по представлению министра. До 1867 г. Ученый комитет состоял при Департаменте сельского хозяйства, затем – при Департаменте общих дел, с 1894 г. – непосредственно при Министерстве (Главном управлении). В 1894 г. было решено дать Ученому комитету «такую организацию, при которой все стороны сельскохозяйственного знания имели бы в нем своих авторитетных представителей. Комитету поручено было обсуждение вопросов по научным изысканиям и опытам в области сельского хозяйства и по устройству опытных станций, лабораторий, полей; изыскание мер против фальсификации питательных и кормовых продуктов, семян и удобрительных веществ; разработка положений и уставов учебных заведений; рассмотрение отчетов о деятельности различных установлений Министерства, имеющих научно-практический характер и т. п.» [232, с. 17]. При Комитете стали создаваться – в качестве центральных научно-опытных учреждений – специальные бюро, которых к 1912 г. насчитывалось десять [232]:

- по энтомологии, создано в 1894 г.,
- по зоотехнии, 1894 г.,
- по земледелию и почвоведению, 1895 г.
- по метеорологии, 1896 г. (с 1898 г. наблюдения велись примерно на 300 «сельскохозяйственных метеорологических станциях»),
- по промысловой зоологии и рыбоводству, 1899 г.,
- по прикладной ботанике, 1902 г.,
- по микологии и фитопатологии, 1907 г.,
- по сельскохозяйственной механике, 1907 г.,
- по частному растениеводству, 1911 г.,
- учебное, которое стояло несколько отдельно от научно-опытных учреждений и других бюро; его задачей являлось разрешение вопросов по организации и учреждению сельскохозяйственных учебных заведений, выработке уставов и программ сельскохозяйственных учебных заведений и т. п.¹⁸¹

В 1896 г. при Ученом комитете была организована Постоянная комиссия по сельскохозяйственному опытному делу [234]. Ее главной задачей являлась выработка общих оснований устройства казенных опытных учреждений и помощь в субсидировании учреждений, устраиваемых земствами и сельскохозяйственными обществами.

¹⁸¹ Как подчеркнул Н. Недокучаев [166, с. 5], «начиная с реформы 1894 г., история Ученого комитета есть история его отдельных бюро».

Результатом этих работ явилось Высочайшее утверждение в 1901 г. «Положения о сельскохозяйственных опытных учреждениях» [200]. Если в России на 1 января 1910 г. было зарегистрировано 110 опытных учреждений, то к началу 1913 г. их насчитывалось уже 194.

Петербург. Министерство земледелия. Старая открытка.

В середине 1890-х годов в Министерстве земледелия и государственных имуществ стали рассматриваться проекты создания специального научного центра – сельскохозяйственного исследовательского института (с подчинением ему Ученого комитета). К октябрю 1910 г. был разработан и представлен на рассмотрение законодательным органам законопроект реформирования ведомства земледелия, согласно которому Главное управление землеустройства и земледелия преобразовывалось в Министерство земледелия, а Ученый комитет – в Сельскохозяйственный ученый комитет (СХУК) с приданием ему всех руководящих функций; при СХУК создавался Институт опытной агрономии с отделами по отраслям аграрной науки, однако лишь в конце 1916 г. реформа министерства была утверждена законодательным

собранием и получила высочайшее одобрение; проект создания СХУК также получил силу закона, но так и остался на бумаге [104, 182]. Реорганизация Ученого комитета и его преобразование в Сельскохозяйственный ученый комитет были осуществлены в 1917 г.

«Земледельческая газета» Министерства земледелия, выходила в Петербурге в 1834–1905, 1913–1917 гг., сначала дважды в неделю, с 1860 г. – еженедельно

9 июня 1917 г. В.И. Вернадский написал А.Е. Ферсману: «Должно быть, возьму на себя обязанности Голицына в Ученом комитете¹⁸². Может быть – в связи с Комиссией¹⁸³ и аграрным вопросом. Долго колебался, но сейчас решаюсь. Будет деятельность, совместная с Комиссией. <...> В Ученом комитете, может быть, должна быть развернута большая государственная организация исследовательского дела, и эта работа в связи с общим планом должна быть принята во внимание при проведении <аграрной> реформы» [196, с. 91].

¹⁸² Задачей которого является «организация государственной ученой работы в области земледелия и смежных с ним областях естествознания» (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 66. Л. 6).

¹⁸³ Имеется в виду КЕПС.

Судя по всему, примерно в это же время Вернадский получил письмо из Ученого комитета, подписанное Д. Арцыбашевым¹⁸⁴, в котором последний писал: «Милостивый Государь, Владимир Иванович. По Вашей просьбе посылаю Вам 1) Законопроект о преобразовании Ученого комитета Министерства земледелия в Сельскохозяйственный ученый комитет с Институтом опытной агрономии и 2) Краткий законопроект, предположенный к внесению в настоящее время в Временное правительство вместо основного законопроекта, 3) План работ всех Бюро на ближайшие годы и 4) План работ бюро по сельскохозяйственной механике. Прошу Вас верить моему уважению и искренней преданности. Дм. Арцыбашев»¹⁸⁵.

На следующий день, 10 июня¹⁸⁶, Вернадский был избран председателем Ученого комитета, а 18 июля 1917 г. на заседании Временного правительства принято решение: «Утвердить, согласно избранию, профессора Московского университета, ординарного академика, председателя Особой при Академии наук комиссии по изучению производительных сил России, доктора минералогии и геогнозии Владимира Ивановича Вернадского – председателем Ученого комитета Министерства земледелия, с 10 июля 1917 года, с оставлением в занимаемых им должностях» [11, с. 119].

¹⁸⁴ Арцыбашев Дмитрий Дмитриевич (1873-1943) – ботаник, дендролог. В 1898 окончил Петровскую сельскохозяйственную академию. С 1899 состоял на службе в ведомстве Министерства земледелия. В 1908 избран действительным членом Ученого комитета Министерства земледелия, основатель Бюро сельскохозяйственной механики при Ученом комитете. В 1917 избран заместителем председателя сельскохозяйственного Ученого комитет; 1919–1920 – профессор кафедры сельскохозяйственного машиноведения Таврического университета. С 1922 – зав. Бюро иностранных отношений, зам. председателя Сельскохозяйственного ученого комитета. В 1925–1928 – сотрудник Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. В 1930-е годы был репрессирован. Умер в Саратовской тюрьме.

¹⁸⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 76. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом Арцыбашева.

¹⁸⁶ Из письма Я.В. Самойлова (20 июня 1917 г.) В.И. Вернадскому: «От Н.М. Тулайкова, который приезжал дня два тому назад на заседание Общественного Комитета по делам удобрений, я знаю, что Вы единогласно избраны в председатели Ученого Комитета нашего Министерства, и на одном заседании уже председательствовали. Искренне радуюсь этому и с огромным удовольствием думаю об интересных совместных работах, какие будут у нас, в связи с Вашей новой сферой деятельности» [197, с. 328–329].

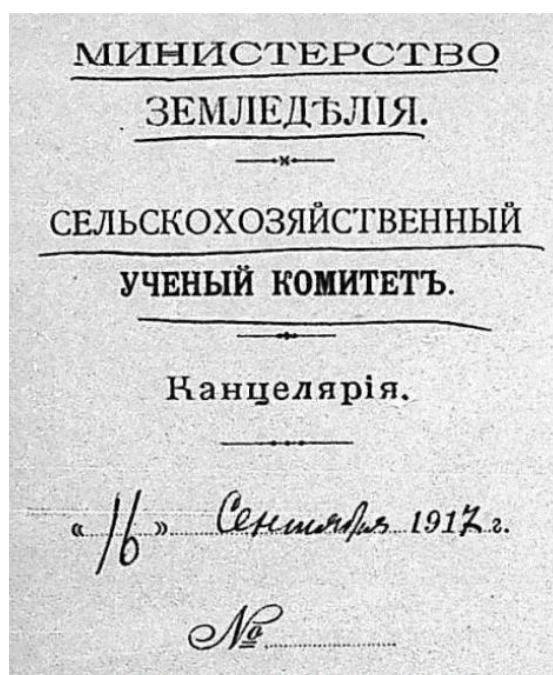
28 июля 1917 г. было принято постановление Временного правительства «О Сельскохозяйственном ученом комитете и его особых научно-опытных и специальных отделах»¹⁸⁷, согласно которому Ученый комитет Министерства земледелия России реорганизуется в Сельскохозяйственный ученый комитет, а его исследовательские бюро – в отделы последнего; сотрудники Комитета стали государственными служащими с правом пенсии. Этим постановлением было также утверждено «Временное положение о Сельскохозяйственном ученом комитете и его особых научно-опытных и специальных отделах». В нем сказано, что СХУК предназначается для разработки, обсуждения и направления вопросов, дел и мероприятий Министерства земледелия по развитию и усовершенствованию сельского хозяйства, требующих научного освещения, для заключений по вопросам организации, объединения и развития сельскохозяйственного опытного дела и сельскохозяйственного образования (школьного и внешкольного), а также для указаний наилучших способов использования новых открытий по сельскому хозяйству в применении к условиям того или иного сельскохозяйственного района России. На особые научно-опытные и специальные отделы СХУК возлагается производство исследований по всем отраслям сельского хозяйства, – в том числе, в особенности, разработка методологических вопросов и постановка таких опытов, которые выходят за пределы ближайших задач местных сельскохозяйственных опытных учреждений, – содействие развитию сельскохозяйственных наук и опытного дела, научное объединение подведомственных министерству земледелия опытных учреждений, а равно проверка и испытание новых научных открытий и технических приемов по сельскому хозяйству. Для более успешного развития и специализации деятельности отделы разделяются на соответствующее задачам каждого число подотделов, отделений и бюро и при них состоят как в Петрограде, так и на местах лаборатории, испытательные, наблюдательные и опытные станции, музеи, библиотеки и т. п. вспомогательные учреждения. СХУК включал следующие отделы: 1) земледелия и почвоведения, 2) машиноведения, 3) метеорологии, 4) бактериологии, 5) прикладной ботаники, 6) частного растениеводства, 7) садоводства¹⁸⁸, 8) микологии и фитопатологии, 9) зоотехнии, 10) рыбоводства,

¹⁸⁷ Вестник Временного правительства, 1917, 27 августа, № 141, с. 1–2.

¹⁸⁸ Несколько позже он, находясь на стадии организации, стал называться отделом садоводства и огородничества.

рыболовства и промысловых животных, 11) пчеловодства и шелководства, 12) прикладной зоологии и энтомологии, 13) организации опытного дела и 14) сельскохозяйственного образования. По мере надобности и в соответствии с развитием прикладных сельскохозяйственных наук и с практическими потребностями число отделов может быть, по утвержденным Министерством земледелия постановлениям Комитета, увеличиваемо, а равно в ведение или в состав Комитета могут быть передаваемы различные другие научно-опытные и просветительные учреждения министерства. Каждый отдел находится под управлением члена комитета-заведующего отделом и состоит из его помощника и необходимого числа ученых специалистов, ассистентов, лаборантов, инструкторов, техников, практикантов и др. служащих. Кроме того, в состав отделов входят члены-корреспонденты, приглашаемые, по представлениям заведующих отделами, председателем комитета, с разрешения министра земледелия.

Согласно упомянутому выше «Временному положению», СХУК составляли: председатель, два товарища председателя (по делам коми-

Фрагмент бланка СХУК, 1917 г.

тета и по делам научно-опытных и специальных отделов), члены-заведующие отделами, члены-специалисты, два представителя сельскохозяйственного совета по избранию сего последнего из числа лиц, избранных земскими собраниями, по одному представителю от Вольного экономического общества, Московского общества сельского хозяйства и объединенной организации местных опытных учреждений, по избранию сих обществ и организаций сроком до трех лет, и директор департамента земледелия. Кроме того, в заседании комитета приглашаются, с правом решающего голоса, дирек-

тора других департаментов, начальники центральных управлений и отделов министерства земледелия, председатели комитетов гидрологического и лесного специального, директора Ботанического сада Петра Великого и сельскохозяйственного музея и заведующие местными опытными станциями – каждый по вопросам его ведения. Для участия

в рассмотрении вопросов общего значения по делам о сельскохозяйственном образовании вызываются, на правах членов комитета, с решающим голосом, представители сельскохозяйственных институтов и сельскохозяйственных факультетов университетов и политехнических институтов, избираемые их советами на срок до трех лет в порядке, устанавливаемым СХУК по соглашению с указанными советами.

СХУК и его председателю было предоставлено право приглашать на заседания комитета и образуемых при нем постоянных или временных совещаний комиссий и бюро (с совещательным голосом) специа-

Д.Д. Арцыбашев (1873–1942)

листов Министерства земледелия, профессоров высших учебных заведений, заведующих казенными, земскими, общественными и частными опытными учреждениями, членов-корреспондентов Комитета и его отделов, помощников заведующих отделами, ученых специалистов отделов, представителей иных ведомств, а также земских и городских учреждений, сельскохозяйственных и специальных обществ и посторонних лиц, участие которых может быть полезным.

Заместителями Вернадского в СХУК были Д.Д. Арцыбашев (возглавлял также бюро иностранных сношений Комитета), Н.М. Тулайков (заведовал также отделом земледелия и почвоведения) и А.А. Ячевский (возглавлял также отдел по микологии и фитопатологии) [165]. Члены Комитета-заведующие отделами: В.К. Бражников, П.И. Броунов, А.А. Кауфман, Е.Ф. Лискун, Н.К. Недокучаев, В.П. Пospelов, Р.Э. Регель, М.Г. Тартаковский, Е.Ф. Пискун; члены-специалисты: А.Н. Челинцев, С.П. Глазенап, Г.А. Клюсс. Представитель Вольного экономического общества В.Г. Котельников. Представитель Московского общества сельского хозяйства А.П. Левицкий¹⁸⁹. Почетными членами Комитета являлись: И.П.

¹⁸⁹ 9 сентября (суббота) 1917 на заседании Сельскохозяйственного ученого комитета рассматривался вопрос об избрании его в члены СХУК (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 36). Левицкий Александр Павлович (1873–1942) – агроном, растениевод, почвовед. Окончил Московский университет (1900), до 1904 – ассистент того же университета, затем был арестован и уволен как активный деятель Всероссийского крестьянского союза. Занимался земским почвоведением в

Бородин, Д.Н. Кайгородов, Д.Н. Прянишников, Г.И. Танфильев, И.А. Стебут, К.А. Тимирязев, П.Н. Чирвинский, А.А. Шульц, а также 25 членов-корреспондентов.

Н.М. Тулайков (1875-1938)

Со временем в СХУК, кроме упомянутых выше, были организованы статистико-экономический (зав. А.А. Кауфман) и лесной (зав. М.Е. Ткаченко) отделы; в отделе зоотехнии формировался подотдел промыслово-охотничьих вредных и полезных зверей и птиц. Кроме того, имелись Бюро: съездов (на стадии организации), иностранных сношений, по изучению порчи и засоренности сельскохозяйственных продуктов (на стадии организации). Планировалось – при наступлении более благоприятных условий – создание отделов (структур) шелководства, птицеводства, коневодства, мелиоративного дела и др. [234].

Особо следует отметить, что многие отделы СХУК имели внутри себя подразделения (подотделы, отделения, бюро). Например, в структуре отдела машиноведения их было 11 (организационное, машин-орудий, мотокультуры и двигателей, физическая лаборатория, лаборатория изучения материалов, агрономическое, атласа деталей, химическая лаборатория, справочно-издательское, экономико-статистическое, зерновая лаборатория), которые возглавлялись известными в своем деле специалистами. В разные годы Ученым комитетом и Сельскохозяйственным ученым комитетом издавались журналы «Сельскохозяйственное образование» (Учебным бюро) и «Сельское хозяйство и

Московской губернии. Ответственный редактор журнала «Новый колос». С 1920 председатель Московского областного управления по опытному делу Наркомзема РСФСР, с 1924 – зам. директора научно-исследовательского института удобрений и инсектофунгицидов (НИУИФ), организовал почвенно-картографическую съемку СССР и сеть сельскохозяйственных станций. В 1930 арестован и осужден по фальсифицированному «делу Трудовой крестьянской партии», выслан в Казахстан, работал рядовым агрономом, после 1934 – в Смоленской и Ярославской областях. Погиб в 1942 в Смоленской области – расстрелян немецкими оккупационными властями за связь с партизанами. Дальний родственник Вернадских, переписывался с Вернадским с начала 1900-х и до 1936.

лесоводство», Сообщения (из Бюро по земледелию и почвоведению, Бюро по частному растениеводству), Труды (Бюро по микологии и фитопатологии, Бюро по сельскохозяйственной метеорологии, Бюро по энтомологии) и др.

А.А. Ячевский (1863–1932)

В СХУК функционировала Библиотека (включающая книги по сельскому хозяйству и смежным отраслям знания), фонд которой насчитывал около 38000 названий и около 75000 томов (библиотекарь Н.А. Королев, помощник библиотекаря – Я.П. Гребенщиков). С 1922 г. – Библиотека Государственного института опытной агрономии, которая в 1929 г. была включена в сеть ВАСХНИЛ на правах научно-исследовательского учреждения (Фундаментальная библиотека ВАСХНИЛ), с 1935 г. – филиал ЦНСХБ, с 1952 г. – Библиотека переименована в Ленинградское отделение ЦНСХБ ВАСХНИЛ, с 1965 г. – Ленинградское от-

деление ЦНСХБ ВАСХНИЛ, с 1992 г. – Санкт-Петербургская Центральная научная сельскохозяйственная библиотека Отделения по Нечерноземной зоне РАСХН, с 2000 г. – Государственное научное учреждение «Санкт-Петербургская Центральная научная сельскохозяйственная библиотека Северо-Западного научного центра Россельхозакадемии», в 2003 г. она переименована в Научную сельскохозяйственную библиотеку ГНУ ГНЦ РФ ВИР.

Вернадский уделял большое внимание развитию библиотеки Комитета. Например, 3 августа 1917 г. на заседании СХУК рассматривалось его письмо, отправленное из Шишаков и посвященное упорядочению библиотечного дела в Комитете, включая вопросы пополнения фондов Библиотеки и установления более совершенной системы распределения Книг. Он же рекомендовал привлечь к этой работе К.И. Дебу¹⁹⁰. 4 сентября 1917 г. К.И. Дебу сообщил Вернадскому, что

¹⁹⁰ Дебу Константин Ипполитович (1867–1942) – специалист по проблемам сельского хозяйства и сельскохозяйственных технологий. Автор более сотни научных и научно-просветительских публикаций. Известен также как переводчик с французского языка. Еще до революции переводил сочинения Ф. Энгельса

направил ему свои «краткие предварительные соображения по поводу приведения библиотеки Ученого комитета»¹⁹¹.

Любопытно отметить, что согласно «Временному положению о Сельскохозяйственном ученом комитете и его особых научно-опытных и специальных отделах», СХУК и состоящие при нем учреждения имели право беспошлинно выписывать из-за границы для своих надобностей различные машины, орудия, приборы, реактивы и иные предметы, необходимые для их деятельности, а также пользоваться правом бесплатной пересылки корреспонденции, бандеролей и посылок весом до одного пуда.

Много усилия В.И. Вернадский приложил к тому, чтобы Большой Гатчинский дворец и прилегающая к нему территория были переданы под учреждения СХУК. Вопрос о наиболее целесообразном использовании угодий и учреждений бывшей императорской охоты в Гатчине для сельскохозяйственных научных и культурных задач не раз обсуждался на заседаниях Комитета. Еще 8 июля 1917 г. из Бутовой Кобылы Вернадский писал Я.В. Самойлову: «... я осенью подам в отставку из профессоров¹⁹² в виду моего назначения председ[ателем] Учен[ого] ком[итета] М[инистерства] з[емледелия]. Много я колебался, но м[ожет] б[ыть] правильно было принять это место, т[ак] к[ак] сейчас здесь можно будет сделать как раз в той области жизни, которую я считаю сейчас важнейшей: научной работе, ее организации и укреплению. Сейчас очень мне улыбается добиться передачи Гатчинских дворца, парков, царской охоты и части леса для организации научного исследовательского центра: Учен[ый] ком[итет] с его учреждениями,

и К. Каутского. Сын петрашевца И.М. Дебу (1824–1890). Учился в Новороссийском университете, окончил С.-Петербургский университет (1890). С 1901 – лаборант, с 1909 – преподаватель ВЖК в С.-Петербурге. До революции также преподавал на Стебутовских курсах, Сельскохозяйственных курсов. В 1921–1924 – профессор кафедры химии физико-математического факультета Петроградского университета. В 1924–1930 – сотрудник Государственного оптического института, с 1926 возглавлял кафедру технологии и хранения Ленинградского сельскохозяйственного института в Детском Селе, Институте опытной агрономии. До 1942 преподавал в Ленинградском институте холодильной промышленности. В Бюро по сельскохозяйственной механике (затем отделе машиноведения) сперва Ученого комитета и затем СХУК с 1907 заведовал химическим (с 1917 – химическая лаборатория) и с 1909 издательским (с 1917 – справочно-издательское) отделениями. Умер в блокадном Ленинграде.

¹⁹¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 508. Л. 1.

¹⁹² Московского университета.

Ботанич[еский] сад (сделается вроде Кью¹⁹³ и войдет в тесную связь с Учен[ым] ком[итетом]), Художеств[енный] гатчинский музей, академический Ломоносовский инст[иту]т (а м[ожет] б[ыть] Геологич[еский] и Минералогич[еский] музей), отделение Палаты мер и весов. Сейчас дело очень налаживается. Около 550 десятин одного парка! Во дворце более 600 комнат, а затем ряд флигелей, домов и т. д. Конечно, для академич[еских] учреждений и Палаты мер и весов надо будет строить, но я считаю, что такой вывод ученых учреждений в пригород (менее часа езды) и соединение вместе разнообразных ученых учреждений очень важно. Гатчино должно стать ученым городком-садом»¹⁹⁴. Также ставились вопросы о необходимости объединения Никитского ботанического сада с СХУК, о созыве совещания ботанических садов, об их отношении с Сельскохозяйственным ученым комитетом.

Проблемы сельского хозяйства, в первую очередь животноводства, Вернадский обсуждал с выдающимся зоотехником Е.Ф. Лискуном, которого просил прислать свои работы. Так, около 25 октября 1917 г. Лискун пишет Вернадскому, что послал ему большинство своих (вышедших к этому времени) работ. «По прилагаемой книжке Племба¹⁹⁵ Вы увидите, что и как разводят американцы» [72, с. 82].

26 октября 1917 г. Лискун сообщает Вернадскому из Алушки: «Второй день нахожусь в Алушке и нашел здесь нечто весьма интересное для <Сельскохозяйственного> ученого комитета. Представляется возможным получить два Воронцовские дворца, дачу Брянчаниновой в Алушке и кое-что в Симеизе. Веду переговоры с администрацией этих имений <...>. В силу того решения, которое принято, что южный берег поступает в государственную собственность, многие крупные постройки могли бы быть использованы для научных целей. Между прочим, очень интересны здания графини Паниной. Очень советуют вступить с ней в переговоры. Это та графиня, которая состоит товарищем министра нар[одного] просв[ещения]. Если бы Вы признали возможным с ней поговорить, это было бы очень хорошо» [72, с. 82]. 27 октября 1917 г. также из Алушки он сообщает Вернадскому:

¹⁹³ Имеются в виду ботанические сады Кью в Англии, близ Лондона.

¹⁹⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 7.

¹⁹⁵ Племб Чарльз Самнер (1860–1939) – профессор животноводства в Сельскохозяйственном институте Университета штата Огайо, США. Речь идет о его книге [198]; в 1914 на русском языке вышло ее второе издание.

«Переговоры с администрацией имения Воронцовой-Дашковой увенчались успехом. Нам можно получить Алупкинский “Воронцовский Дворец”. Это очень большое здание, большой художественной ценности. Как раз тут находится помощник главноуправляющего имениями графини, что очень облегчило переговоры. Сегодня уже графине от конторы написано письмо. Администрация спешит устроить и оформить передачу нам, дабы избежать чего-нибудь худшего. От Министерства <земледелия> тоже необходимо написать графине просьбу. Она живет в Ессентуках, зовут ее Елизаветой Андреевной. Условия, выработанные нами совместно. такие: С[ельско]х[озяйственному] ученому комитету уступается Новый дворец для размещения его коллекций и музеев. Нельзя устраивать лишь лаборатории, так как это значило бы портить стены. В кабинетах можно будет работать нашим сотрудникам. С течением времени, если не состоится передача дворца в постоянное пользование. Учен[ый] комитет должен будет вывезти свои ценности в специально приспособленные здания, устроенные на майоратных землях Воронцовой-Дашковой. Место для построек будет предоставлено имением. Мне представляется, что получение дворца нас устраивает в значительной степени» [72, с. 83].

Дела Сельскохозяйственного ученого комитета нашли отражение на страницах дневника Вернадского.

Так, 9 октября 1917 г. Вернадский беседовал с Вихляевым о задачах и программе СХУК [56, с. 11], а также с Г.А. Клюссом¹⁹⁶ по телефону о делах Сельскохозяйственного ученого комитета, в том числе, о необходимости реформирования его библиотеки [56, с. 12]. 10 октября 1917 г.: «Звонил Угримов в связи с завтр[ашним] засед[анием] Сов[ета] тов[арищей] мин[истра]. Проходит помощь высш[им] с[ельскох[озяйственным] курсам. Обещает помощь денежн[ую]

¹⁹⁶ Клюсс Георгий Александрович (1869–1927) – агроном, ботаник. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1892). С 1898 по 1908 приват-доцент кафедры агрономии физико-математического факультета, также с 1898 по 1907 сверхштатный хранитель агрономического кабинета того же факультета. Преподавал курс агрономии/земледелия. С 26.11.1901 помощник ученого секретаря Министерства займов и государственных имуществ. С 1.11.1907 секретарь Ученого комитета (ученый секретарь) Главного управления землеустройства и земледелия, затем Министерства земледелия. Действительный статский советник. Автор многочисленных статей в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона по сельскохозяйственной тематике. Очевидно, в начале 1920 уехал в Финляндию.

С[ельско]хо[зяйственному] у[ченому] к[омитету]» [56, с. 13]. 11 октября 1917 г. у Вернадского разговаривал с А.П. Левицким об опытном деле. Вернадский считает, что надо сеть опытных станций поддерживать и развивать дальше: Сибирь, Север России, хотя организация центрального заведования при Сельскохозяйственном ученом комитете для него не ясна. По его мнению, «необходимо широко поставленное центральное бюро об организации этого дела во всем мире» [56, с. 15].

14 октября 1917 г. у Вернадского [56, с. 19]:

- состоялся «разговор с Фалеевым о зоопарках и заповедниках и лесном отделе Учен[ого] ком[итета]. Думаю, можно будет провести»;
- было «заседание Учен[ого] ком[итета] с директорами отделов и деп[артаментов] М[инистерства] з[емледелия] о смете. <...> Необходимо издать сводку о ярославск[ой] породе рог[атого] скота»;
- «большой разговор с А.П. Левицким о будущей организации опытно[ого] дела. У него сомнения. Ясно, что он д[олжен] б[ыть] председателем комитета съездов опытно[ых] станций и комитет должен состоять наполовину из выборных и наполовину <из> назначенных. Эта форма удобная. Необходимы разъезды и цент[ральное] справочн[ое] бюро».

15 октября 1917 г. было «интересное заседание совещания об ест[ественно]-ист[орическом] изучении Севера России в связи с вопросами, поднятыми в М[инистерстве] з[емледелия]» [56, с. 20].

16 октября 1917 г. Вернадский «кое-что из бумаг Учен[ого] комит[ета] исправил» [56, с. 21]. В этот же день, вечером, состоялось заседание Сельскохозяйственного ученого комитета. «Разбиралась шаг за шагом прогр[амма] комитета. <...> Поднял вопрос о библиотеке: он прошел в желат[ельной] для меня форме: библиотека У[ченого] к[омитета] есть общая библиотека М[инистерства] з[емледелия], и должен быть составлен общий карт[очный] каталог ныне же [56, с. 22].

20 октября 1917 г. Вернадский «осматривал Отдел сельскохозяй[ой]ственной] метеорол[огии] Броунова¹⁹⁷. Неожиданно интересно. Сам

¹⁹⁷ Броунов Петр Иванович (1852/1853–1927) – географ и метеоролог, профессор Киевского и Петербургского университетов, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1916). Один из основоположников агрометеорологии в России. С 1897 руководитель Метеорологического бюро Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. В 1917–1926 – глава Бюро сельскохозяйственной метеорологии и зав. Отделением Агрометеорологии в Отделе Прикладной ботаники и селекции в Государственном институте опытной агрономии.

Бр[оунов] лучшее впечатление чем по отзывам специалистов. Чувствуется творчество и для меня много нового» [56, с. 26].

Днем 7 ноября 1917 г. Вернадский «был в Учен[ом] ком[итете]. Тулайков из Кавказа говорил о Муганской степи. Там все спокойно. Лискун приехал из Крыма. Об эвакуации Уч[еного] ком[итета] (Алупка – дворец Воронцова). В общем и здесь то же настроение: возвращение старого типа власти как неизбежное» [56, с. 33].

Надо отметить, что аграрный вопрос (практически со всех точек зрения) всегда был объектом самого пристального внимания и размышлений Вернадского. По замечанию И.И. Мочалова, этот вопрос для Вернадского сопоставим лишь с размышлениями ученого о межнациональных отношениях, организации научных исследований, развитии высшей школы, использовании природных ресурсов [70]. Вернадский считал, что экономическая программа развития России невозможна без соответствующей аграрной программы, причем особое значение он придавал государственным мерам, направленным на поднятие производительности сельского хозяйства. Это, по его мнению, предполагает широкую постановку государственных и общественных мероприятий в виде опытных хозяйств и полей, исследовательских институтов, питомников, семенных станций и т. п. [70]. В свою очередь, «вся научная постановка вопроса о плодородии, о количестве создаваемого жизненными процессами вещества на данной площади земли может быть правильно поставлена только на почве геохимических явлений» [52, с. 23].

Здесь уместно привести записку Вернадского, время написания которой явно относится к периоду его пребывания на посту председателя Сельскохозяйственного ученого комитета [55, с. 108–109]¹⁹⁸: «Государственная политика в аграрном вопросе должна определяться:

1. *Идеей социальной справедливости*, поскольку она претворилась в народное сознание или создана вековой народной идеологией: земля находится в свободном распоряжении трудящегося населения. Земля – земледельцу.

2. *Идеей государственной устойчивости*: государство прочно, а) когда форма его организации отвечает вековой идеологии народных масс, т. е. когда колеблющаяся масса из противников – хотя бы

¹⁹⁸ Вверху первой страницы архивного текста имеется помета Вернадского: «В связи с разговором с Д.И. Шах[овским], министром и Уч[еным] ком[итетом]» (АРАН Ф. 518. Оп. 1. Д. 217. Л. 1).

бессознательных – строя становится его защитницей, и б) когда уменьшается и по возможности уничтожается голодающий или необеспеченный в своем существовании пролетариат.

3. *Идеей государственной справедливости*, обеспечивающей всем гражданам, исполняющим государственные обязанности и государственные повинности, равную и одинаковую охрану их жизни, их имущества и их деятельности. В частности, государство обязано вознаграждать за убытки от его мероприятий, принятых для общей государственной пользы, тех частных лиц, которые от этого пострадали.

4. *Идеей государственной экономии*: необходимо, чтобы охранялось и не растрачивалось без нужды и без учета и сознательного решения накопленное прежней работой национальное богатство и чтобы без <соблюдения> этих условий не переходило созданное более интенсивное и правильное использование естественных производительных сил в менее интенсивное и менее правильное. Аграрная реформа должна быть произведена с наименьшей возможной (и учтенной) потерей достигнутых прошлым трудом и мыслью форм земледельческой техники.

5. *Идеей разумного и максимального использования естественных производительных сил государства*: силы страны, создающие национальное богатство, всегда ограничены, и пока недостаточно использованы и охвачены человечеством для того, чтобы были достигнуты отвечающие сознанным потребностям и желаниям людей условия жизни. Помимо всяких форм социального устройства, как реально существующих, так и выработанных в программах политических партий или идеологиях социальных реформаторов, эта недостаточная использованность, в связи с необдуманной и бессознательной расточительностью текущей энергии естественных производительных сил, является основным препятствием к водворению на Земле для всех людей человеческих условий существования. Государство в своей аграрной политике должно стремиться к тому, чтобы: 1) получился максимальный продукт при земледельческом труде, 2) чтобы этот продукт получался не хищнически, т. е. достигался без ослабления запаса энергии, заключенной в естественных производительных силах страны, и 3) чтобы при его получении по возможности использовалась наибольшая часть той энергии, какая лежит в основе земледелия, и чтобы бесполезно рассеивалась наименьшая возможная ее часть.

6. *Идеей связи государственного хозяйства с мировым и равенства этого хозяйства по уровню данного времени*. Очевидно, при глубоком

и широком мировом торговом обмене и общем использовании всего производимого человечеством на всем земном шаре, государственная политика в области земледелия в России не может вестись так, как будто бы она ведется на необитаемом острове. Необходимо не только использовать имеющиеся у нас ресурсы страны, но надо их использовать так, как это в данный момент наиболее выгодно – по мировой конъюнктуре – с точки зрения национального богатства и интересов человечества. Эта сторона дела особенно должна проявляться в такой великой стране, какой является Россия, охватывающая 1/6 часть земной суши.

7. Идеей удовлетворения государственных обязательств, расчета за войну и финансовыми требованиями государства в данный момент. Едва ли требуется останавливаться на этом вопросе, т[ак] к[ак] и интересы экспорта (торгового баланса), и необходимость стороннего капитала, и необходимость устойчивости нашей финансовой системы будут доминировать в ближайшие годы в связи с огромным нарушением государственно-хозяйственной жизни и задолженностью, небывалой в России, какие явились следствием огромной войны».

В.И. Вернадский среди крестьян Вернадовки, 1910-е годы

ШИШАКИ, ПОЛТАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ (июль – начало августа 1917 г.)

Село Шишаки (в то время Миргородского уезда Полтавской губернии) расположено на левом берегу реки Псёл (левый приток Днепра), в 13 км от села находится железнодорожная станция Яреськи. В 1913 г. в Шишаках В.И. Вернадским был приобретен участок земли в 12 десятин¹⁹⁹ (с дубовым леском) на берегу р. Псёл на так называемой Бутовой Кобыле²⁰⁰ (Бутовой горе).

К лету 1914 г. здесь – по проекту художника и архитектора В.Г. Кричевского²⁰¹ – был построен (постройкой руководил местный крестьянин Л.Т. Сердюк²⁰²) двухэтажный дом, выдержанный в украинском народном стиле (модерн), с высокой четырехскатной крышей, мезонином [180]. Дом – прямоугольной формы 12 х 13 м, с террасой вдоль второго этажа – покоился на кирпичном фундаменте шириной 0,4 м и глубиной 0,5 м. В нем было 11 комнат: 3 – на первом этаже, 7 – на втором и одна – в мезонине, имелись водопровод, две ванны и канализация. Помимо дачного (большого) дома, был построен также небольшой домик, в котором проживала семья управляющего Михаила Третьяка [84]. В 1916 г. Вернадский докупил 4 десятины пахотной земли. В разные годы на даче у Вернадский гостили А.А. Корнилов,

¹⁹⁹ Одна десятина = ~1,092 гектара.

²⁰⁰ «Кобылы» – местное название естественных холмов. Вернадский «облагородил» это название и в некоторых письмах называл свою дачу-усадьбу «Ковыль-гора». С 1967 Бутова гора (залесенный склон холма на левом берегу р. Псёл между Шишаками и Яреськами площадью 5 га) имеет статус природоохранной территории местного значения (геологический памятник природы местного значения).

²⁰¹ Кричевский Василий Григорьевич (1873–1952) – живописец, архитектор, график, художник кинофильмов. Заслуженный деятель искусств УССР (1940). Один из основателей Украинской академии искусств. Автор проектов здания Полтавского земства (1907), а также расположенных недалеко от усадьбы Вернадского дома М.А. Дмитриева (в Яреськах) и дома художника Ф.Г. Кричевского (в Шишаках). Во время Великой Отечественной войны находился в оккупированном Киеве. В 1943 эмигрировал. Некоторое время работал во Львове, затем переехал к сыну в Париж, в 1948 – к дочери в Каракас.

²⁰² В постройке дома также участвовал его брат, плотник Федот Трофимович Сердюк; позже (был мобилизован в 1919) служил в Дроздовском офицерском пехотном полку Добровольческой армии; пропал без вести зимой 1919 /1920 на Кубани (возможно, умер от сыпного тифа – см. [59, с. 62]).

С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс, Д.И. Шаховской и др.²⁰³ Дочь В.И. Вернадского, Нина Вернадская-Толль, много лет спустя вспоминала о доме в Шишаках: «... это был очаровательный дом, построенный художником Кричевским в староукраинском стиле, в полтора этажа, балкон с точеными деревянными колоннами. Был чудный вид на Псёл²⁰⁴, а за ним пески и вдаль, за 20–25 верст белели Великие Сорочинцы» [24, с. 122]; «мы очень любили этот дом. <...> О мебели в доме в Шишаках. Она была очень простая. Почти все было перевезено из дома в Вернадовке, когда Вернадовку сдали в аренду. Вообще мои родители любили все простое. <...> Это не значит, что они жалели денег. Книги, например, покупались за любую цену» [24, с. 125]. В доме в Шишаках имелась библиотека²⁰⁵, большая часть которой была перевезена из Вернадовки.

О доме в Шишаках сохранились воспоминания П.К. Казаковой²⁰⁶: «Дом выстроен был большой. Низ – кухня и напротив комната для

²⁰³ Считается, что дача была уничтожена осенью 1918. В то же время известно письмо В.Г. Короленко от 7 января 1921 к Н.В. Вернадской, дочери академика В.И. Вернадского (троюродного брата Короленко), о разгроме их дачи в Шишаках, Полтавской губернии [22, с. 305], что, возможно, свидетельствует о том, что дом был разрушен в конце 1920. В 2013 на Бутовой горе установлен памятный знак [131].

²⁰⁴ Вот как о реке Псёл писал уроженец этих мест: «Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл; издали уже веяло прохладой, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по луку осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы, волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами» (Н.В. Гоголь Сорочинская ярмарка [80, с. 113]).

²⁰⁵ Из библиотеки В.И. Вернадского на Бутовой горе сохранился учебник минералогии К.Ф. Ярошевского [294], с автографом Ф.Т. Сердюка [131].

²⁰⁶ Казакова Прасковья Кирилловна (1874–1958) – домработница Вернадских, фактически член их семьи, жила с ними с 16 января 1909. В советское время Вернадский добился для нее статуса иждивенки, т. е. лица, находящегося на полном содержании другого. Иждивенец в соответствии с законодательством обеспечивался пенсией в случае потери кормильца. Кроме того, после получения

работницы, затем – большая комната – столовая и сбоку две комнаты для приезжих. В одной из этих комнат стояло пианино <...>. Во втором этаже были комнаты В.И., Нюты, Ниночки, Н.Е., молодых Вернадских и Корниловых (они жили это лето у нас всей семьей). Во втором этаже тоже был большой балкон. И наконец, с чердака была еще одна комнатка (третий этаж) со стеклянной дверью вместо окна. В этой комнатке поселили меня. <...> Из комнаты был чудный вид на Псел и даже были видны Сорочинцы, когда там зажигались огни» [76, с. 130–131].

Село Шишаки, 1910 г. Почтовая открытка

В творческой биографии академика Вернадского июль 1917 г. занимает очень важное место. Именно в этот короткий отрезок времени он в очередной раз всерьез задумывается о глубоком исследовании биогеохимических проблем и приступает к разработке учения о живом веществе и биосфере, именно в этот период, судя по всему, и закладывается начало биогеохимии как самостоятельной науки.

В литературе обычно указывается, что Вернадский приехал в Шишаки в конце («в 20-х числах») июня 1917 г., что не соответствует

Сталинской премии в 1943 Вернадский подарил ей 10000 руб., дабы обеспечить ее материальное будущее.

действительности. В этом, судя по всему, «виноват» сам Вернадский. В частности, много лет спустя он не раз указывал, что уехал в Шишаки «в июне», «в 20-х числах июня 1917» и т. п. Например, 30 августа 1937 г. Вернадский вспоминал: «Я <...> в 20-х числах июня 1917 <г.> уехал в Шишаки <...>. Здесь с большим подъемом я выяснил себе основные понятия биогеохимии, резкое отличие биосферы от других оболочек земной коры, основное значение скорости размножения <организмов>. Начал писать с большим подъемом и с чрезвычайно широкими планами изложения. Явно почувствовал недостаток знаний, отсутствие основных данных и необходимость геохимической трактовки на фоне истории планеты. Составил план чтения» [289, с. 90]. Он же, спустя почти пять лет: «Весной 1917 г. в Петрограде я заболел. Профессор Рубель²⁰⁷ нашел у меня,

Рисунок дома в Шишаках, сделанный по памяти дочерью В.И. Вернадского – Н.В. Вернадской-Толь

к моему удивлению, острое заболевание туберкулезом, причем исследование рентгеном показало, что я перенес раньше когда-то

²⁰⁷ Рубель Аркадий Николаевич (1867–1938) – терапевт, фтизиатр, доктор медицинских наук, научная деятельность посвящена изучению патологии легких, впервые в России (1910) применил искусственный пневмоторакс как метод лечения туберкулеза легких (издал в 1912 первую в мире монографию на эту тему). Окончил Военно-медицинскую академию (1891), стажировался в Вене (1891–1892), работал в Александровской больнице для чернорабочих (1893–1900), санитарный врач в Петербурге (1899–1904), с 1900 ординатор, затем ассистент терапевтической клиники Женского медицинского института; директор летнего кумысолечебного санатория (1903–1914), одновременно (1906–1914) работал в Институте экспериментальной медицины в отделе общей патологии. В 1899 организовал в Петербурге общество больничных врачей, его секретарь. В 1918 создал и возглавил первую в Петрограде Центральную туберкулезную станцию со стационаром. Профессор Государственного института медицинских знаний (1920–1938) и одновременно (по 1931) приват-доцент Государственный институт усовершенствования врачей.

туберкулез, о чем я не имел понятия. Когда я поправился, он настоял на моем отъезде из Петрограда, чтобы провести весну вне города, и я при первой возможности уехал в июне в Шишаки на Украине. Я хотел этим временем воспользоваться, чтобы спокойно набросать сложившиеся у меня мысли о биогеохимии и геохимии» [62, с. 372]. Более точна А.Д. Шаховская (личный секретарь ученого), которая позже вспоминала: «В июле 1917 года В. И. пришлось по состоянию здоровья оставить Петроград, у него нашли туберкулез. Он уехал на хутор Шишаки Полтавской губернии и здесь был охвачен порывом интенсивного творчества – изложением своих мыслей о живом веществе» [52, с. 325].

На указание Шаховской, что Вернадский «уехал в Шишаки июле», как и на даты в письмах Вернадского жене – Н.Е. Вернадской, а также другим корреспондентам, его биографы не обратили внимание.

Так, сохранилось письмо В.И. Вернадского Ф.К. Вовку²⁰⁸, датированное 1-м июля 1917 г., из которого следует, что в это время Вернадский все еще находится в Петрограде и собирается уезжать в Шишаки [71, с. 173]:

«Многоуважаемый Феодор Кондратьевич,

Посылаю Вам с благодарностью №№ газет. Все это время много приходится иметь дела с украинск[им] вопр[осом]²⁰⁹. Когда-нибудь при случае поговорим. Уезжаю на днях в Шишаки.

Ваш В. Вернадский».

3 июля Вернадский выехал из Петрограда в Москву²¹⁰, 5 июля 1917 г. он уже в поезде (на участке Белгород – Харьков) и отправил из

²⁰⁸ Вовк (Волков) Федор Кондратьевич (1847–1918) – антрополог, этнолог, археолог, общественный деятель. Хранитель Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (с 1906). Приват-доцент физико-математического факультета Петербургского (Петроградского) университета (1907–1918). Член многих научных обществ. Кавалер французского Ордена Почетного Легиона (1916).

²⁰⁹ Судя по всему, речь идет о дискуссии кадетов с представителями либеральных украинских политических кругов относительно политической автономии Украины в составе России.

²¹⁰ В письме Я.В. Самойлову 8 июля 1917 из Бутовой Кобылы Вернадский пишет, что уехал из Петрограда 3 июля (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 7). В фонде Вернадского сохранилось также «Удостоверение» на бланке Ученого комитета Министерства земледелия (с печатью Комитета) от 3 июля 1917 № 1256, в котором сказано: «Настоящим удостоверяется, что представитель сего, председатель Ученого комитета Министерства земледелия, академик Владимир

Харькова открытку жене, в которой сообщил, что едет «отлично», «до Полтавы без пересадки». Он лишь устает «и от того, что совершается, и мысль о Нюте²¹¹ как-то еще сильнее и глубже охватывает меня среди перерыва нервной работы в Петрограде» [64, с. 205–206].

В этот же день (5 июля) из Полтавы Вернадский отправил жене еще две открытки. В одной он пишет: «Очень тревожно уезжать в такое время, а между тем возвращаться (как было у меня мелькнула мысль в Москве) тоже едва ли правильно. <...> Ошибка выхода к[онституционных] д[емократов] еще больше²¹². Здешние соц[иалистические] газеты (в том числе и “Южный Край”²¹³, который теперь народно-соц[иалистический]!) прямо связывают их уход как акт большевизма. Украинское движение еще в начале своего развития, —

Иванович Вернадский выехал из Петрограда по срочной служебной надобности и должен вернуться на место службы. Ввиду этого Министерство земледелия просит выдать ему на надлежащих станциях билеты и плацкарты. Товарищ Министра Ник. Волков. За председателя Ученого комитета Дм. Арцыбашев» (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 76. Л. 2).

²¹¹ Короленко Анна Сергеевна (1884–1917) – арфистка; умерла от туберкулеза; племянница В.И. Вернадского, дочь его сестры Екатерины Ивановны (в замужестве Короленко, брак ее, по словам Вернадского, был несчастлив, а «жизнь разбита»), после самоубийства которой (в 1910) жила в семье Вернадского. Окончила Смольный институт и Петербургскую консерваторию, некоторое время – артистка оркестра графа А.Д. Шереметева, затем – преподавательница Петербургского музыкального института. Участница многих благотворительных концертов. Дочь Вернадского, Нина, позже вспоминала: «Анна Сергеевна Короленко была моя двоюродная сестра, дочь сестры отца Екатерины Ивановны. Она жила у нас как старшая дочь, со времени смерти ее матери. Мой отец ее обожал и мы все тоже. Она была близка мне как родная сестра. Она была очень талантливая арфистка, очень самостоятельная и оригинальная. <...> Мой отец страшно интересовался всем, что она делала и думала» [24, с. 123]. Между нею и Вернадским была глубокая духовная близость, а мысли о рано умершей племяннице будут еще долго не покидать его. Она, по словам Вернадского, была «высоко одаренная художественная “демоническая” натура, всецело отдавшаяся христианскому исканию истины» [61, с. 390].

²¹² Речь идет о выходе членов кадетской партии из состава Временного правительства 2 июля 1917.

²¹³ Ежедневная политическая и литературная газета, издавалась на русском языке в Харькове с 1 декабря 1880 по 1919. В 1912–1917 выходила утренним и вечерним выпусками. В 1899–1917 отдельные номера выходили с «Иллюстрированным прибавлением». Подробнее об обсуждении «украинского вопроса» на страницах газеты «Южный край» в 1917 – см. [243].

огромные сложности и трудности ему впереди, и мне кажется, при искреннем сожительстве с ним русского здешнего населения течения шовинистического, зоологического национализма в нем не будет преобладать [64, с. 206–207]. В другой открытке Вернадский – не забывая о своих научно-организационных делах – сообщает Н.Е. Вернадской: «Забыл написать: на моем столе лежит бумага из Министерства торговли о представителе К.И.Пр.Сил²¹⁴ по статистике. Надо спросить А.А. Кауфмана²¹⁵, согласен ли он им быть и известить Линденера» 64, с. 207].

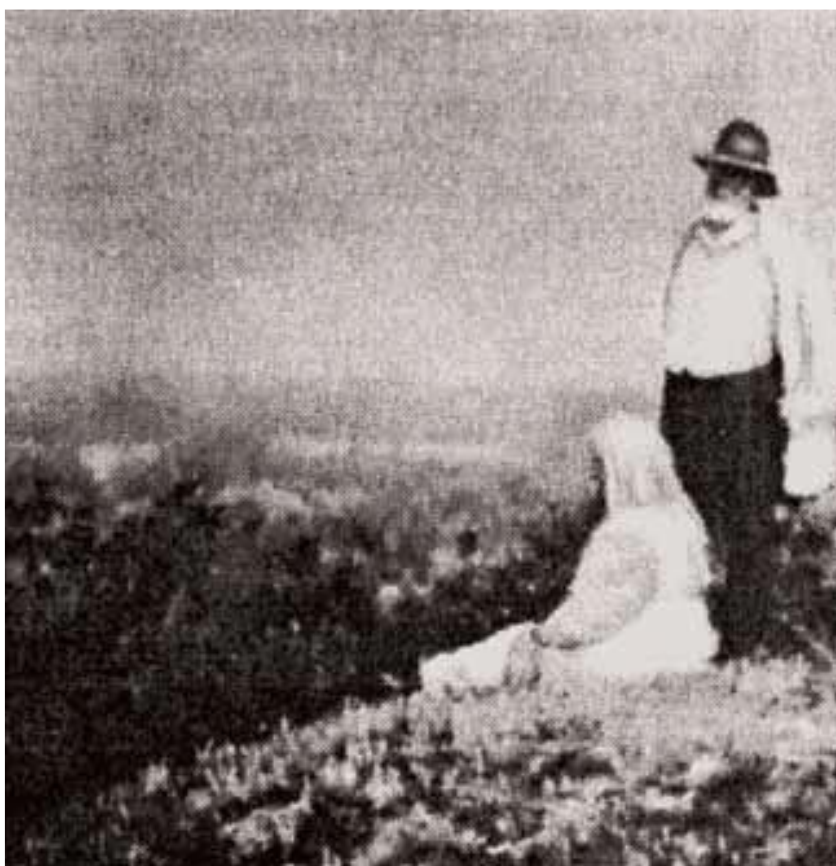

Малороссия. На реке Псле

²¹⁴ Имеется в виду КЕПС.

²¹⁵ Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) – экономист, статистик, специалист в области истории крестьянского землевладения, аграрной истории России, по вопросам землепользования и землевладения в Сибири; профессор (1918). Выступал за сохранение общинного землевладения, считал, существование общины является не следствием внешних социально-экономических воздействий, а закономерным результатом развития крестьянского хозяйства. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1885). Преподавал в Московском университете, Демидовском училище, Институте Высших коммерческих знаний. В 1887–1894 был командирован Министерством Государственных имуществ в Сибирь, для изучения состояния местных крестьянских хозяйств. Член кадетской партии. В годы Временного правительства занимался разработкой аграрной реформы. После Октябрьской революции работал в центральных статистических учреждениях.

В Шишаки Вернадский приехал поздно вечером 5 июля 1917 г. Так, 6 июля 1917 г. он пишет жене уже из Бутовой Кобылы: «Вчера приехал сюда поздно ночью – уже в 12 часов. Ниночка²¹⁶ не получила телеграммы, как и надо думать, и спала. Собаки не отзывались, и можно было бы все увезти. <...> Здесь все прекрасно, и тихо, и ясно. Я как-то на всяком шагу чувствую мою дорогую бесценную Нюточку... Все это так просто, естественно, и все же человеческое чувство с трудом и с большим разрывом переживает этот удар. Дыхание смерти, ее унесшее, глубоко вошло и в мою душу, и в меня, и там ведет свою подготовительную работу. <...> Не знаю, как у вас, и очень всё это тревожно. Иногда хочется лучше не думать. Пишешь, и не уверен,

Супруги Вернадские на холме над рекой Псёл, 1916 г.

что письмо дойдет. Дорогой разговоры раскрывают картину разрухи. Очень ясно мысль массы народа направляется к сильной власти, к диктатуре. О ней нередко разговоры в вагоне и путных обывателей. Мне кажется, в провинции сильнее, чем в Петрограде. Украинский вопрос стал мне во всей его сложности, и я думаю, большей сложности, чем думают сами украинцы. Мне хочется много об этом подумать и эти

недели собраться с мыслями, обдумать ряд вопросов, которые не успеваешь в суете петроградской жизни. М[ожет] б[ыть], это будет оправдание моего отдыха в такое время. <...> Здесь все в большом порядке [64, с. 208].

²¹⁶ Дочь Вернадского в это время находилась в Шишаках.

Тем не менее, несмотря на тревоги и переживания, Вернадский очень продуктивно научно работал в Шишаках. Много лет спустя, 10 июня 1943 г., он вспоминал: «В Шишаках на “Кобыле” в лесу я работал с большим подъемом, выяснил себе основные понятия биогеохимии, резкое отличие биосферы от других оболочек Земли, основное значение в ней размножения живого вещества. Я начал писать с большим воодушевлением, с широким планом изложения. Мне кажется теперь, что то простое и *новое понятие о живом веществе, как о совокупности живых организмов*, которое мною внесено в геохимию, позволило мне избавиться от тех усложнений, которые проникают в современную биологию, где в основу поставлена жизнь, как противоположение косной материи. Понятие “жизнь” неразрывно связано с философскими и религиозными построениями, от которых биологи никак не могут избавиться. Оставляя в стороне представление “жизнь”, я постарался остаться на точной эмпирической основе и ввел в геохимию понятие “живое вещество” как *совокупность живых организмов, неразрывно связанных с биосферой, как неотделимая ее часть или функция*. Живое вещество целиком отвечает жизни, поскольку она проявляется на нашей планете вне философских и религиозных наростов мысли. С этого времени, где бы я ни находился и при каких бы условиях, иногда очень тяжелых, мне бы не приходилось жить, я непрерывно работал, читал и размышлял над вопросами геохимии и биогеохимии, работаю и до сих пор. И это отразилось в моей работе для будущей Украинской Академии наук, участвовать в основании которой мне выпало на долю и в которой я поставил впервые эту работу на экспериментальную почву» [62, с. 372–373].

Работа Вернадского над проблемой живого вещества в июле 1917 г. нашла отражение в его письмах к жене – Н.Е. Вернадской.

В частности, 17 июля 1917 г. (спустя 11 дней после приезда в Бутову Кобылу) он пишет: «Я ушел сейчас в чтение и работу над изложением старых мыслей о живом веществе. <...> Многое выясняется при писании и многое забытое вновь воскресает. Думаю в этой области десятки лет и, мне кажется, могу сказать многое, обычно неизвестное. Но это будет набросок, который потребует большой дальнейшей работы. Отходишь от переживаний тяжелых политики и злобы дня сего в этой работе над частью “вечного”. “Вечного” человеческого, т[аким] о[бразом], весьма условного» [64, с. 209–210]. Однако «отойти» от «переживаний тяжелых политики и злобы», от переживаний за судьбу близких и страны он не может. Так, в этом же письме он пишет: «Здесь

сейчас все тихо и хорошо, но в общем очень не спокойно. Чувствуется и анархия и необеспеченность будущего. <...> Очень тревожно за будущее. Теряешься в выходе, и иногда кажется, что надо дать вылиться стихийному процессу. Украинский вопрос здесь не стоит очень остро, и, по-моему, он на перепутье. Еще не определилось направление жизни. Его трудности начнутся в дальнейшем, даже если украинская автономия и осуществится в широком масштабе. Для меня это совсем нелепо» [64, с. 209].

*Возле векового дуба на Бутовой горе (с. Шишаки, Полтавская губ.), 1916 г.
А.А. Корнилов (второй слева), за ним Нина Владимировна (жена Георгия), Ге-
оргий Владимирович, Владимир Иванович и Нина Владимировна Вернадские.*

«Украинский вопрос» очень волнует Вернадского. В архиве сохранилось его письмо (от 19 июля 1917 г.) М.С. Грушевскому: «Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич. Позволяю себе обратиться к Вам с просьбою прислать мне, если возможно, последние Ваши издания по украинскому вопросу (особ[енно] о Центральной раде и Переяславск[ом] договоре). Мне здесь их чрезвычайно трудно достать, а между тем мне важно – в связи с переживаемыми политическими моментами – быть в курсе дела. Простите, что беспокою Вас. Мой адрес: Шишаки, Миргородск[ого] уезда, Полтавской губ[ернии], Владим[иру] Ив[ановичу] Вернадскому. Всего лучшего. Ваш В. Вернадский»²¹⁷.

*Памятник
Вернадскому недалеко
от Бутовой горы, от-
крыт 29 мая 2013 г.*

Из письма жене от 19 июля 1917 г.: «Гуляю, брожу, много очень думаю и читаю. Сейчас главной работой является набрасывание давних моих размышлений и мыслей о живом веществе с геохимической точки зрения. <...> Над ними думаю и к ним постоянно возвращаюсь десятки лет. Излагаю так, что дальнейшая обработка может пойти прямо и точно. <...>. Несомненно, тут у меня много нового, и многое новое открывается при обработке; подхожу к новым заданиям и вопросам. Так или иначе я ясно чувствую, что надо было это сделать, так как так или иначе это результат всей моей прошлой научной работы. И вместе с тем глубокое неудовлетворение результатом и странное столь обычное для меня чувство, что я делаю не настоящую научную работу. Отчасти чувство “ученого” – настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт – а не обобщение. А тут все главное – и все новое – в обобщении. С другой

стороны, в этой работе я как-то спокойнее смотрю на окружающее, ибо я сталкиваюсь в ней с такой стороной жизни, которая сводит на нет волнения окружающего, даже в такой трагический момент, какой мы переживаем. Перед всем живым веществом мелким кажется весь ход истории. И странно я через самый грубый на первый раз материализм

²¹⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 49.

мог бы подойти этим путем и странным и очень далеким от материализма философским выводам. Их вводить не хочу, но их возможности указываю. Едва ли возможно целиком жизнь свести на физико-химическое. Но это не будет и утешением, ибо в общую схему мироздания она всё же войдет. А не этого хочет мятущийся ум. Ниночка так смешно протестует одному из выводов: не только вид (животного и растения), но и индивид отличается химически. И новые соединения – свои отличные от других – создаются в каждом индивиде и на них могут быть сведены индивидуальные свойства...» [64, с. 211]. И еще: «Чувствую себя так себе, временами головные боли и некоторая отяжелелость. Настроение тревожное и грустное, но спокойное. Как мне все здесь напоминает Нюточку! И хотя она не любила этих мест, я как-то все время [вспоминаю] ее мысли. В комнату ее я не решаюсь войти. Тяжело, – хотя я смерть принимаю как простую вещь, удел всех и свой. И мне, когда начинаю вдумываться, странным становится убивание и действенная печаль по ранее ушедшим... А все же нелегко. <...> Сейчас очень тревожно за судьбу демократии. Получатся чрезвычайно печальные результаты ее применения. Конечно, и без этого было бы плохо. Но тут полное рабство духа, и мысли, и воли. И скорее, действительно, восставшие рабы, чем граждане²¹⁸. Есть дезертиры; сейчас начинает сказываться страх перед мерами Кер[енского] и Корн[илова].²¹⁹ <...> Выборы будут совершенно случайными²²⁰. Единственное стремление: земля. И в Шиш[аках], и в Ереськах <Яреськах> выбраны пока не лучшие, а худшие и, гл[авным] обр[азом], безземельные. А более зажиточные и хозяева стоят в стороне. Кажется, начинают группироваться в партии хліборобів²²¹. Не знаю, кого больше.

²¹⁸ Из письма к Я.В. Самойлову 8 июля 1917, Бутова Кобыла: «... но я все-таки смотрю вперед очень твердо: как-то сильно чувствую внутреннюю силу и мощь России, несмотря ни на что» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 7).

²¹⁹ Имеется в виду постановление Временного правительства от 6 июля, по которому «всех виновных в призыве... к неисполнению действующих законов... предавать суду и наказывать, как за государственную измену» (Известия, 1917, 11 июля). 12 июля на фронте введена смертная казнь и учреждены «военно-революционные» суды А.Ф. Керенский с 8 июля 1917 – министр-председатель, с сохранением поста военного и морского министра; Л.Г. Корнилов – с 7 июля 1917 командующий Юго-Западного фронта, с 19 июля 1917 верховный главнокомандующий.

²²⁰ Выборы в Учредительное собрание.

²²¹ Украинская демократическо-хлеборобская партия (Українська демократично-хліборобська партія),

Украинск[ая] автономия – внешнее, но *свой язык* сейчас очень ярко выдвигается и отчасти как признак не только национальный, но и сознательно социальный и вековых столкновений с панством. Следовательно, *очень глубокий*» [64, с. 211–212].

Два дня спустя, 21 июля 1917 г., Вернадский пишет жене: «... я очень ушел это время в чисто научные проблемы, в связи с значением жизни и живого вещества в истории земли. Копошусь мыслью в самых небольших подходах к входу куда-то в здание. Но и эти подходы не расчищены. Я все-таки думаю, что я не напрасно систематически набрасываю свою работу – ясно, что если я ее окончательно обработаю и закончу – будет книга. Но странно как-то себя и весь ход человеческой истории, со всеми ее трагедиями и личными переживаниями – смотреть с точки зрения бесстрастного химического процесса природы. И она в него великолепно входит – подобно тому, как в больших числах человеческих особей мы улавливаем законности, в которых укладываются, как что-то должное и закономерное – результаты самых тонких и неуловимых колебаний человеческой души. Среди других книг, которые читаю, читаю сейчас библию. И как-то странно одновременно я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на нее смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может мыслить разное и несводимое в одно и чувствовать единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении библии» [64, с. 213].

Вернадский очень переживает за сына Георгия, решившего идти на фронт простым солдатом: «Мне хочется написать тебе несколько слов по поводу твоего последнего письма о Гуле. Мне кажется, я так ясно, и полно, и глубоко понимаю его настроение и осознаю его решение. Холодным разумом мне кажется, что он мог бы его не делать; он работает столько в связи с теперешним положением и войной, делает столько нужного дела, что не след бы ему его бросать. Но, если я от этих логических рассуждений перейду к целому, – мне кажется, я его

основана в мае 1917. Программа партии предусматривала достижение политической самостоятельности Украины, сохранение частной собственности на землю, решение земельного вопроса Украинским сеймом на основе раздела помещичьих земель на наибольшие участки и передачи их крестьянам за выкуп, а также провозглашала общие гражданские права и автокефалию религиозных конфессий на Украине.

вполне понимаю и чувствую нужность и правильность того, что он хочет сделать. Как мне лично ни тяжело это чувствовать, когда я сознаю, как мне тяжело его решение. Я эту правильность чувствую в его решении <...>. Но если идти, – то надо скорее идти не солдатом, а офицером. Это сейчас нужнее. Опять-таки, – и здесь решение идет вразрез с эгоистическими желаниями... Сейчас офицером еще страшнее²²². Впрочем, это слово не выражает моей мысли. Страх я не чувствую. Но есть известное настроение печали. Но в нем живешь и из него не выходишь. Я хочу выехать 5-го августа и надеюсь застать Гулю. Я хочу непременно его видеть перед его решением. Опять-таки, если рассуждать умом, – его делать не следует (без, м[ожет] б[ыть]), но правильно ли все решать одним умом в такой момент величайшего потрясения? У меня такое чувство, что я отдыхал без всякой нужды и сделал это напрасно. Но, конечно, нет надобности смотреть назад на то, что изменить не сможешь, сделанного не переделаешь. Чувствую себя так себе. Во всяком случае, смогу работать лучше и больше, чем работал» [64, с. 212–213]. Вернадский также продолжает думать об «украинском вопросе»: «Для Укр[аины] ясно: если правительство будет действительно сильно, Центр[альная] Рада никаких прочных корней не получит надолго, а, м[ожет] б[ыть], и совсем. Если же правительство будет слабо, – возможны самые невозможные положения с Украиной. Но сейчас среди мыслей и работы, столь далекой от текущих моментов, не могу совсем свести в порядок мысли об укр[аинском] вопросе» [64, с. 212–213].

22 июля Вернадский сообщает Н.Е. Вернадской, что хочет выехать в Петроград 5–6 августа, а также пишет: «Очень жалею, что не взял сюда Нютиных рукописей, но, м[ожет] б[ыть], все-таки мне было бы сейчас еще трудно. Надо дать пройти времени. <...> С тревогой смотрю в будущее. Я верю в силу России, но думаю, что могут быть бессознательно сделаны величайшие ошибки, которые направят ход истории в не ту сторону, в которую могут направить и, в частности, что может быть многое потеряно для человечества, что создано

²²² 11 октября 1917 Георгий Вернадский писал отцу из Перми: «На войне (и вообще на фронте) сейчас, по-моему, ужас в том, что гибнут лучшие, в частности офицеры. Мне кажется, необходимо учитывать, что надо спасать всех, кого можно, иначе ведь, если и продержится Россия – то без людей для новой жизни» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 306. Л. 63).

русской историей в форме большого единого государственного целого. Сейчас весь вопрос в силе правительства» [64, с. 215].

Из письма от 26 июля: «Очень грустное решение Гулички <Г.В. Вернадского>. Вчера я ему послал письмо в твоём²²³. Я понимаю душой его решение, но умом его разделить не могу, и всегда такие противоречия тяжелы. А нам с тобой суждено пережить то, что сейчас переживают миллионы... Ужас войны, страх за близких, личное горе и печаль в общем горе и печали. Тяжело бессилье человека бороться с этим несчастьем. Опять не все дело в логическом разуме, который видит ужас и преступление войны, но добиться иных условий существования не может, ибо жизнь строится не по разуму. <...> Прочел с величайшим интересом брошюру Реклицкого²²⁴: О земле в Полтавщине. Очень умная и чрезвычайно поучительная вещь, заставляющая думать. Хочу о ней написать в “Речь”²²⁵. <...> Хочу ехать 3-го в Полтаву, а 5-го в Петроград» [64, с. 216].

Упомянутое выше письмо В.И. Вернадского сыну, Г.В. Вернадскому, от 25 июля 1917 г. настолько интересно, что следует привести его полностью: «Дорогой мой – получил твое письмо, где ты пишешь свое решение идти в армию, о чем ты мне говорил и раньше. Мне хочется написать тебе несколько слов по этому поводу, хотя, мне кажется, ты знаешь мое мнение. Если бы я стал рассуждать об этом решении, то оно мне представилось бы таким, которого не следовало бы делать, т[ак] к[ак] по условиям жизни, от тебя не зависящим, твой образ деятельности не требует от тебя этого шага; более того, в виду важности их функций для государства профессора и определенные другие группы учителей и ученых идут на военную службу лишь в последней крайности. Такого призыва еще не было и в виду обилия людей в России – и нашей исключительной бедности учеными силами – едва ли он был бы теперь правилен. Я лично считаю это государственное решение

²²³ Очевидно, в письме к Н.Е. Вернадской.

²²⁴ Правильно – Рклицкий Михаил Васильевич (1862 или 1864 – 1929) – статистик, историк, экономист, журналист, литератор. В те годы работал в статистическом бюро Полтавской губернской земской управы, в 1925 – заведующий Облстатбюро Северной Осетии, с 1926 (?) научный сотрудник Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Имеется в виду его книжка: [222].

²²⁵ Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в 1906–1918, являлась печатным органом Конституционно-демократической партии. К сожалению, Вернадский не написал о брошюре Рклицкого.

и справедливым, и разумным. Едва ли в какой стране сейчас чувствуется недостаток учителей и ученых, как у нас в России в переживаемый момент. Из армии посылают массу учителей – и это правильно. Что же говорить о профессорах и ученых? Помимо своей обычной работы, которая должна быть теперь чрезвычайно усилена и вглубь и вширь, – они должны самым энергичным образом участвовать и в организации тыла. И я не знаю, что сейчас важнее – тыл или фронт.

Таким образом, для меня ясно, что *логически* и с *государственной точки зрения* не могу признать это решение нужным и правильным, ибо полагаю, что ты делаешь все, что от тебя можно требовать в работе в тылу и в укреплении этим фронта.

Но я признаю, что нельзя жизнь регулировать только логикой и разумом. Для отдельного человека их решения могут привести и к неправильным выводам. И я допускаю то чувство, которое должно быть у тебя: ты настаиваешь на том, чтобы люди твоего возраста и твоих сил шли на фронт, на личную опасность – сам не идя туда, т[ак] к[ак] тебя избавляет от этого государство. Несомненно, это чувство не может не иметь значения для *личного* решения, и я понимаю, что ты можешь из-за него, и чтобы подать пример нерасхождения слов и дел, пойти. Я понимаю и смогу счесть твой шаг правильным, как я не считаю ни в коем случае правильным шаг Сергея²²⁶. Мне его шаг представляется оставлением тяжелого, нужного, трудно заменимого кем-нибудь (если даже заменимого) *общего* дела из-за спокойствия *личного*. Жизнь часто ставит такие коллизии общей и личной правды и неправильно их решать только с точки зрения личной...

Вот мой дорогой, горячо любимый. Как мне ни печально твое решение – я не смогу, по совести, возражать ему и, хотя не считаю его нужным, но не могу тебя останавливать. Может быть, придется близким тебе среди страшного пережить еще более страшное. Но его переживают кругом тысячи.

Но одно для меня непонятно. Отчего надо идти в солдаты, когда сейчас особенно нужны *офицеры*. Никто не станет об этом спорить и так же ясно, что офицером не так легко быть, как солдатом. Зачем, делая такой шаг, дать меньшее, а не большее? Мне кажется, было бы

²²⁶ С.Ф. Ольденбург, который намеревался идти на фронт солдатом. От этого отговорил его А.Ф. Керенский, предложив ему пост министра народного просвещения во Временном правительстве [130].

правильным при твоём решении поступить в офицерскую школу, а не идти прямо в строй.

Пишу эти строки не для того, чтобы тебя в чем-нибудь убеждать и что-нибудь менять в твоём решении. Я считаю, что это решение человек должен принимать сам. Так я провел всю свою жизнь и никогда не любил советоваться. Но мне хочется, чтобы ты, выбирая свой путь, знал мое мнение. Нежно и горячо тебя обнимаю, мой любимый.

Любящий тебя отец

Р.С. Думаю выехать около 5.VIII» [170, с. 211–212].

Находясь в Шишаках, Вернадский продолжал заниматься делами КЕПС. Так, 18 июля 1917 г. он отправил письмо Б.А. Линденеру (тогда управляющему делами и ученому секретарю КЕПС), в котором сообщил, что послал ему «исправленную рукопись Мякинена для “Материалов”» [115, с. 508]. В данном случае речь идет о рукописи Э. Мякинена «О нахождении некоторых более редких химических элементов в Финляндии» (объем $\frac{3}{4}$ печ. л., 1 рисунок), которая готовилась к печати в «Материалах для изучения естественных производительных сил России». В этой работе рассматривались следующие химические элементы: бериллий, литий, молибден, никель, тантал, олово, торий, церий, уран, титан, вольфрам, цирконий [178, с. 27].

Вернадский также переписывался с коллегами и своими учениками. Например, в письме от 23 июля 1917 г. К.А. Ненадкевич рассказал ему о некоторых итогах своей поездки в Амурский край²²⁷. Любопытно письмо С.В. Щусева²²⁸ из Одессы, датированное 3 августа 1917 г.²²⁹:

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

²²⁷ IP НБУВ. Ф. I. № 26972. Арк. 2.

²²⁸ Щусев Сергей Викторович (1868–1928) – агроном, почвовед; магистр агрономии (Петербургский университет, 1898). Окончил Новороссийский (Одесский) университет (1892). Ассистент в Новоалександрійском институте сельского хозяйства и лесоводства (с 1894). В 1899–1902 руководил Плотнянской опытной станцией. Приват-доцент Московского университета. В 1910–1916 работал в Новороссийском университете. С 1918 жил в Молдавии. Брат известного архитектора, академика АН СССР (1943), автора проекта Мавзолея В.И. Ленина на Красной площади, четырежды лауреата Сталинской премии (1940, 1946, 1948, 1952) А.В. Щусева (1873–1949).

²²⁹ Судя по всему, Вернадский успел получить это письмо, еще находясь в Шишаках.

Неожиданно и в безнадежном уже состоянии получил Ваше письмо. Оно было для меня живительной росой на безбрежной пустыне человеческого равнодушия.

Рад буду воспользоваться Вашим предложением. Я хотел бы только несколько дополнить и изменить то, что у меня имеется. Пойти в оборот оно может тогда и под другим заглавием, напр[имер], “Личность М. В. Ломоносова и его забытый натурализм”²³⁰. Когда это случится, не знаю, т[ак] как у меня много дел личного характера, но все-таки думаю, что долго не задержусь.

Ваше письмо пришло с Бутовой Горы, а не <из> Вернадовки, но я не знаю места нахождения этой “Горы”.

Читаем в газетах, будто Вы назначены председателем Ученого Комитета Мин[истерства] Земл[еделия], только не знаю, так ли это. Вы бы мне могли помочь, поддержать и даже устроить, т[ак] как журнал “Сельское хоз[яйство] и лесоводство”²³¹, где я сотрудничаю, до сих пор не дает знать о себе и не печатает меня.

Кстати, академик Ольденбург назначен Министром н[ародного] просв[ещения]. Вот если бы он помог мне довести до желаемого конца дело, материал по которому в изобилии находится в Министерстве!

Ректор Московского университета М.К. Любавский²³² выдал мне аттестат, неверно и с пропусками составленный, а я до сих пор не могу получить другого, правильного.

²³⁰ Очевидно, Вернадский задумывал какое-то издание, посвященное М.В. Ломоносову, жизнью и творчеством которого он всегда интересовался.

²³¹ Выходил в Петербурге (Петрограде) в 1841–1918; в 1841–1864 издавался (сначала раз в два месяца, с 1843 – ежемесячно) как «Журнал Министерства государственных имуществ» (т. 1 – т. 87), с 1865 (с т. 88) – журнал «Сельское хозяйство и лесоводство». В 1865–1894 (тт. 88–175) – журнал Министерства государственных имуществ; в 1894–1905 (тт. 176–217) – журнал Министерства земледелия и государственных имуществ; в 1905–1915 (тт. 218–248) – журнал Главного управления землеустройства и земледелия; в 1915–1917 (тт. 249 – 255) – журнал Министерства земледелия (в 1917, тт. 253–255, в надзаголовке: Министерство земледелия, Сельскохозяйственный ученый комитет). В 1918 (тома 256–258) в надзаголовке: Комитет земледелия, Сельскохозяйственный ученый комитет. В журнале, кроме официальных документов правительства и министерства, печатались статьи по вопросам сельского хозяйства, статистике, зарубежной экономики, политической экономии; помещались хроника и различные известия.

²³² Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – историк, член-корреспондент (1917) РАН и академик (1929) АН СССР. Ректор Московского университета (1911–1917). Автор трудов по истории, исторической географии, историографии

Кроме того, отношение мое и к Московскому, и к Новороссийскому университету недостаточно ясно, т. к. я не знаю, могу ли на них рассчитывать хоть в будущем. За предоставление мне какой-ниб[удь] платной работы еще я был бы очень благодарен, т[ак] как при том вознаграждении, которое получаю, не могу обойтись без братской поддержки.

Поклонитесь от меня Вашей дочке и скажите, чтобы она похлопотала обо мне перед папой. <...>

P.S. Неужели Петербург позволит, чтобы с бывшим царем за его самоотречение, хотя, быть может, и вынужденное, обращались, как с ссыльным? От всего того, что делается, мое сердце истекает кровью. Вот когда делается особенно близкой родина! Неужели будет допущен еще и этот позор и жестокость?! Неужели и дворянство за это?! Объясните мне все как натуралист и государственный человек. Скажите, что это нужно и что я заблуждаюсь. <...> [72, с. 459–460].

«В конце июля», как позже вспоминал Вернадский, он «получил телеграмму от Сергея Ольденбурга с предложением занять должность товарища министра <народного просвещения в новом составе Временного правительства> и не имел мужества отказаться²³³, т[ак] к[ак] признавал свой долг не оставлять людей, партию в общем деле» [289, с. 91]. Указанная телеграмма, судя по всему, не сохранилась; точная дата ее получения не известна. Тем не менее можно предположить следующее.

Новый состав Временного правительства, в котором С.Ф. Ольденбург занял пост министра народного просвещения, был объявлен 25 июля 1917 г.²³⁴ Есть все основания полагать, что телеграмму Вернадскому – с предложением стать его заместителем – Ольденбург направил до этой даты. Как указано выше, 22 июля Вернадский сообщил

России и Литвы до конца XVI в. Арестован 9 августа 1930 по обвинению в причастности к «контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» («Академическое дело»)), 8 августа 1931 Коллегией ОГПУ «осужден к высылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет». Посмертно реабилитирован.

²³³ «Вопросы правильной организации научной и ученой работы меня <...> всегда глубоко интересовали. <...> я не мог морально отказаться от предложения С.Ф. Ольденбурга, хотя чувствовал всю непрочность положения дел. Можно было все-таки надеяться, что что-нибудь можно сделать, в чем я и не ошибся. Я принял его предложение» [62, с. 373].

²³⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 25 июля, № 113, с. 1.

жене, что хочет выехать в Петроград 5–6 августа, а 26 июля уточнил, что хочет 3-го августа ехать в Полтаву, а 5-го в Петроград. Каких-либо причин столь спешно уехать из Шишаков, где он столь увлеченно и продуктивно работал над биогеохимическими проблемами, кроме указанного предложения своего друга, у Вернадского не было. Отсюда следует, что телеграмму Ольденбурга он получил и ответил своим согласием не ранее 22 июля 1917 г.

В заключение отметим, что учение о живом веществе и его геохимической роли, основы которого во многом были заложены в июле 1917 г., является выдающимся результатом научного творчества академика В.И. Вернадского, имеет фундаментальное научное и прикладное значение и играет огромную роль в становлении научной картины мира²³⁵.

Необходимо отметить, что проблемы геологического и геохимического значения живого вещества в той или иной мере интересовали Вернадского уже со студенческих лет [291]. Он, в частности, писал, что «подошел к проблеме о влиянии жизни в химии земной коры давно, еще во времена <...> преподавания минералогии в Московском университете, еще в конце прошлого <т. е. XIX – Е.Я.> века» [289, с. 240]. Из письма (27 июня 1908 г.) Вернадского сыну (Г.В. Вернадскому): «Мысль занята новой областью, которую охватываю – о количестве живой материи и соотношении между живым и мертвым. С некоторой жутью и недоумением я все-таки вхожу в эту новую для меня область, так как, кажется, вижу такие стороны вопроса, которые до сих пор никем не были увидены. Мне удастся здесь подойти к новым явлениям» [163, с. 172]. Месяц спустя, 22 июля 1908 г., Вернадский сообщил Я.В. Самойлову, что «многое последнее время обдумываю в связи с вопросом о количестве живого вещества, о чем я говорил Вам раньше. Читаю по биологическим наукам. Масса для меня любопытного. Получаемые выводы заставляют меня задумываться. Между прочим – выясняется, что количество живого вещества в земной коре есть величина неизменная. Тогда жизнь есть такая же вечная часть Космоса, как энергия и материя? В сущности, ведь, все рассуждения о приносе “зародышей” на Землю с других небесных тел в основе своей имеют тоже предположение о вечности жизни? Ну, да об этом в другой раз – но мысль все время занята этими вопросами...» [289, с. 86].

²³⁵ Об основных положениях учения Вернадского о живом веществе и истории их становления см.: [285, 286, 289, 291–293].

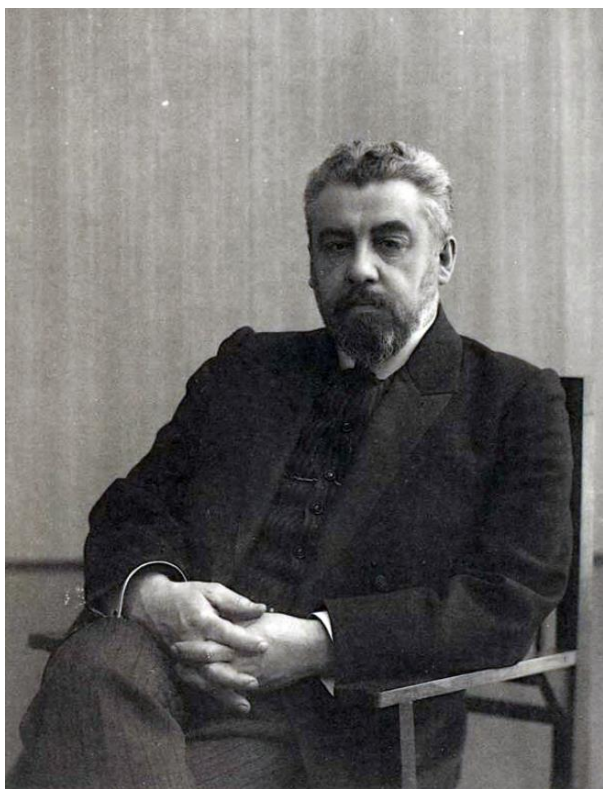
Всецело проблемы биогеохимии захватили его «с конца 1916 г. и начала 1917 г. и которые могут быть сведены к одной проблеме – к количественному изучению, физическому и химическому, явлений жизни в тех ее проявлениях, которые обычно оставляются без рассмотрения, но которые, по моему мнению, глубочайшим образом важны и неразрывно связаны с историей нашей планеты и с механизмом ее верхних оболочек» [289, с. 239]. К лету 1916 г., когда Вернадский находился в Шишаках, относится начало его особенно интенсивной работы по проблеме живого вещества (уже как совокупности организмов, участвующих в геохимических процессах). В это время он «решился систематически приступить к синтезу давно обдумываемых исканий и начал систематический подбор материала и письменную обработку первых основных положений» [50, с. 7]. Здесь, в Шишаках, Вернадский, по его словам, переживал высокий творческий подъем и начал развивать идеи, связанные с живым веществом. «Явно и определенно подходил к живому веществу и к биосфере, <понимание> которых сложилось к 1916 г.» [65, с. 216]. «С лета 1916 г. я начал систематически знакомиться с биологической литературой на химической и химико-геологической основе и вырабатывал основные принципы биогеохимии» (из письма В.А. Обручеву 22 октября 1942 г.) [244, с. 281]. Уже «к началу 1917 года сложились те основные положения, развитию и разработке которых я посвятил затем эти последние годы моей жизни» [289, с. 241].

Тем не менее именно с июля 1917 г. «работа над биогеохимией осталась» его «главным делом, размышления над ней и чтение, связанное с ней, наполняли» его «главное время. Начало рукописи я повез с собой в Ленинград <Петроград>» [289, с. 91]

Вернадский уезжал из Шишаков с надеждой «хоть что-нибудь сделать» на новой для него работе в Министерстве народного просвещения и увозил с собой «начало рукописи» о биогеохимии и живом веществе.

В МИНИСТЕРСТВЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Во Временном правительстве Министерством народного просвещения (МНП) руководили: доктор политической экономии, профессор

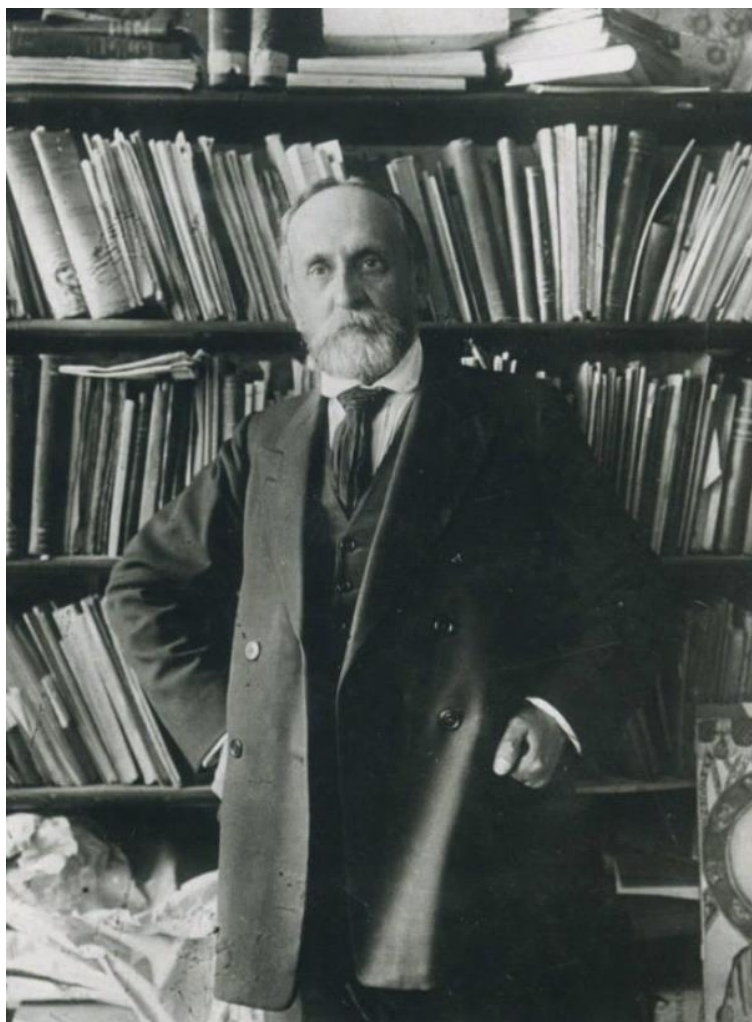
А.А. Мануйлов, 1911 г.

А.А. Мануйлов – с 2 марта 1917 по 24 июля 1917 г.; академик С.Ф. Ольденбург – с 26 июля 1917 по 31 августа 1917 г.; доктор медицины, профессор С.С. Салазкин – с 3 сентября 1917 по 25 октября 1917 г. С Мануйловым и Салазкиным Вернадский был близко знаком, с Ольденбургом дружил со студенческой скамьи.

14 апреля 1917 г. при МНП была создана Комиссия по ученым учреждениям и предприятиям под председательством академика В.И. Вернадского [235]²³⁶. В ее состав вошли академики Н.С. Курнаков и С.Ф. Ольденбург, член-корреспондент М.И. Ростовцев (избран академиком 15 апреля 1917 г.), профессора Д.С. Рождественский и Г.В. Хлопин, представитель МНП В.В. Половцев, секретари Б.А.

²³⁶ До 1 ноября 1917 Комиссия провела 23 заседания, а также 4 совместных собрания с представителями Академии наук по вопросу об организации съезда представителей научных обществ и учреждений [235]. На этот съезд, который решено было организовать в Москве, планировали пригласить представителей следующих петроградских научных обществ: Российское минералогическое общество, Русское географическое общество, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете, Русское техническое общество, Общество изучения Сибири, Медицинское общество, Русское общество хирургов им. Пирогова, Русское общество охраны народного здоровья, Петроградское центральное сельскохозяйственное общество, Северное сельскохозяйственное общество, Юридическое общество при Петроградском университете, Вольное экономическое общество, Русское историческое общество. В то время научные общества рассматривались как полноправные элементы будущей системы организации отечественной науки.

Линденер и А.В. Шмидт. Основная задача Комиссии заключалась в организации государственной помощи и содействия научным исследовательским работам в России, на ее заседаниях обсуждались различные организационно-правовые документы, штаты научных учреждений и предприятий, библиотек и др.

С.Ф. Ольденбург (1863–1934)

Особое внимание на этом и последовавших затем заседаниях Комиссии уделялось реорганизации Российской публичной библиотеки (РПБ)²³⁷. С этой целью была даже создана специальная подкомиссия под председательством Вернадского, на заседание которой, 31 мая 1917 г., были приглашены директор РПБ Д.Ф. Кобеко, заведующие ее

Так, на заседании Комиссии, 14 апреля 1917 г., обсуждались вопросы реорганизации Петроградской (Российской) публичной библиотеки, Московского Румянцевского музея и его Библиотеки, создания новых научных учреждений: Кавказского историко-археологического и Платиновского институтов, Института физико-химического анализа, Глиняно-керамического института, наблюдательной станции на Кара-Богаз-Голе и «учреждения для исследования эфирных масел и лекарственных растений» [140, с. 40].

²³⁷ Надо отметить, что Вернадский основательно готовился к заседаниям, посвященным реорганизации библиотеки. Так, в его архиве сохранилось письмо А.И. Калишевского от 12 мая 1917, в котором последний рассказывает Вернадскому об организации библиотечного дела в зарубежных странах (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 58–59).

отделами и другие сотрудники Библиотеки, академики М.А. Дьяконов, А.А. Шахматов и др. Были рассмотрены и затем утверждены представленные РПБ проекты статей к своду законов (общие положения), положения о Совете РПБ и о Хозяйственном комитете библиотеки²³⁸.

С.С. Салазкин (1862–1932)

15 апреля 1917 г. Вернадский обратился к директору Румянцевского музея В.Д. Голицыну с письмом, в котором просил сообщить, какие меры, по мнению руководства Музея, могли бы быть полезны для улучшения положения его Библиотеки. Он, в частности, сообщил, что под его «председательством образована при Министерстве народного просвещения Комиссия по ученым учреждениям и организации научной работы в России. В числе дел, какие мы пересматривали в

первую очередь, является вопрос о расширении штатов и новом уставе Публичной библиотеки в Петрограде. Мне кажется, что положение Московской публичной библиотеки требует не меньших изменений и, в частности, наряду с вопросами и требованиями, которые могут быть отложены до Учредительного собрания и позже, еще ряд совсем неотложных нужд, которые настоятельно требуют мер и вниманий ныне же. Как старый москвич и благодаря заседаниям комиссии, бывшей до войны, я знаю, в каком недопустимом состоянии находится эта библиотека и какие нищенские средства ей отпущены. Не думаете ли Вы, что было бы правильно ныне же выдвинуть и обсудить вопрос о том, какие меры, — не ожидая далекого будущего, должны быть выдвинуты ныне же для улучшения дела. Вопрос этот мог бы быть выдвинут в

²³⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 56. Эти проекты см. — АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 60–63. Л. 64–65.

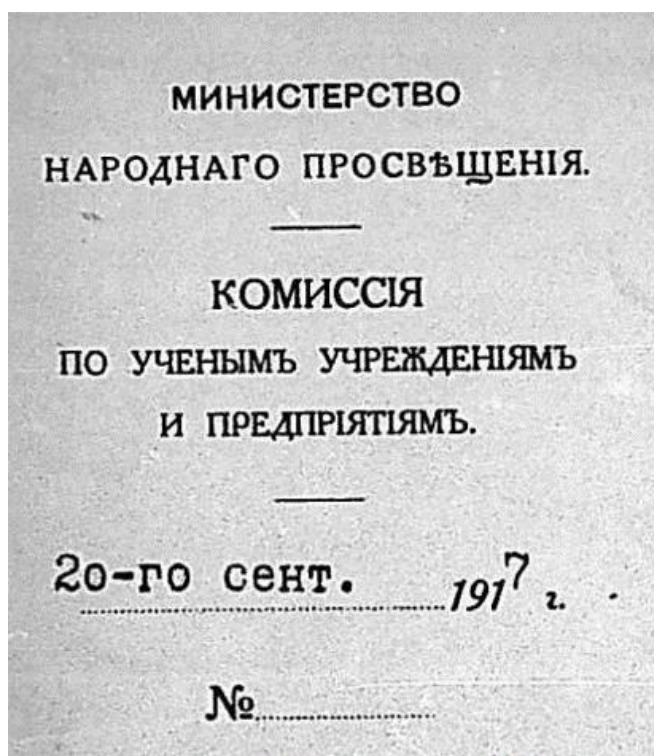
комиссии под моим председательством и немедленно двинут. Я считаю, что теперь в новой России и в связи с задачами переживаемого времени государственные библиотеки постоянно требуют и огромного внимания, и немедленной поддержки, и расширения. Я был бы очень рад иметь Ваше мнение по этому вопросу, равным образом желал бы получить от Вас по этому поводу официальных материалов и исторические записки. Отчеты музея имею и с ними знаком» [105, с. 585–586]. 20 апреля 1917 г. Ю.В. Готье, тогда замещавший директора Румянцевского музея, на очередном заседании Совета Музея проинформировал своих коллег о письме Вернадского и предложил к обсуждению два вопроса: нужды собственно Библиотеки и нужды всего Румянцевского музея как целого. В результате Совет принял решение послать в возглавляемую Вернадским Комиссию материалы, освещающие нужды и пожелания Библиотеки, а затем переслать и материалы, касающиеся всего Румянцевского музея.²³⁹

5 июня 1917 г. на заседании подкомиссии о РПБ обсуждались: 1) представление Совета Общества библиотекосведения министру народного просвещения о необходимости реорганизации Управления РПБ путем введения в состав ее Совета представителей от биологических обществ, обществ библиотекарей и общественных организаций и расширения функций Совета Библиотеки; 2) проект штатов Публичной библиотеки. Было решено внести определенные поправки в проект устава Библиотеки и просить Российскую публичную библиотеку совместно с секретариатом Комиссии разработать проект законодательного положения о РПБ. Рассматривались также особенности финансирования и организационные вопросы деятельности Библиотеки. Новый штат РПБ планировалось ввести с 1 июля 1917 г. Намечено отпустить из средств Государственного казначейства в 1917 г. на содержание РПБ 256990 рублей, а с 1 января 1918 г. – на те же нужды – 406880 рублей²⁴⁰.

²³⁹ К сожалению, предложения об улучшении положения библиотеки Румянцевского музея Комиссией по ученым учреждениям не имели продолжения, из-за событий Октябрьской революции деятельность этой Комиссии прекратилась. Тем не менее многие идеи Вернадского, связанные с развитием и организацией образования и научных исследований в стране, были воплощены в жизнь уже при советской власти.

²⁴⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 55, 57.

3 июня 1917 г. под председательством Вернадского состоялось экстренное заседание Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям МНП²⁴¹. Присутствовали члены Комиссии: академики Н.С. Курнаков и С.Ф. Ольденбург, профессор Д.С. Рождественский, а также приглашенные: академик И.П. Бородин, профессор Ф.К. Волков, редактор журнала «Русская старина» П.Н. Воронов, приват-доцент Д.И. Дейнека, академик М.А. Дьяконов, профессор А.А. Иванов, Н.А. Морозов, Н.А. Рябинин, профессор Б.В. Фармаковский, С.О. Цыбульский, представитель МНП В.И. Исаев и секретари Б.А. Линденер и А.В. Шмидт. Обсуждался вопрос о возможности продолжения печатания научных книг и периодических изданий в связи с переживаемым типографским кризисом. После продолжительных прений, в которых вопрос был всесторонне рассмотрен, постановили признать: 1) прекращение печатания научных трудов хотя бы на короткое время безусловно губительным для развития русской культуры; 2) необходимой для поддержания научно-издательского дела в России, наряду со всеми

Фрагмент бланка Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям

другими мерами, широкую государственную помощь.

На заседание этой же Комиссии 16 июня 1917 г. обсуждался проект штатов Российской публичной библиотеки, выработанный Библиотекой и рассмотренный Подкомиссией о РПБ в составе председателя В.И. Вернадского, директора Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко, помощника директора Э.Л. Радлова, зав. отделениями И.А. Бычкова и И.И. Яковкина, академиков М.А. Дьяконова и С.Ф. Ольденбурга, зав. рукописным отделением Библиотеки Академии наук В.И. Срезневского, библиотекаря Петро-

градского университета М.И. Кудрявцева, представителей Общества библиотекосведения П.М. Богданова и Русского биологического

²⁴¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 40.

общества А.М. Ловягина. Решено проект штатов принять и выразить пожелание о поручении РПБ разработать мероприятия, необходимые для: 1) ускорения техники выдачи книг в читальном зале, 2) составления сводного каталога иностранных книг, 3) представления директору и библиотекарям квартир в непосредственной близости от библиотеки, 4) скорейшего расширения здания библиотеки, 5) обеспечения нештатных служащих на случай старости и болезней. Затем – уже в отсутствии представителей Библиотеки – рассматривались ходатайства ученых учреждений, обществ и отдельных лиц о пособиях²⁴².

На заседание Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям, состоявшегося 21 июня 1917 г., обсуждали ходатайства ученых учреждений, обществ и отдельных лиц об отпуске субсидий на научные предприятия. В частности, было поддержано ходатайство профессора Бехтерева о субсидии на учреждение и содержание рефлексологической лаборатории при Психоневрологическом институте на сумму 82000 рублей, а также ходатайства Петроградской и Ярославской ученых архивных комиссий (по 1000 руб.)²⁴³.

23 июня 1917 г. указанной Комиссией также рассматривались ходатайства ученых обществ, учреждений и отдельных лиц о пособиях на научные предприятия. В общей сложности удовлетворили ходатайства на сумму 343752 руб., в том числе 73400 руб. «на издание трудов и другие текущие нужды» 21-му ученому обществу и Русскому географическому обществу «на работы по составлению этнографической карты», 61160 руб. – Академии наук, 14500 руб. – университетам и другим высшим учебным заведениям, 93312 руб. 67 коп. – научным институтам, исследовательским станциям, комиссиям, музеям, 12-ти журналам, международным союзам и отдельным лицам.²⁴⁴

13 сентября 1917 г. под председательством Вернадского состоялось совместное заседание Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям и представителей Академии наук, на котором обсуждались вопросы, касающиеся созыва Всероссийского съезда ученых обществ, издания трудов, охраны рукописных собраний и др. [140].

С апреля по октябрь 1917 г. при поддержке Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям «в законодательном порядке» были созданы первые исследовательские институты Академии наук: Институт

²⁴² АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 22.

²⁴³ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 41.

²⁴⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 70–75.

физико-химического анализа, Институт по изучению платины и других благородных металлов, Кавказский историко-археологический институт. На заседаниях Комиссии рассматривались планы создания академий наук на Украине, в Грузии и в Сибири. Комиссия вела подготовку съезда «ученых деятелей России» в целях создания Всероссийской ассоциации ученых, а также съезда представителей научных учреждений и высших учебных заведений, задачей которого была организация Союза ученых учреждений и высших учебных заведений России. К сожалению, ни один из указанных съездов не состоялся.

Академик В.И. Вернадский был также избран в состав Комиссии по реформе высших учебных заведений и принимал в ее работе довольно активное участие. Председатель Комиссии – М.М. Новиков, члены Комиссии: товарищи министра народного просвещения Д.Д. Grimm и П.И. Преображенский, А.А. Воронов, С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс, М.Я. Пергамент, А.В. Васильев, Б.А. Попов. А.И. Астров, Я.Я. Гуревич, представитель Департамента народного просвещения и представитель Отдела промышленных училищ²⁴⁵.

В период с 21 марта по 10 июня 1917 г. Комиссия по реформе высших учебных заведений провела 20 заседаний: 21 и 28 марта, 6, 11, 13, 20, 25 и 27 апреля, 2, 4, 9, 16, 18, 23, 25 и 30 мая 1, 6, 8 и 9 июня²⁴⁶. На этих заседаниях рассматривались вопросы (законопроекты) об учреждении университетов в Перми и Ростове-на-Дону, Тифлисского политехнического института, Женского педагогического института в Петрограде, Женского педагогического института Самарского губернского земства, об улучшении материального положения младших преподавателей университетов, о некоторых изменениях узаконений о Клиническом институте великой княгини Елены Павловны и др., а также проспект съезда по реформе высшей школы и проспект совещания по реформе высших учебных заведений²⁴⁷. Кроме того, на

²⁴⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 94.

²⁴⁶ Много лет спустя М.М. Новиков укажет, что в течение семимесячного периода своего существования Комиссия «имела 64 заседания и подвергла обсуждению 61 вопрос» [177].

²⁴⁷ В архиве Вернадского сохранился набросок вопросов, который он составил 9 апреля 1917, очевидно, при подготовке к одному из заседаний Комиссии по реформе высших учебных заведений. В этом «наброске» речь идет о «пополнении членов Комиссии», о создании «сети высших школ», о «съезде представителей высших школ», об «объединении всех высших школ в одном ведомстве», о «новых уставах», об «издании сводки по высшему образованию России», о

рассмотрении Комиссии находились проект закона об учреждении медицинского факультета в Петрограде, вопрос об отношении к студенческим организациям, проект положения о статистическом институте, проект о Таврическом институте в Симферополе²⁴⁸, записка академика Н.И. Андрусова о реформе преподавания геологии в университетах и др. К рассмотрению на Комиссии также были намечены такие вопросы, как реформа фармацевтического образования, учреждение географического института в Киеве, университета в Воронеже, политехнического института в Саратове и др.²⁴⁹

На заседании Комиссии 28 марта Вернадский совместно с С.Ф. Ольденбургом выступил с докладом по вопросу организации Тифлиского политехнического института с четырьмя факультетами – химическим, сельскохозяйственным, гидромеханическим и экономическим [163]. Комиссия приняла постановление об учреждении в Тифлисе такого института. 11 апреля рассматривался вопрос об организации университета в Перми. По рекомендации Комиссии, 1 июля Временное правительство издало постановление об учреждении в Тифлисе Кавказского историко-археологического института [191, с. 233]. На осень 1917 г. Комиссией намечался созыв Съезда по реформе высшей школы. Предполагалось, что в работе Съезда, на котором планировалось обсудить очень широкий круг вопросов, будут участвовать представители правительственных и частных высших учебных заведений всех наименований и всех ведомств.²⁵⁰

12–16 июня 1917 г. в Петрограде (при МНП) состоялось Совещание представителей высших учебных заведений России, посвященное реформированию высшей школы, примирению различных общественно-политических течений в них и уравниванию в правах всего профессорско-преподавательского корпуса²⁵¹ [138]. Первое заседание состоялось 12 июня 1917 г. в здании 6-й гимназии у Чернышева моста,

создании и деятельности медицинских учебных учреждений и о необходимости изменения медицинского преподавания и др. (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 339. Л. 212–212 об.).

²⁴⁸ Позже, будучи товарищем министра народного просвещения, Вернадский вел переписку с крымскими профессорами по поводу открытия Таврического университета (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 73. Л. 7–8; д. 96. Л. 1).

²⁴⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 94–95.

²⁵⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 87–89.

²⁵¹ В письме Ферсману 9 июня 1917 Вернадский называет это совещание «съездом», где ему «приходится работать довольно много» [196, с. 91].

Вернадский выступил с докладом о положении младших преподавателей в высших учебных заведениях.²⁵² На этом заседании также рассматривались вопросы организации советских комиссий, финансовое положение университетов и других высших учебных заведений, условия учебных занятий в предстоящем учебном году, а также были пересмотрены некоторые статьи университетского устава.

В архиве Вернадского сохранился набросок тезисов «О праве участия младших преподавателей в заседаниях Факультета и Совета», датированный им 1917 г. Судя по всему, эти тезисы он набросал к указанному выше совещанию по реформе высших учебных заведений, созванному при МНП. Приведем их полностью:

«1. Вопрос о положении разных категорий ученого персонала университетов, именуемых младшими преподавателями, и при автономном строе должен быть решен общим законом, что не исключает установлений Совета.

~~2. Необходимо отказаться от совершенно неправильного признания существования особой единой коллегии младших преподавателей, противопоставляемой коллегии профессоров, ибо по существу дела таковой особой коллегии нет и быть не может.~~²⁵³

3. Необходимо признать, что в настоящее время правовое положение младших преподавателей неудовлетворительно, так как права, им предоставленные, не отвечают тем обязанностям, которые на них возлагаются по отношению к преподаванию.

4. В высшей школе можно различить следующие две, чрезвычайно отличные одна от другой, категории младших преподавателей: I. приват-доценты (и преподаватели), II. Помощники профессоров разного наименования.

5. Приват-доценты и преподаватели могут быть разделены на следующие четыре группы: I. Приват-доценты, имеющие ученые степени, нередко известные ученые с большим именем и крупными научными трудами, читающие лекции по собственному желанию и выбору, II. Приват-доценты, читающие обязательные или рекомендуемые (основные или паралл[ельные]) курсы. III. Приват-доценты, не имеющие ученых степеней, читающие необязательные курсы или ведущие обязательные или необязательные практические занятия, IV. Лекторы новых языков и преподаватели других языков.

²⁵² АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 107.

²⁵³ Зачеркнуто В.И. Вернадским.

Первый состав Временного правительства

Из этих групп лишь первые две могут пользоваться правом решающего голоса в факультете. При этом число приват-доцентов, получающих право решающего голоса в факультете, не должно превышать числа профессоров данной кафедры, так как иначе факультеты потеряют из-за многолюдности всякую работоспособность, и профессора в них лишатся того значения, которое они должны иметь в соответствии с их университетской работой.

Приват-доценты первой категории, получающие право решающего голоса, избираются факультетом, приват-доценты второй категории получают право решающего голоса в порядке старшинства принадлежности данной категории по отношению к каждой кафедре.

Тезис этот отвечает мнению лишь части членов Комиссии, другая же часть полагает, что введение доцентуры в университеты делает излишним участие приват-доцентов в факультете с решающим голосом.

6. Признание права участия всех приват-доцентов в заседании факультета с правом совещательного голоса принадлежит самим факультетам.

7. Приват-доценты члены факультета в известном числе в каждом факультете, напр[имер] $\frac{1}{4}$, имеют право участия в заседаниях Совета с правом решающего голоса в порядке старшинства их пребывания на факультете. Участие большого числа приват-доцентов в Совете с правом решающего голоса было бы нецелесообразным, так как при многолюдности Советы станут неработоспособными.

8. По отношению ко второй категории младших преподавателей (лаборанты, ассистенты и т. д.) желательно допустить их представительство в факультетах с правом решающего голоса примерно в количестве трех лиц на факультет, избираемых всеми представителями данной категории, имеющими отношение к определенному факультету».²⁵⁴

1 августа 1917 г. на заседании Временного правительства принято решение назначить «ординарного академика Российской академии наук, председателя Ученого комитета Министерства земледелия, доктора минералогии и геогнозии, Владимира Вернадского – товарищем министра народного просвещения, с оставлением в занимаемых должностях» [11, с. 221]²⁵⁵.

²⁵⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 97–98. Машинопись.

²⁵⁵ Согласно [242, с. 160], Вернадский значился в списке лиц, служащих в Центральном управлении Министерства народного просвещения, товарищ

Соответствующий указ Временного правительства был опубликован в «Вестнике Временного правительства» 11 августа 1917 г.: «Ординарный академик Российской Академии наук, председатель Ученого комитета Министерства земледелия, доктор минералогии и геогнозии Владимир Иванович Вернадский назначается товарищем министра народного просвещения с оставлением в занимаемых должностях. Подписал: Министр-председатель А. Керенский. Скрепил: Министр народного просвещения С. Ольденбург. 1 августа 1917 года»²⁵⁶. Надо отметить, что в газетах сообщение о том, что «ординарный академик Российской Академии наук, председатель Ученого комитета Министерства земледелия, доктор минералогии и геогнозии В.И. Вернадский назначается товарищем министра народного просвещения с оставлением в занимаемых должностях», появилось еще раньше²⁵⁷.

Товарищами министра народного просвещения были также назначены графиня С.В. Панина (14 августа 1917 г.)²⁵⁸ и попечитель Киевского учебного округа Н.П. Василенко²⁵⁹ (19 августа 1917 г., сообщение об этом назначении опубликовано 20 августа 1917 г.²⁶⁰, а соответствующий указ Временного правительства – 5 сентября 1917 г.²⁶¹).

Указы Временного правительства Правительствующему сенату о назначении Вернадского и Паниной были также напечатаны в «Журнале Министерства народного просвещения»:

- «ординарный академик Российской Академии наук, председатель Ученого комитета Министерства земледелия, доктор минералогии и геогнозии, Владимир Иванович Вернадский – назначается

министра народного просвещения. Он – доктор минералогии и геогнозии, действительный статский советник, одновременно – директор Геологического и Минералогического музея; в службе с 19 марта 1886, в ведомстве с 22 ноября 1890, в настоящем чине с 1 января 1911, в настоящей должности с 3 марта 1911; имеет орден Анны второй степени и орден Станислава второй степени; православный, ему 63 года, дворянин, женат, есть имение в Тамбовской губернии, год рождения сына – 1887, дочери – 1898.

²⁵⁶ Вестник Временного правительства, 1917, 11 августа, № 128, с. 3.

²⁵⁷ См., например, газету «Новое время» за 5 августа 1917. В некоторых современных публикациях эту дату – 5 августа 1917 г. – ошибочно называют началом работы Вернадского в качестве товарища министра народного просвещения.

²⁵⁸ Вестник Временного правительства, 1917, 17 августа, № 132, с. 2.

²⁵⁹ Именно в это время Вернадский близко познакомился с Василенко. Это знакомство переросло в многолетнюю дружбу.

²⁶⁰ Вестник Временного правительства, 1917, 20 августа, № 135, с. 3.

²⁶¹ Вестник Временного правительства, 1917, 5 сентября, № 146, с. 2.

товарищем министра народного просвещения, с оставлением в занимаемых должностях. Подписал: министр-председатель А. Керенский. Скрепил: министр народного просвещения С. Ольденбург. 1-го августа 1917 года» [256, с. 51];

- «графиня С.В. Панина назначается товарищем министра народного просвещения. Подписали: заместитель министра-председателя Н. Некрасов. Министр народного просвещения Сергей Ольденбург. 14-го августа 1917 года» [256, с. 52].

Следует отдать должное Вернадскому – к своим обязанностям товарища министра народного просвещения он отнесся очень добросовестно, и его деятельность на этом посту в течение почти трех месяцев была довольно интенсивной и продуктивной, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы²⁶². Больше того, Вернадскому поручалось – на время нахождения министра С.Ф. Ольденбурга в служебных командировках – управление Министерством народного просвещения (см., например, приказ № 124 от 11-го августа 1917 г. по Министерству народного просвещения: «На время отъезда моего из гор. Петрограда в гор. Москву поручаю управление Министерством народного просвещения товарищу министра народного просвещения, ординарному академику Владимиру Ивановичу Вернадскому. Подписал: Министр народного просвещения С. Ольденбург»²⁶³, или приказ от 28-го августа 1917 года № 142 по Министерству народного просвещения: «На основании распоряжения министра народного просвещения от 27-го августа сего года я вступил с сего же числа в временное управление Министерством народного просвещения впредь до возвращения в Петроград товарища министра Павла Ивановича Преображенского. Подписал за министра народного просвещения, товарищ министра В. Вернадский»²⁶⁴). В конце августа – начале сентября 1917 г. Вернадский являлся временно управляющим Министерством народного просвещения, о чем свидетельствуют его подписи на указах Временного правительства²⁶⁵. Например, указ Временного правительства от 28 августа 1917 г. об увольнении (по болезни) ректора и заслуженного

²⁶² См., например, АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 165, 167, 171, 173.

²⁶³ Вестник Временного правительства, 1917, 12 августа, № 129, с. 2.

²⁶⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 29 августа, № 142, с. 2.

²⁶⁵ 31-го августа 1917 был подписан указ Временного правительства: «Министр народного просвещения Сергей Ольденбург – освобождается, согласно заявлению, от возложенных на него обязанностей по означенной должности» (Вестник Временного правительства, 1917, 16 (29) сентября, суббота).

ординарного, вне штата, профессора Юрьевского университета, доктора уголовного права П. Пусторослева «от первой из означенных должностей, согласно прошению, по болезни с 3-го августа», подписал: министр-председатель А. Керенский. Скрепил: Временно управляющий Министерством народного просвещения В. Вернадский²⁶⁶. Как товарищ министра просвещения Вернадский участвовал в заседаниях Временного правительства, например, 12 августа 1917 г. [11, с. 284].²⁶⁷ Вернадский – за министра народного образования – неоднократно подписывал приказы и циркуляры по Министерству народного просвещения, связанные с административными назначениями, перемещениями по службе или увольнениями тех или иных лиц (назначение попечителями, директорами и преподавателями гимназий, училищ, об утверждении приват-доцентов Петроградского университета, профессоров Пермского, Томского, Казанского, Саратовского и Московского университетов, университета св. Владимира, Московского коммерческого института и др.)²⁶⁸. Например, приказом от 28 сентября 1917 г. № 178 Вернадский утвердил приват-доцента Московского университета доктора русской истории А.И. Яковлева сверхштатным экстраординарным профессором Московского университета по кафедре русской истории²⁶⁹.

26 августа 1917 г. Вернадский обсуждал с директором РПБ Д.Ф. Кобеко подготовку к отправке из Петрограда наиболее ценных рукописей, находящихся в рукописном отделении Публичной библиотеки [213].

Как помощник министра народного просвещения Вернадский оказывал содействие в назначении профессоров в университеты²⁷⁰. Так, 29

²⁶⁶ Вестник Временного правительства, 1917, 17 сентября, № 155, с. 3.

²⁶⁷ Отметим, что на заседании Временного правительства 17 августа 1917 было принято решение, что товарищи министров в деловых заседаниях Правительства участвуют, в политических и закрытых заседаниях – они не участвуют (только по приглашению) [267].

²⁶⁸ См., например, Вестник Временного правительства, 1917, 30 сентября, № 165; 6 октября, № 170; 7 октября, № 171; 12 октября, № 175; 21 октября, № 183, а также года [206, с. 106, с. 110, с. 111].

²⁶⁹ Вестник Временного правительства, 1917, 7 октября, № 171, с. 3. О творческой и духовной дружбе между академиком В.И. Вернадским и русским историком А.И. Яковлевым см.: [Янин, 2023].

²⁷⁰ 1-го июля 1917 вышло постановление Временного правительства «О подчинении высших учебных заведений <как государственных, так и частных> Министерства народного просвещения непосредственно министру народного

августа 1917 г. он получил телеграмму от ректора Томского университета Сапожникова: «Пилипенко перешел <в> Саратов<.> Просьба рекомендовать минералога. Ректор Сапожников»²⁷¹. 26 октября 1917 года по рекомендации В. И. Вернадского²⁷² С.М. Курбатов был избран профессором и заведующим кафедрой минералогии и геологии Томского университета, возглавлявший ее с 1917 по 1922 г.

С.В. Панина (1871–1956)

В сентябре 1917 г. по предложению министра народного просвещения С.Ф. Ольденбурга и товарища министра В.И. Вернадского С.Л. Франк переехал в Саратов, где возглавил историко-филологический факультет университета, стал его профессором и основал Саратовское философско-историческое общество [127, с. 293].

В августе при непосредственном участии Вернадского была подготовлена записка программного характера «Об учреждении университетов нового типа и о предоставлении университетам права открывать факультеты и отделения по прикладным наукам»²⁷³.

В ней подчеркивалось, что по сравнению с такими странами, как Франция, Англия, Германия и Италия, по числу учащихся в высших учебных заведениях (из

просвещения» (Вестник Временного правительства, 1917, 25 августа 1917 г., № 139, с. 1.). Кроме того, в августе 1917 по представлению С.Ф. Ольденбурга (и явно не без участия Вернадского) в ведение министерства перешли Академия наук и ряд других научных учреждений [194].

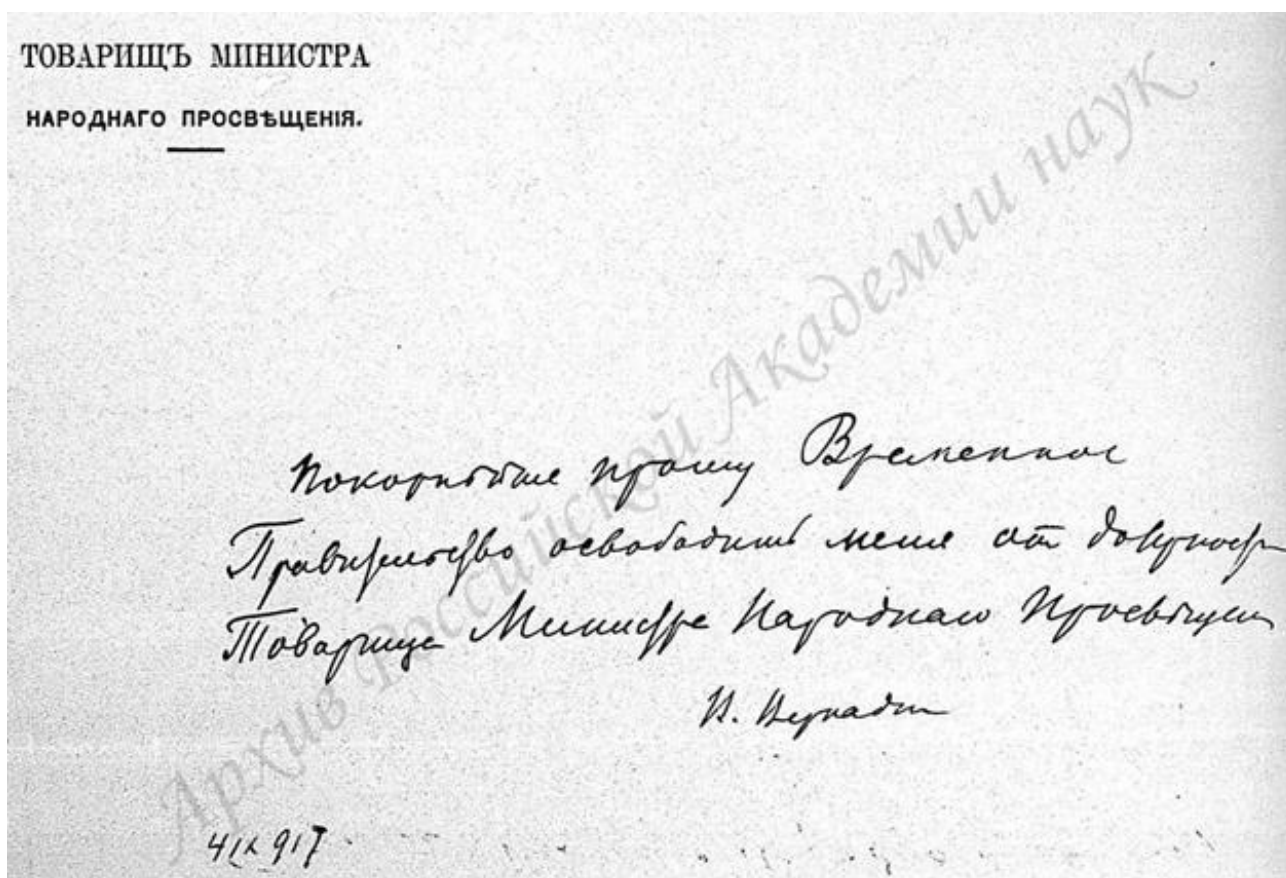
²⁷¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 44, 54.

²⁷² Из дневника Вернадского, 11 октября 1917: «Написал отзыв о С.М. Курбатов» [56, с. 14].

²⁷³ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 167. Л. 149–159.

расчета на 10000 человек) Россия занимает последнее место. Острый недостаток лиц с высшим образованием – врачей, инженеров, агрономов, учителей и др. – является серьезным тормозом на пути экономического и культурного развития страны. В записке отмечалась необходимость создать высшие учебные заведения нового типа, в которых совмещались бы задачи как чисто научного, так и профессионального образования. Был разработан предварительный план организации в Иркутске, Ташкенте, Воронеже, Перми, Казани и Одессе подобных учебных заведений [163].

4 сентября, после выхода С.Ф. Ольденбурга из состава Временного правительства (его уход был связан с коллективной отставкой министров-кадетов), Вернадский подал заявление об отставке.

Заявление Вернадского об освобождении от должности товарища министра народного просвещения, 4 сентября 1917 г.²⁷⁴

Днем раньше, 3 сентября 1917 г., указом Временного правительства доктор медицины Сергей Салазкин²⁷⁵ был назначен управляющим

²⁷⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 18.

²⁷⁵ «Мой старый друг по академическому Союзу», вспоминал позже Вернадский [62, с. 374]

Министерством народного просвещения²⁷⁶. Он, очевидно, и уговорил Вернадского взять свое заявление обратно и продолжить работу товарищем министра. 5 сентября 1917 г. «Вестник Временного правительства» сообщил, что «4-го сентября вступил в управление Министерством народного просвещения проф. С.С. Салазкин. Прибыв около 11 час. в министерство в сопровождении чиновника особых поручений К.А. Дорожкина, проф. С.С. Салазкин проследовал в свой служебный кабинет, где тотчас же и приступил к работе. К новому министру были приглашены товарищи министра: графиня С.В. Панина, П.И. Преображенский и В.И. Вернадский, которые ознакомили его с наиболее крупными текущими делами»²⁷⁷.

8 сентября в МНП под председательством С.С. Салазкина и при участии товарищей министра состоялось особое совещание по вопросу об открытии университета в Иркутске²⁷⁸. Совещание признало необходимым немедленно приступить к организации в первую очередь юридического факультета (открыть его в текущем учебном году), с будущего учебного года открыть физико-математический факультет, как основной, для открытия впоследствии технических факультетов, медицинского и сельскохозяйственного. Законопроект об открытии университета в Иркутске в ближайшие дни представить на рассмотрение Временного правительства²⁷⁹. Салазкин предложил обсудить в следующем заседании вопрос об открытии университета в Ташкенте. Это заседание состоялось 15 сентября, на котором было «решено открыть университет в ближайшем будущем, причем признано необходимым организовать при нем и технические отделения. Поставлен на очередь также вопрос об открытии университета в Тифлисе»²⁸⁰.

²⁷⁶ «Биржевые ведомости», утренний выпуск, 1917, 3 сентября.

²⁷⁷ Вестник Временного правительства, 1917, 5 сентября, № 146, с. 3.

²⁷⁸ Вестник Временного правительства, 1917, 10 сентября, № 150, с. 2.

²⁷⁹ Для выяснения на месте вопросов организации Иркутского университета планировалось командировать в Иркутск специальную комиссию при участии Петроградского университета (Вестник Временного правительства, 1917, 12 сентября, № 151, с. 3). Ходатайство о создании в Иркутске университета еще в августе 1916 возбудила Иркутская городская дума. Оно было поддержано иркутским генерал-губернатором А.И. Пильцем. Вопрос о создании университета рассматривался 17 января 1917 на заседании Совета министров Российской империи и был решен положительно Императором Николаем II, который собственноручно начертал: «Желательно или университет, или политехникум» [185].

²⁸⁰ Вестник Временного правительства, 1917, 17 сентября, № 155, с. 4.

11 сентября 1917 г. к Вернадскому с просьбой обратился товарищ министра внутренних дел В.Я. Гуревич:²⁸¹

«Временное правительство
Товарищ министра внутренних дел
11 сентября 1917 г., № 202
Академику В.И. Вернадскому

Милостивый Государь Владимир Иванович.

При Министерстве внутренних дел образуется Национальный отдел, ближайшая задача которого широкое ознакомление с насущными нуждами и интересами народов и народностей России.

В настоящее время Отдел занят, между прочим, собиранием сведений, касающихся всех сторон жизни разных народностей, населяющих Россию.

Зная Вас как человека, близко знакомого с национальным вопросом, прошу Вас не отказать в любезности в самом ближайшем будущем прислать мне как имеющиеся у Вас материалы по тем или иным вопросам жизни народностей, так и, если Вас не затруднит, Ваши личные по ним соображения с указанием соответствующей литературы.

*В. Гуревич»*²⁸²

Не исключено, что где-то в архивах сохранились соображения Вернадскому по этому, всегда его интересовавшего, вопросу.

²⁸¹ Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940) – общественный деятель, адвокат. Окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Министерстве юстиции. В 1908–1914 в Петербурге работал в законодательных комиссиях при Трудовой фракции I–IV Государственных дум. Один из организаторов и юрисконсульт Центрального бюро профессиональных союзов в Петрограде, за что сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. В Петроград вернулся в апреле 1917. До октября 1917 занимал пост товарища министра внутренних дел, член Предпарламента. После Октябрьской революции – член Комитета защиты Родины и революции, затем Союза защиты Учредительного собрания. В период гражданской войны – председатель Юридического совещания (Директории), член Сибирского Земско-городского союза и Экономического Совещания при Главноуполномоченном адмирала А.В. Колчака, министр внутренних дел во Временном Приамурском правительстве. В 1920 выехал по делам Земгора из России через Владивосток в Китай, затем в Чехословакию. В 1922 – председатель Земгора в Чехословакии. С 1923 по 1928 – управляющий РЗИА, занимался адвокатской деятельностью.

²⁸² АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 115. Машинопись с подписью-автографом Гуревича. Бланк товарища министра внутренних дел.

В первой половине сентября Министерство народного просвещения внесло во Временное правительство законопроект об учреждении института для изучения платины и других благородных металлов. В представлении этого законопроекта указывалось, что в настоящее время в России добывается 95% всего количества шлиховой платины из всех тех запасов, которые обращаются на мировом рынке. Для нужд обороны являются весьма ценными родственные платине металлы — иридия и радия²⁸³, которые необходимы при изготовлении авиационных и автомобильных двигателей, термоэлементов и т. п. На функционирование института испрашивалось 70500 руб. в год. Предложено открыть институт с 10-го января 1918 г.²⁸⁴

П.И. Преображенский (1874–1944)

Во второй половине сентября 1917 г. Вернадский участвовал в работе различных совещаний, организованных МНП и Временным правительством. Так, 19-го сентября в МНП состоялось совещание начальников высших учебных заведений, посвященное вопросу о финансовых затруднениях петроградский ВУЗов в связи с прекращением занятий. Совещание постановило испросить средства из государственного казначейства²⁸⁵. 20 сентября 1917 г. Вернадский принял участие в совещании товарищей министров Временного правительства, на котором рассматривались

²⁸³ В газетном сообщении ошибка — речь идет о родии — металле платиновой группы.

²⁸⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 19 сентября, № 156, с. 4.

²⁸⁵ Вестник Временного правительства, 1917, 20 сентября, № 157, с. 3.

различные организационно-финансовые вопросы и финансирование культурно-просветительных потребностей железнодорожных служащих.²⁸⁶ 21 сентября 1917 г. Комиссией по ученым учреждениям и предприятиям при Министерстве народного просвещения (под председательством Вернадского) было организовано совещание по вопросу о Палате учебных наглядных пособий²⁸⁷.

23 сентября 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» было опубликовано сообщение, что Комиссией по реформе высших учебных заведений разработаны проекты уставов Киевского географического института и Екатеринославских высших женских курсов, а также законопроект об учреждении на юридических факультетах Петроградского и Московского университетов новых кафедр промышленного и рабочего права.

Н.П. Василенко (1855–1935)

Кроме того, МНП предусмотрено преобразовать Демидовский лицей в Ярославле в университет. На первый год университет открывается в составе лишь юридического факультета, но уже с осени 1918 г. к нему добавляется медицинский, а затем предполагается открытие физико-математического и историко-филологического факультетов²⁸⁸. На следующий день, 24 сентября, начальники высших учебных заведений Петрограда или лица, их замещающие, были приглашены на совещание в здание МНП для

²⁸⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 40.

²⁸⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 82а.

²⁸⁸ Вестник Временного правительства, 1917, 23 сентября, № 160, с. 3.

рассмотрения вопросов об организации экзаменов для учащихся в столичных ВУЗах и о мерах по улучшению материального положения студентов²⁸⁹. В этот же день в «Вестнике Временного правительства» сообщалось, что Комиссией по реформе высших учебных заведений разработан, по инициативе товарища министра В.И. Вернадского, законопроект о расширении контингента лиц, допускаемых к занятию должности профессорских должностей в университетах. Согласно законопроекту, министру народного просвещения предоставлялось право разрешать университетам допущение к соисканию должностей ординарных профессоров лиц, пробывших не менее 5 лет, а экстраординарных профессоров – лиц, пробывших не менее 3 лет в звании приват-доцента одного из российских университетов. К соисканию тех же должностей предполагалось допускать также русских ученых, имеющих степень доктора одного из иностранных университетов и известных своими учеными трудами и преподавательской деятельностью²⁹⁰.

С 30 сентября по 6 октября Вернадский (как товарищ министра) участвовал в работе сессии Государственного комитета по народному образованию²⁹¹. Первое заседание состоялось 30 сентября в 7 часов вечера в здании МНП²⁹².

3 октября 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» была опубликована информация о том, что Комиссия по реформе высших учебных заведений рассмотрела и утвердила положение о Геологическом институте в Петрограде. Как отмечалось выше, задачи института, как частного учреждения, заключались в предоставлении возможности специалистам обновить и пополнить свои знания, а также в подготовке профессорского персонала по геологии и близким к ней наукам.

²⁸⁹ Вестник Временного правительства, 1917, 22 сентября, № 159, с. 3.

²⁹⁰ Вестник Временного правительства, 1917, 24 сентября, № 161, с. 2.

²⁹¹ Государственный Комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения образован постановлением Временного правительства от 20 мая 1917. В задачи Комитета (общественного органа) входили подготовка законопроектов по отдельным вопросам народного образования. Рабочими органами Комитета являлись бюро и президиум. Все законопроекты разрабатывались созданными при Комитете специализированными комиссиями, (первоначально их было 13, впоследствии 8). Комитет распущен декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 ноября 1917. Все товарищи министра народного просвещения входили в состав Комитета. Комитет издавал «Бюллетени...» (вышло 7 выпусков.).

²⁹² АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 43. Л. 26.

Отмечалось, что слушателями института могут быть лица, окончившие высшие учебные заведения или зарекомендовавшие себя научными работами, а также студенты и студентки старших курсов. На первый год комиссия признала желательным выдать институту субсидию в размере 37000 рублей²⁹³. Кроме того, Вернадский добился ассигнования Министерством народного просвещения 40000 рублей на 1917 г. для организации Ломоносовского института Академии наук²⁹⁴. Как уже сообщалось выше, будучи товарищем министра просвещения, Вернадский настоял на положительном решении вопроса об усилении поста милиции для охраны библиотеки и музея члена-корреспондента РАН Н.П. Лихачева [138].

А. Керенский в иностранной карикатуре [15, с. 38]

Деятельность Вернадского на посту товарища министра народного просвещения нашла отражение в его дневнике, который «вел каждый день, когда я был товарищем министра народного просвещения при министре С.С. Салазкине с 9 октября 1917 и до 19.XI (ноябрь 1917). Во время приемов я обычно записывал после ухода посетителей»²⁹⁵.

Из дневника Вернадского 9 октября 1917 г.: «В совещании с Салазк[иным], Василенко, Науменко, Иорданск[им] и мною

²⁹³ Вестник Временного правительства, 1917, 3 октября, № 167, с. 3.

²⁹⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 10. Л. 11.

²⁹⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 4. Л. 201. Запись 8 августа 1943 г. Боровое.

окончательно утверждена схема организ[ации] предметов украин[ских] в ср[едней] шк[оле]» [56, с. 12].

10 октября 1917 г.: «Вечером Комиссия по высшей школе. Иван <Гревс> говорил об отношении к Гос[ударственному] ком[итету]. Все-таки для меня не очень ясна окончательная конструкция: соединение выборного начала с назначением? <...> Эти же вопросы поднялись и при обсуждении Симфероп[ольского] и Нижегородск[ого] “физ[ико]-мат[ематических] факультетов”» [56, с. 14].

10 октября 1917 г.: В МНП было предварительное совещание по эстонским школам, а также «совещание с Котвичем и Рудневым (Иорданский, я, временно Василенко, Салазкин, Смирнов) о бурятск[ом] вопросе. Накануне дано неправильное освещение – отголоски старого режима – думск[ая] комиссия о национ[ально]-языков[ом] препод[авании], Позднеев и т.д. Сейчас как будто выясняется такая картина – проведение русского влияния и нашей культуры через национально организ[ованную] бурятскую народность. Издание учебников, строительство школ, учит[ельских] семин[арий] с бурятским яз[ыком] (хотя бы на фоне монгольск[ого] письма) может явиться одним из способов воздействия на зарубежных монголов» [56, с. 13].

11 октября 1917 г.: «Был Д.А. Золотарев. С ним и Половцевым доклад о деятельности ком[иссии] <по> в[ысшей] шк[оле].

12 октября 1917 г.: В это день у Вернадского «был Ник. Фед. Пейкер, шурин Фальц-Фейна, с которым говорили о защите Аскания-Нова». Вернадский рассказал ему о том, что уже сделано и просил передать Фальц-Фейну, что просит его обращаться – при необходимости – непосредственно к нему, а Вернадский «сделает все, что возможно» [56, с. 16]. «Вечером комиссия выс[шей] шк[олы]. Вопрос о фармац[евтическом] образ[овании]. Новиков неправильно пошел по направлению желаний фармацевтов, не спрашивая советов. Фармацевты хотят совсем отделиться от медиц[инских] фак[ультетов]. В сущности, хотят перейти в инженер-фармац[евты]. Мне пришлось довольно резко изменить решение комиссии» [56, с. 17]. Обсуждал также с Салазкиным текущие дела, в том числе необходимость передачи ботанического сада в Сухуми в ведение МНП.

13 октября 1917 г.: «Совещание товарищей министра. Обсуждение прав польских (и иных) школ с польск[им] языком. В общем у всех нас взгляд один: равноправие с русскими» [56, с. 17].

13 октября 1917 г.: «Вечером ком[иссия] уч[еных] учр[еждений]. Прошли основы организ[ации] всеросс[ийского] союза уч[еных]

учр[еждений]²⁹⁶. Историч[еское] общ[ество] – Александра II истории (спасение культ[урной] работы). Решено созвать на 27 <октября> совещание о мерах и охране научного издательства» [56, с. 18].

14 октября 1917 г.: «С С.С. <Салазкиным> сговорился о циркуляре М. Н. Пр. о сторожах. Очевидно, необходимо ныне же готовиться к уменьшению служащих в министерствах и учебных заведениях. Сейчас много еще осталось крепостного строя: строя канцелярий тех времен. Нигде нет столько сторожей. Наш циркуляр будет первым, кажется, указанием на необходимость изменений. Будет иметь и педагогич[еское] значение» [56, с. 18]. В этот же день Вернадский принял директора Юрьевского Ветеринарного института Карла Карловича Ганниха («очень исполнительный немец»), который «справлялся о ряде дел, касающ[ихся] Ветерин[арного] инст[итута]. Он взялся представить мне записку о состоянии и потребн[остях] ветерин[арного] образования в России и другую о постановке его в Зап[адной] Европе. <...> С ним начал разговор о коллекции Розенберга – трет[ичные] млекопит[ающи]е и сравнит[ельный] материал. Надо ее сохранить в России. Еще мечтал Чернышев, говорила об этом М.В. Павлова» [56, с. 18].

15 октября 1917 г. Утром у Вернадского состоялась встреча с финским геологом Седергольмом в связи с Уренхойским хребтом. «Потом

²⁹⁶ Проект ассоциации научных учреждений России, составленный акад. А.А. Шахматовым, первоначально рассматривался МНП в мае 1917. В ходе работы над ним он приобрел наименование Союза научных учреждений России, причем авторство этого названия, по-видимому, принадлежало Вернадскому. Проект предусматривал практическую реализацию многократно обсуждавшейся в научной среде мысли о необходимости объединения научных сил России. Предполагалось, что исследовательские коллективы страны (библиотеки, музеи, общества и др.) и отдельные ученые будут сгруппированы по функциональному признаку, образуя союзы гуманитарных, научно-прикладных и т.п. исследований, которые в свою очередь образуют «союз союзов» (нетрудно заметить прямую аналогию с профессиональными союзами интеллигенции, в организации которых многие ученые принимали непосредственное участие), возглавляемый комитетом, председатель которого имеет право непосредственного обращения к председателю Совета Министров. Внутренняя конструкция союза строилась на принципе автономии каждого коллектива или исследователя. В то же время он не подчинялся никаким ведомствам, самостоятельно определяя направления научной политики. О судьбе проекта в послеоктябрьские годы, его соотношении с планом Наркомпроса по созданию Всероссийской ассоциации научных учреждений – см.: М.С. Бастракова Становление советской системы организации науки, 1917–1922. – М.: Наука, 1973, с. 99–108.

с ним разговор о Финл[яндии]. <...> Я ему говорил о трудностях для госуд[арственных] людей России найти устойчивое положение при независимости Финляндии благодаря близости столицы к границе. Для меня выход или независимая Финляндия без Выборгской губ., или цельная Финляндия, соединенная с Россией» [56, с. 20].

16 октября 1917 г.: «Обсуждал с С.В. Паниной, Н.П. Василенко, С.С. Салазкиным финляндскую организацию нашего школьного дела».

17 октября 1917 г.: «Заседание ком[иссии] по высш[ей] шк[оле]. Проведение Таврич[еского] инст[итута]. Необходимо проводить, чтобы сохранить ценности, поступающие благодаря ликвидации царских владений и страха имущих классов. Но работа трудная. Ливадия, Ореанда. Пришлось идти и на Симферополь. В заседании была делегатка Ялты Аделаида Григ. Лоицкая – я ее видел в молодости в Москве: она брала у меня рекомендацию в Бельгию – к минералогу анархисту Камбону, бросившему работу. По-видимому, эмигрантка. Умная, кажется, женщина. Кто она? Как странны эти просветы прошлого – а между тем в душе для меня как будто такое впечатление, что время есть наносное и пришлое и суть индивидуальности без времени» [56, с. 23].

17 октября 1917 г.: «Доклад Рыкова о высш[ем] технич[еском] образ[овании] – текущие дела. – Я поднял вопрос о рыбацких школах в связи с докладом Ключе. – Необходимо выдвинуть вопрос об авиацион[ном] образовании и звании инженер-авиатор» [56, с. 22]. Состоялось также совещание (Салазкин, Василенко, Воронов, Вернадский) по вопросу об училище правоведения.

18 октября 1917 г.: Днем Вернадский беседовал с Науменко о судьбе Химико-аналитического института. Затем «в совещании тов[арищей] мин[истра] обсуждался вопрос о программе съезда нар[одного] обр[азования], организованного Госуд[арственным] совещ[анием]. Пытались захватить нахрапом. Необходимо предварительно рассмотреть состав и компетенцию. Василенко уверен, что Салазк[ин] понял положение. – Проект о Крыме вновь возбуждает сомнения: за лечебное госуд[арственное] значение южного берега. Надо будет дальше пересмотреть». Вечером состоялся «малый совет – совещание тов[арищей] мин[истра]. Всегда остается тяжелое впечатление от неправильного способа проведения законов. А другого лучшего сейчас не выдумаешь» [56, с. 24].

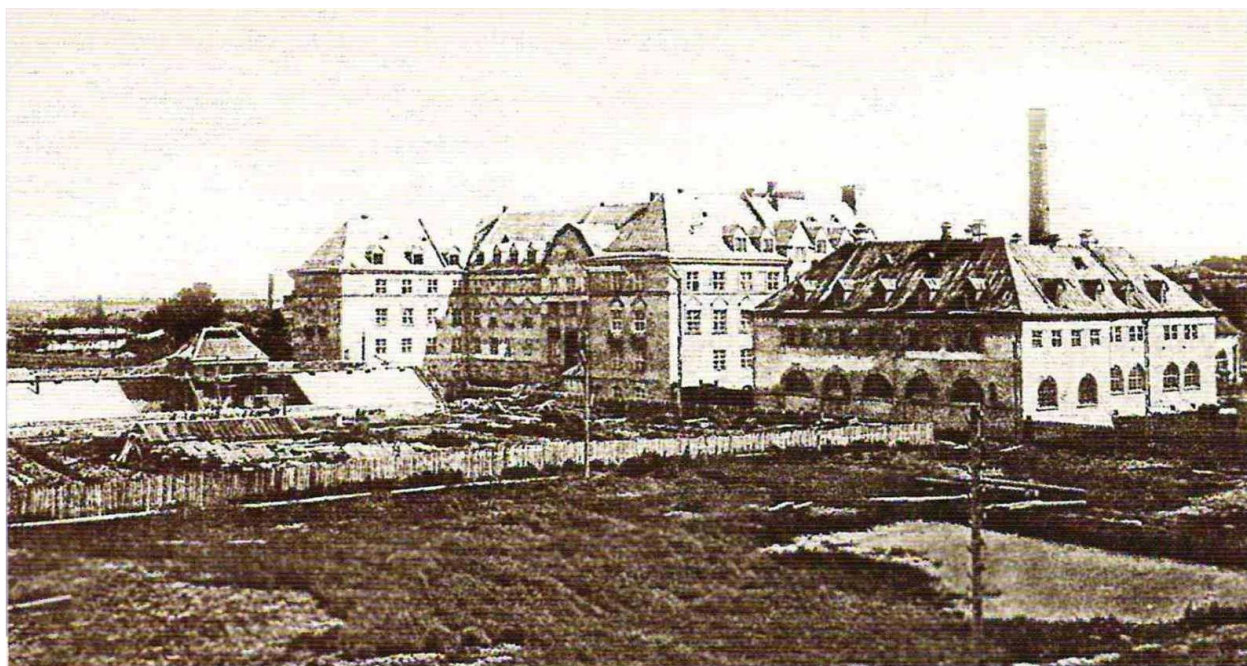
19 октября 1917 г.: Состоялся доклад Палечека о текущих делах по высшей школе и ученым учреждениям. Затем Вернадский совещался с Линденером, С.Н. Наумовым и Палечеком об аналитическо-химическом институте, с М.М. Новиковым о конструкции комиссии высшей школы и текущих делах. Решено было двинуть вопрос об уничтожении экстраординатуры и улучшении вознаграждения младших преподавателей в связи с обращением Петроградского университета. С И.П. Толмачевым беседовал о Северной и Полярной комиссиях. «Звонил Агафонов. Место по народному образованию в Сибири. С Мижуевым о постановке народн[ых] университетов и т. п. в англосаксонских университетах. Важно выяснить этот вопрос у нас. Много сделал текущих дел и по М. Н. Пр., и по Акад[емии]». Вечером состоялось «заседание К[омиссии] в[ысшей] шк[олы]. Очень любоп[ытна] конструкция Лазар[евского] инст[итута] – блестящий доклад Н.Я. Марра» [56, с. 25].

О своих представлениях по развитию научной деятельности и высшей школы Вернадский рассказал 12 октября 1917 г. в письме Я.В. Самойлову: «Я считаю, что научная деятельность должна сейчас развиваться самым энергичным образом, и мы должны бороться за ее сохранение, в том числе и с теми безумцами, которые сейчас своей жизнью губят Россию. Если рабочие станут против культуры – они подпишут себе приговор, подобно тому как сейчас они рубят сук, на котором сидят. Вопрос о передаче всей школы в М[инистерство] н[ародного] пр[освещения] для меня теоретически ясен и неоспорим, но само собою это не произойдет сразу и для всех одинаково. Вопрос этот имеет основания, далеко выходящие за пределы интересов отдельного учебного заведения, и не связан с его автономией. Конечно, взгляд Совета в[ысшей] ш[колы] может быть услышан – но в этом вопросе это один голос среди многих, более общих тонов. Для меня ясно, что при автономии в[ысшей] ш[колы] и при широкой местной децентрализации дело в[ысшей] ш[колы] должно во всех его разветвлениях быть в государстве сосредоточено в одних руках²⁹⁷. Долго говорить об этом – но каждый день меня этому учит. Для с[ельско]х[озяйственных] заведений я думаю практически этот вопрос станет остро м[ожет] б[ыть] не так скоро. Мин[истерство] нар[одного] пр[освещения] сейчас вступило на путь в[ысшего] с[ельско]х[озяйственного] образ[ования] (Тифлис, Иркутск, Ташкент) и мне кажется Министерство земледелия

²⁹⁷ Или она д[олжна] б[ыть] подчинена местному земству или сейму, что ей не всегда выгодно и чего я бы для России не желал бы. – Прим. Вернадского.

будет в этом заинтересовано, так как правильная постановка опытного дела потребует тесной связи его со всеми физ[ико-]мат[ематическими] факультетами (и аналогичными учреждениями), а не с одними ведомственными уч[ебными] зав[едениями], как было для вреда государству раньше. <...> Масса работы. Устаю порядочно, но уйти нельзя – много можно сделать»²⁹⁸.

15 октября 1917 г. В.И. Вернадский, как товарищ министра народного просвещения, утвердил Устав Общества исторических, философских и социальных наук (ОИФСН) при Пермском университете [254]. Первое заседание Общества состоялось 21 декабря 1917 г. В 1918–1929 гг. Общество издавало сборник. Между прочим, редактором 1-го выпуска этого сборника был профессор Г.В. Вернадский. В предисловии к этому выпуску он писал: «"Общество исторических, философских и социальных наук" открылось при Пермском университете в тяжелое и смутное время, неблагоприятное для мирной научной работы. Сознавая, однако, всю важность и ценность такой работы, хотя бы в самых скромных размерах, Общество не считало себя в праве ожидать более благоприятных времен для начала своей деятельности. Общество не хотело также замыкаться в стенах университета, а стремилось привлечь и местные культурные силы Перми к совместной научной и беспристрастной разработке философских, исторических и социальных знаний» [228, с. III].

Здание Пермского университета на Заимке. 1917 г. [254]

²⁹⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2002. Л. 8–9.

18 октября 1917 г. Временным правительством был утвержден устав Российской публичной библиотеки. В его разработке принимали участие библиотекари, чиновниками Министерства народного просвещения, академики В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, Н. С. Курнаков, профессор В. Г. Хлопин. Возглавлял эту работу Вернадский [95]. Все стороны, в том числе Временное правительство (взгляды которого были изложены министром народного просвещения профессором С. С. Салазкиным), участвовавшие в подготовке нового «Устава», были единодушны в желании упрочить положение Библиотеки как «высшего государственного книгохранилища», «где должен сохраняться на вечные времена экземпляр каждого вышедшего в России издания». Вместе с тем был поставлен вопрос о дальнейшей демократизации Библиотеки: «Публичная библиотека служит в то же время для пользования книгами как для ученых работников, так и для широкой массы читающей публики, причем читателю должно быть обеспечено в ней получение каждой вышедшей в России книги» [95, с. 25]. Самые большие перемены касались управления Библиотекой. «Устав» провозгласил право Библиотеки на автономию — выборность директора, библиотечарей; создание нового органа самоуправления — Совета, которому передавалось решение принципиальных вопросов как научной, так и административно-хозяйственной жизни Библиотеки. В Совет, кроме директора Библиотеки и заведующих ее отделениями, были введены представители от всех слоев служащих, а также от Академии наук, академических библиотек, Общества библиотековедения и, наконец, от городского самоуправления. Пополнен был членами со стороны и Комитет Библиотеки, призванный осуществлять оперативное руководство ее работой. При всей громоздкости новая система управления впервые давала Библиотеке возможность жить в автономном режиме и опираться в принятии решений на «коллективный разум». Многие положения этого устава нашли отражение в первом советском уставе РПБ, утвержденном в апреле 1918 г.

Особое внимание Вернадский уделял совершенствованию «Журнала Министерства народного просвещения»²⁹⁹. Это видно из его

²⁹⁹ Журнал Министерства народного просвещения — официальное издание Министерства народного просвещения, выходившее в 1834–1917 ежемесячно (всего было опубликовано 434 части, каждая включала несколько номеров). Редакторами журнала были К.С. Сербинович (1834–1856), А.В. Никитенко (1856–1860), К.Д. Ушинский (1860–1861), Ю.С. Рехневский (1862–1867), И.Д. Галанин (1867), А.И. Георгиевский (1868–1870), Е.М. Феоктистов (1871–1882), Л.Н.

записей в дневнике [56]. Так, 9 октября 1917 г. он беседовал с П.Г. Мижуевым, который хочет написать в журнал МНП о высшем педагогическом образовании в некоторых зарубежных странах. 10 октября 1917 г. указал, что решено образовать комиссию для выяснения редактора «Журнала Министерства народного просвещения. 11 октября 1917 г. Вернадский беседовал «с Радловым о реформе “ЖМНП”. Сохранение ученого журнала; выделение официальн[ого] и педагогич[еского]. Для этого особая комиссия» [56, с. 14]. В этот же день «был Я.Я. Гуревич, принес мне записку о единой школе – в связи с моими возражениями в заседании раньше. С ним дружелюбный разговор. Примет участие в обсуждении вопроса о “ЖМНП”. Очень рекомендует Малиновского. М[ожет] б[ыть], он может быть редактором» [56, с. 15]. 12 октября 1917 г. у Вернадского состоялся «разговор с С.А. Жебелевым о реорганизации “ЖМНП”. Указываю на необходимость широкой постановки научного журнала при выделении из него педагогич[еской] части (Малиновский может быть редактором последней. Есть согласие Сал[азкина]). Правильная постановка ученой части может быть связана с общей деятельностью М. Н. Пр. нового типа: издание классиков (Менделеева и т. д.). Жебелев выдвинул новый, упущенный мною вопрос о значении отдела педагогической критики (часть полезной работы Ученого комитета)» [56, с. 16]. 16 октября 1917 г. Вернадский участвовал в заседании комиссии по реформе журнала МНП. «Прошла моя программа. Выясняется необходимость так или иначе восстановить критич[еские] отчеты об учебниках, которые велись Учен[ым] ком[итетом]» [56, с. 21]. Из записи 24–25 октября 1917 г. следует, что в эти дни Вернадский беседовал о «Журнале МНП» с Радловым и Жебелевым.

Еще 19 октября 1917 г. Вернадский записал в своем дневнике: «Атмосфера тревожная, как будто накануне гражданской войны, безумной попытки. Многие <...> смотрят безнадежно» [56, с. 25]. Последний посол английский посол при царском дворе Дж. Бьюкенен вспоминал, что в то время «слухи о большевистском восстании носились в воздухе несколько недель» [20, с. 355]. Сложившуюся к 20 октября 1917 г. охарактеризовал в своем письме из Петрограда член Французской военной миссии Жак Садуль: «Последние полгода <Временное>

Майков (1883–1890), В.Г. Васильевский (1891–1899), Э.Л. Радлов (1899–1917). Последний номер журнала (ноябрь–декабрь 1917) вышел под редакцией П.И. Лебедева-Полянского.

Правительство страной не правит. Милюковы, Керенские – неэнергичные, непоследовательные и неспособные чего-либо добиться идеологи-краснобаи. Административный и экономический механизм рассыпается в прах. Воровство, грабежи, убийства происходят. Следует признать, среди всеобщего спокойствия, безразличия» [226, с. 16]³⁰⁰. Еще раньше, 12 октября 1917 г., он, между прочим, напишет: «Поистине среди всех этих революционеров лишь большевики, инициативные и дерзостные, похожи на людей дела» [226, с. 33].

24 октября 1917 г. в Петрограде началось вооруженное восстание; к утру 25-го Временное правительство было формально низложено; в числе других министров в Зимнем дворце был арестован и министр народного просвещения С.С. Салазкин, который вскоре из-под ареста был освобожден. В дни восстания Вернадского в Зимнем дворце не было.

Тем не менее Временное правительство, пытавшееся все еще руководить страной, собиралось на свои заседания (в сущности, нелегальные) и после 25 октября 1917 г.. В частности, в период с 2 по 17 ноября состоялось несколько заседаний [267]. Они протекали, как пишет автор цитируемой работы, при весьма неустоявшемся, текущем составе участников, точно определить который представляется довольно затруднительным. Хотя сохранившиеся официальные журналы заседаний и начинаются с перечисления присутствовавших лиц (за исключением журнала от 13 ноября, где такого перечня нет), списки эти неверны и не точны. Не только при сравнении их с черновыми протоколами замечаются постоянно несовпадения, но даже часты несовпадения между списком и подписями под тем же журналом. Среди участников заседаний в короткий промежуток времени с 6 по 16 ноября возникли резкие разногласия по вопросу о методах борьбы с Советской властью. Меньшинство (Башкиров, Вернадский, Демьянов, Малянтович, Саввин, Сидамон-Эристов и Тахтамышев) во главе с Никитиным отстранились от участия в заседаниях и прекратили посещение их с 13 ноября³⁰¹. Это нашло отражение в заявлении А.М. Никитина Временному правительству 12 ноября 1917 г.: «Во Временное Правительство.

³⁰⁰ Садуль, кстати, сделал «удивительное» для себя открытие: «Я знал, сколь велика национальная гордость американцев, англичан, немцев, французов, но не подозревал, признаюсь, что национальная гордость у русских столь же развита» [226, с. 17].

³⁰¹ Вернадский, как следует из его дневниковых записей, участвовал в некоторых заседаниях Временного правительства и после 13 ноября 1917.

Настоящим я вынужден еще раз заявить, что я считаю совершенно неправильной позицию, занятую правительством в заседаниях 6–9 ноября по вопросу о своей дальнейшей деятельности и по вопросу об отношении к попыткам воссоздать верховную власть в государстве. Эта позиция поведет Временное Правительство к бесславному концу и вызовет осуждение за то, что оно не сумело, наряду с наметившимися выходами из создавшегося положения, поставить себя в положение, достойное носителей государственной власти. Особенно тягостно для меня, что Правительство фактически не нашло возможным хотя бы морально поддержать ген. Духонина в момент, когда на него пала тяжелая ответственность перед страной – одному решать вопрос о перемирии, которое от него потребовали большевики. Благодаря занятой позиции Временное Правительство с каждым днем будет отрываться от подчиненных ему органов власти и в каждом своем заседании подрывать самую идею верховной власти, возникшей в дни Февральской революции. При таких условиях я считаю невозможным участвовать в дальнейших заседаниях Правительства. Если я не слагаю с себя полномочий, то потому, что желаю до конца разделить с Временным Правительством всю полноту его ответственности. Я уезжаю сегодня в Москву, но по первому требованию Временного Правительства приеду в Петроград, как только изменится занятая им позиция. Министр внутренних дел А. Никитин» [267, с. 220].

Если в начале этих заседаний «Временное правительство в неполном составе» выступило с шестью членами последнего состава правительства и 21 товарищами министров, то с 13 ноября осталось их всего пять, составлявших менее трети последнего Временного правительства (общее число членов его перед Октябрем было шестнадцать), поддерживаемых 14 товарищами министров [267]. Как уже говорилось выше, по вопросу о методах борьбы с Советской властью единогласия в составе «Временного правительства в неполном составе» не существовало: меньшинство требовало активных действий, большинство же стояло «за подпольную подрывную работу чиновничьего саботажа». С уходом меньшинства, т. е. после 13 ноября Временное правительство развило свою подпольную работу в очень широких масштабах. Энергичная агитационная деятельность была развита остатками Временного правительства в связи с организованной им чиновничьей забастовкой, которая в сущности являлась основным делом в его подполье.

Отъ Военно - Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣлю, за которое боролся народъ: немедленное предложение демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ
И КРЕСТЬЯНЪ!**

**Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.**

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

К гражданам России. Листовка. 25 октября 1917 г.

2 ноября 1917 г. на заседании Временного правительства присутствовали³⁰²: председатель – министр внутренних дел А.М. Никитин, министр труда К.А. Гвоздев и управляющие министерствами: финансов – товарищ министра М.И. Фридман, юстиции – товарищ министра А.А. Демьянов, торговли и промышленности – товарищ министра В.И. Массальский, морского – товарищ министра С.А. Кукель, путей сообщения – товарищ министра В.К. Константинов, призрения – товарищ министра К.Г. Голубков, продовольствия товарищ министра В.Н. Башкиров, народного просвещения – товарищ министра В.И. Вернадский.

Слушали: 1. Предложение управляющего министерством финансов об увеличении эмиссионного права Государственного Банка на сумму один миллиард рублей. 2. Предложение о порядке подписания указов и постановлений Временного Правительства за время отсутствия министра-председателя и министра-заместителя. Постановили: 1. Увеличить эмиссионное право Государственного Банка на сумму один миллиард рублей. 2. Постановления и указы Временного Правительства подписывать за министра-председателя министром внутренних дел и министром или управляющим подлежащего министерства.

На заседании Временного правительства 5 ноября 1917 г. Вернадский также указан среди присутствовавших. Слушали: Предложение о замещении должностей министра председателя и министра заместителя на время отсутствия А.Ф. Керенского и А.И. Коновалова. Постановили: 1. На время отсутствия министра председателя А.Ф. Керенского и министра заместителя А.И. Коновалова возложить исполнение обязанностей министра председателя на министра продовольствия С.Н. Прокоповича и министра заместителя на министра внутренних дел А.М. Никитина с оставлением их в занимаемых ими должностях. Однако среди подписавших протокол совещания Вернадского нет (за министра народного просвещения протокол подписала графиня Панина).

Согласно «Особому журналу заседания Временного правительства» 5 ноября 1917 г. присутствовали: А.М. Никитин, А.В. Ливеровский, К.А. Гвоздев, В.Н. Башкиров, Н.Н. Саввин, С.Н. Салтыков, М.И. Фридман, гр. Панина, А.А. Демьянов, Г.Д. Скарятин, В.И. Массальский, В.И. Вернадский. Слушали: 1. Письменное заявление министра-председателя Временного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами Государства Российского А.Ф.

³⁰² Здесь и ниже сведения приводятся из [267].

Керенского от 1 ноября 1917 года о сложении им с себя званий министра-председателя и верховного главнокомандующего и о передаче всех связанных с этими должностями прав и обязанностей в распоряжение Временного Правительства. 2. Предположения о замещении должности министра-председателя Временного Правительства. Постановили: 1. Освободить согласно заявлению министра-председателя Временного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами Государства Российского А.Ф. Керенского от означенных должностей. 2. Возложить на министра продовольствия Сергея Прокоповича исполнение обязанностей министра-председателя Временного Правительства, с оставлением его министром продовольствия. Подлинный журнал за надлежащими подписями и скреплен помощником управляющего делами Временного Правительства.

На заседании 7 ноября 1917 г. Вернадский указан среди присутствовавших, но среди подписавших протокол его нет (за министра народного просвещения подписала С.В. Панина). В дневнике Вернадского есть запись от 7 ноября 1917 г.: «Засед[ание] тов[арищей] мин[истра]. Получено сообщение о том, что делается в России через посланца в Ставку. Казаки ушли, и Ставка беззащитна. Духонин бессилен. Армия разлагается; держится еще Учр[едительным] собр[анием]» [56, с. 33].

На заседании 8 ноября 1917 г. Вернадский также указан среди присутствовавших. Слушали: Предложение Комитета Общественного Спасения родины и революции о желательности делегирования представителя Временного правительства на имеющее состояться в городе Могилеве совещание общественных и политических организаций. Постановили: (Шестью голосами против трех, при одном воздержавшемся) воздержаться от посылки представителя Временного правительства на имеющее состояться в городе Могилеве совещание общественных и политических организаций впредь до выяснения направления и обстановки деятельности означенного совещания. В дневнике Вернадского есть запись, что днем, 8 ноября, было заседание Совета министров, а вечером у него были Новиков и Андрусов. Вернадский в очередной раз задается вопросом: «Силы, сдерживающие единство России, – сильные?» [56, с. 35].

Из дневника 10 ноября 1917 г.: «Вчера ввиду засед[ания] правит[ельства] ... <...>. Очень продолжительное и очень важное заседание Вр[еменного] прав[ительства]. <...> Положение трагическое: получили значение в решении жизн[енного] строя силы и слои народа,

которые не в состоянии понять его интересы. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки» [56, с. 37–38]. К мысли о том, что «безудержная демократия» должна получить поправки, он будет возвращаться не раз.

Дневник, 12 ноября 1917 г.: «Сегодня у меня собрание старших чинов М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения]: Соф. Влад. <Панина>, Сурин, Рыков, Палечек, Половцов, Рождественский, Радлов, Ларионов, Николаи, Воронцовский, Оленев. Решили по моему предложению подготовить обзор деятельности М. Н. Пр. за революционный период. Теперь это важнее, чем представлялось раньше, к Учр[едительному] собр[анию]. Решили составить через неделю по разделам и департаментам. Очень важно дать план, который вырабатывается. Для меня ясно, что в общем начало положено гр. П.Н. Игнатьевым³⁰³. Очень крупная была его деятельность. Судя по ней, он представлял интересную фигуру. Мне кажется, возможности разгрома, какие могут произвести большевики в бюрократической машине, еще не сознаются чиновничеством. А между тем разгром может быть аналогичен тому, какой произведен в армии» [56, с. 40].

Из дневника, запись 14 ноября 1917 г.: «Масса перебивала народа: Е.Д. <Ревуцкая>, Сергей <Ольденбург>, Соф. Влад. <Панина>, Н.И. Андрусов, М.А. Рыкачев, А.П. Карпинский, Паша <Старицкий>, Иван <Гревс>. Всюду и все время разговор об одном и том же. Тревожное и тяжелое настроение. <...> С. Вл. <Панина> рассказывала о вчерашнем засед[ании] Сов[ета] мин[истров]. Оно было трагическим. <...> Полная растерянность. Как верно говорит С.В. <Панина>, поразительна и

³⁰³ С деятельностью министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева связано начало кардинального реформирования общероссийской системы высшего образования. Созданный по его инициативе в марте 1916 Совет по делам вузов имел главной задачей объединение управления подведомственными ему вузами, разработку и предварительное обсуждение законопроектов, правил и т.п. Параллельно – 11 марта 1916 был учрежден другой важный межведомственный коллегиальный орган – Совет по делам профессионального образования, рассматривавший вопросы координации деятельности вузов различных ведомств и планирования их работы. Характерной особенностью этого Совета являлось широкое привлечение к его работе общественных организаций, земских и городских органов самоуправления, торгово-промышленных организаций и т.п. Еще летом 1915 в МНП развернулась подготовка к разработке перспективного плана развития российской высшей школы. Но, к сожалению, декабре 1916 Игнатьев был уволен в отставку

общая слабость и растерянность этих людей (министры!). Она даже некоторым сказала и говорит, что чувствовала себя там одним из немногих “мужчин”» [56, с. 43].

Дневник, 14 ноября 1917 г.: «Сейчас надо ждать результатов выборов в Учредительное] собр[ание]. Несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного. Tu l’as voulu, George Dandin! ³⁰⁴ Демократия показала свое лицо, то, которое она постоянно показывала в истории. В критический] момент покажет и свою энергию. Но ясно одно – русский народ до этих форм жизни в мировом государстве не дорос, а т[ак] к[ак] возврат к унитарн[ой] монархии невозможен, то выход один – сильные области, объединенные единой организацией – федерация» [56, с. 43–44].

Из дневника 15 ноября 1917 г.: «Утром пришел и положил свой бюллетень на Учр[едительное] соб[рание] на нашей же улице. Все в большом порядке, как будто выборы происходят правильно – а между тем нет основного условия – печати, нет возможности настоящей агитации. Подают много бюллетеней» [56, с. 44].

17 ноября Вернадский участвовал в заседании Временного правительства, о чем сделал запись в своем дневнике: «Был в очень важном заседании Вр[еменного] пр[авительства]. Подписал два акта – обращение к русск[им] гр[ажданам]³⁰⁵ (писал, говорят, Авкс[ентьев],

³⁰⁴ Ты этого хотел, Жорж Данден! (фр.) – реплика героя пьесы Ж.-Б. Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж».

³⁰⁵ С предложением об обращении к стране по поводу происходящих событий на заседании правительства 14 ноября выступил С.Н. Прокопович; сразу же подготовка текста была поручена П.Н. Малянтовичу и А.С. Орлову, к которым на следующий день присоединились Е.Д. Кускова и Д.И. Шаховской – они и составили четверку авторов воззвания [267]. С докладом об указе о созыве Учредительного собрания на заседании 14 ноября выступил Н.Н. Авинов. Обращение Временного правительства было опубликовано 16 ноября в газетах. Реакция большевиков последовала незамедлительно. На заседании Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК) 17 ноября решили приостановить выпуск всех газет, поместивших обращение; аналогичное распоряжение 18 ноября принял Совет народных комиссаров. В тот же день в газетах появилось постановление ВРК «о переводе в Кронштадт бывших министров Временного правительства под надзор Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов». В нем говорилось: «Не придавая никакого значения опубликованному в газетах заявлению бывших министров и их товарищей, но опасаясь, что это заявление может вызвать справедливое возмущение революционных рабочих и солдат Петрограда и какие-либо эксцессы па этой почве, Военно-революционный комитет

редакц[ионная] ком[иссия] Кускова, Шаховск[ой], Малянтов[ич], Нерат[ов]) и вопрос о созыве Учредительн[ого] собрания на 28.XI. Я считаю последний акт не менее важным. Первое имеет большое значение и в международных делах» [56, с. 47].

В первом воззвании, опубликованном 17 ноября 1917 г. в газете «Наша речь», члены свергнутого Временного правительства обращались к гражданам России [187, с. 3]: «В дни тяжелейшей смуты и разрушения Государства Российского Временное правительство считает долгом своим обратиться ко всем гражданам Российской Республики. Временное правительство последнего состава, преемственно получившее верховную власть от Правительства, созданного февральским переворотом, не в полном составе своем обращается к народу. Часть членов его арестована и заключена в Петропавловскую крепость Другая часть в лице министра-председателя А.Ф. Керенского³⁰⁶, министра морского Д.Н. Вердеревского и министра военного А.И. Верховского сложила свои полномочия. Но и в этом неполном составе своем в настоящее время Временное правительство является единственной в стране законной верховной властью. До октябрьского мятежа Временное правительство всех составов было занято сложной работой укрепления республиканского строя, создания административного аппарата и городских, земских и волостных самоуправлений как самых прочных основ Российской Республики. Эту работу воссоздания государства на новых началах Правительству приходилось делать наряду с работой неизмеримо более трудной: необходимостью оборонять страну и укреплять армию в интересах достижения скорейшего в согласии с

постановляет: “Подписавших упомянутое заявление бывших министров и бывших товарищей министров С. Прокоповича, П. Малянтовича, А. Никитина, К. Гвоздева, А. Ливеровского, С. Маслова, В. Вернадского, А. Нератова, М. Фридмана, Н. Саввина, К. Голубкова, Г. Краслова отправить в Кронштадт под надежным караулом под надзор исполнительного комитета Кронштадского Совета рабочих и солдатских депутатов”» [195, с. 175]. Одновременно были закрыты газеты – «Наша речь», «День», «Воля народа», «Единство» и др., реквизирована типография газеты «Новое время», арестованы издатели и журналисты.

³⁰⁶ Второй Всероссийский съезд Советов 26 октября 1917 принял постановление: «О немедленном аресте Керенского». Оно гласило: «Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и другие арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться, как тяжкое государственное преступление» [98, с. 10].

союзниками и достойного России мира и готовить население к выборам в Учредительное собрание, которому Временное правительство обязано передать свои полномочия и право суда над своими действиями. Октябрьский мятеж всю эту работу Временного правительства оборвал. За несколько дней до всенародных и свободных выборов в Учредительное собрание, основанных на законе, выработанном Временным правительством, вспыхнул мятеж.

Измученные трехлетней войной, солдатская и рабочая массы, соблазненные заманчивыми лозунгами “немедленного мира, хлеба и земли”, справедливыми по существу, но неосуществимыми, немедленно и путем гражданской войны, взяли в руки оружие, арестовали Временное правительство, стали захватывать важнейшие государственные учреждения, уничтожать гражданские свободы и угрожать жизни и безопасности мирных граждан, беззащитных перед лицом начавшейся анархии.

Освобожденные из крепости министры-социалисты и оставшиеся на свободе товарищи министров лишены были возможности оградить права народа и порядок государства. Образовавшиеся с начала мятежа комитеты спасения родины и революции, комитеты безопасности не оказали поддержки законной верховной власти, а поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства. Временное правительство всех созывов твердо стояло на принципе всенародности власти. Основываясь на этом, Временное правительство не могло признать власти мятежников, не принимало участия в попытках создания новой власти за несколько дней до Учредительного собрания. Для Временного правительства оставлен один путь ограждения интересов народа и государства: не покидать до последней возможности своих постов и охранять от захвата и разрушения те отрасли народного хозяйства, которые особенно важны для армии и страны.

Финансы, транспорт, топливо, продовольствие и снабжение деревни необходимыми ей предметами и до мятежа требовали особых усилий, умений и забот Правительства. Мятеж поставил все отрасли хозяйства в катастрофическое положение. И потому в течение трех недель Правительство упорно вело работу обслуживания основных нужд населения и армии, не допуская мятежников овладеть соответствующими государственными органами.

Незаменимую услугу в этом деле ограждения государственных учреждений от посягательств на них безответственных и никем не уполномоченных насильников оказал персонал служащих,

работающих в учреждениях. Не боясь ни угроз, ни насилий, ни личных жертв, в полном сознании своего права и своего долга перед родиной, чиновники и служащие неуклонно продолжали свою работу, стойко, мужественно и решительно протестовали против мятежного захвата учреждений и мешали лицам, называющим себя народными комиссарами, овладеть народным достоянием.

С каждым днем, однако, оставалось все меньше и меньше возможностей штыку и насилию противопоставить право и закон. В разрушительной работе своей мятежники не остановились даже перед тем, чтобы посягнуть на честь Российской Республики и на ее положение в международной борьбе. Крепко связанная с союзниками и поддерживаемая ими, Россия в самые тяжкие минуты войны никогда не склонялась перед силой наступающего врага, никогда не переставала стремиться к укреплению мощи своей армии для обороны страны. Политика в пользу демократического мира могла лишь в том случае иметь успех, если обороняющая страну армия была бы способна поддерживать справедливые условия мира силою оружия. Революционные организации, неоднократно вынося свои резолюции о скорейшем мире и о решительной политике в пользу мира, всегда сопровождали их требованием усиленной обороны.

Начатые мятежниками переговоры о перемирии от имени Государства Российского могут повести лишь к позорному и губительному для России сепаратному миру. Эти безумные действия, если они не встретят властного отпора со стороны армии и народа, ведут Россию к политическому и экономическому рабству, к разрыву с державами согласия, вычеркивают Россию из списка великих держав и обрекают ее на роль побежденного, сдающегося на милость победителя. Эти беспримерные по дерзости своей действия мятежников обязывают Временное правительство Российской Республики заявить, что действия эти ни в коем случае не могут быть признаны актами правительственной власти и выражением воли народа. Результаты мятежа уже дают себя знать и в других областях. Несмотря на напряженную работу всех правительственных и общественных организаций, крайнее разрушение железнодорожных сообщений уже повело к резкому ослаблению перевозок продовольствия и топлива. Голод грозит армии и населению, замерзание — городам, гибель — промышленным предприятиям, безработица и связанные с ней бедствия — рабочему классу.

Отсутствие объединяющей верховной власти повело к расчленению России на ряд вооружающихся и самостоятельных областей.

Расстройство финансов создало ряд ужасающих денежных затруднений, разрушающих всю экономическую жизнь страны. Перед лицом смертельной опасности для страны и ее целостности остается только одна надежда: приближается срок, назначенный Правительством для открытия Учредительного собрания, единственного хозяина земли русской. Опасаясь, что насильники не остановятся и перед тем, чтобы поднять руку даже и на Учредительное Собрание, если оно не будет творить их волю, Временное правительство призывает всех граждан армии и тыла к единодушной защите Учредительного собрания для обеспечения ему возможности властно и твердо выразить народную волю. В уверенности, что усилиями народа будет положен конец господству насильников в самом близком будущем, Временное правительство призывает всех граждан в эти дни великих испытаний сплотиться вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли.

В спокойном ожидании справедливой оценки действий своих и работы своей в интересах свободы и революции со стороны Учредительного собрания Временное правительство с презрением откидывает все ложные обвинения в неисполнении каких-либо своих обещаний. Народу и революции изменяют те, кто распыляет народные силы, действуя насилием и по всей земле русской зажигая пожар злобы, ненависти и гражданской войны.

Исполняющий обязанности министра-председателя,
министр продовольствия С. Прокопович
Министр юстиции П.Н. Малянтович
Министр внутренних дел, почт и телеграфов А. Никитин
Министр труда К. Гвоздев
Министр путей сообщения А. Ливеровский
Министр земледелия С. Маслов
За министра народного просвещения,
товарищ министра В. Вернадский
За министра иностранных дел, товарищ министра А. Нератов
За министра финансов, товарищ министра М.И. Фридман
Управляющий министерством торговли и промышленности
Н. Славин
За министра государственного призрения,
товарищ министра К. Голубков
За государственного контролера Г. Краснов³⁰⁷».

³⁰⁷ Правильно – Г. Краслов.

НА ВЫБОРАХЪ

въ Учредительное Собрание партія Народной Свободы, списокъ № 2, выставляетъ кандидатами отъ Петрограда:

1. **МИЛЮКОВЪ**, Павелъ Николаевичъ, министр иностранныхъ дѣлъ 1-го русскаго Временнаго Правительства. Членъ 3-й и 4-й Госуд. Думы отъ Петрограда. Предсѣдатель Центральнаго Комитета Партии. Извѣстный историкъ. Гласный Городской Думы.

2. **ВИНАВЕРЪ**, Максимъ Моисеевичъ, членъ 1-й Госуд. Думы отъ Петрограда. Сенаторъ. Извѣстный юристъ и общественный дѣятель и писатель. Гласный Гор. Думы.

3. **КУТЛЕРЪ**, Николай Николаевичъ, членъ 2-й и 3-й Госуд. Думы отъ Петрограда. Министръ земледѣлія въ 1905 году, вышедшій въ отставку вследствие отклоненія его проекта надѣленія крестьянъ помѣщичьей землей.

4. **РОДИЧЕВЪ**, Федоръ Измаиловичъ, членъ всѣхъ 4-хъ Госуд. Думъ. Извѣстный земскій дѣятель, требовавшій во главѣ тверской депутаціи въ 1894 г. отъ Николая II введенія конституціоннаго строя.

5. **НАБОВЪ**, Владиміръ Дмитріевичъ, членъ 1-й Госуд. Думы отъ Петрограда. Сенаторъ. Извѣстный общественный дѣятель и писатель. Бывшій проф. уголовного права. Гласный Городской Думы.

6. **ШИНГАРЕВЪ**, Андрей Ивановичъ, членъ 2-й, 3-й и 4-й Госуд. Думъ. Министръ земледѣлія и финансовъ въ первомъ временномъ правительствѣ. Гласный Гор. Думы.

7. **Гр. ПАНИНА**, Софья Владиміровна, первая женщина—товарищъ министра въ Россіи во Временномъ Правительствѣ. Извѣстная петроградская общественная дѣятельница. Основательница Народнаго Дома на Литевкѣ. Гласный Городской Думы.

8. **Проф. КОРНИЛОВЪ**, Александръ Александровичъ, сенаторъ. Извѣстный историкъ. Специалистъ по земельному вопросу.

9. **Проф. ГРИММЪ**, Давидъ Давидовичъ, членъ Госуд. Совѣта по выборамъ отъ университетовъ. Сенаторъ. Извѣстный ученый юристъ.

10. **ЗЕРНОВЪ**, Дмитрій Степановичъ, бывшій директоръ Технологическаго института. Видный дѣятель союза инженеровъ. Гласный Городской Думы.

11. **ВЕРНАДСКІЙ**, Владиміръ Ивановичъ, академикъ. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

12. **КОЛОСОВЪ**, Александръ Николаевичъ, преподаватель военно-юридической академіи, товарищъ предсѣдателя военной коммисіи при центральномъ комитетѣ.

13. **ПРОТОПОВЪ**, Дмитрій Дмитріевичъ, членъ 1-й Госуд. Думы. Земскій дѣятель. Гласный Городской Думы. Специалистъ по дѣламъ городского и земскаго самоуправленія.

14. **Ки. БОЛЕНСКІЙ**, Владиміръ Андреевичъ, членъ 1-й Госуд. Думы. Гласный Городской Думы. Земскій дѣятель.

15. **ОЛЬДЕНБУРГЪ**, Сергій Федоровичъ, академикъ. Членъ Госуд. Совѣта по выборамъ отъ университетовъ.

16. **ВЕЛИХОВЪ**, Левъ Александровичъ, членъ 3-й и 4-й Госуд. Думы отъ Петрограда, гласный Городской Думы.

17. **Проф. СОКОЛОВЪ**, Константинъ Николаевичъ, государствовѣдъ и журналистъ.

18. **ГЕССЕНЪ**, Владиміръ Матвѣевичъ, членъ 2-й Госуд. Думы отъ Петроградской губ. Специалистъ по вопросамъ государственнаго права и мѣстнаго самоуправленія.

Этихъ людей, гражданъ, знаетъ вся Россія. Подавайте за нихъ ваши голоса. Имъ можно вѣрить судьбы Россіи!

Газета «Борьба», 11 ноября 1917 г., список № 2 кандидатов партии народной свободы от Петрограда на выборах в Учредительное собрание. Академик, товарищ министра народного просвещения В.И. Вернадский указан под № 11

В середине июля 1918 г. Вернадский, оценивая свою работу в Министерстве народного просвещения, писал, что «за время Временного правительства, при шаткости и слабости его государственной власти и печальных огромных ошибках правительств Львова и Керенского, приведших в конце концов к победе крайних революционных сил, удалось сделать немного в области высшей школы. Правда, и времени было мало, немногие месяцы. За это время удалось создать несколько новых центров высшей школы, положить основы выработки государственного плана всероссийской организации высшего образования, выработать новые типы высшего образования, провести в спешном порядке основы автономии и начать выработку планов педагогического, ветеринарного образования, создание новых типов общих высших учебных заведений, связанных с развитием высшей школы на Азиатском континенте, столь бедном высшим образованием и столь богатом нетронутыми еще, ждущими научного исследования силами, - в частности, многофакультетных, нового типа университетов, связанных и меняющихся в связи с местной жизнью и местной культурой. Нельзя не отметить здесь предположенную при этом впервые в истории человечества попытку объединения восточных и историко-филологических факультетов в новый тип и в связи с этим введение в план преподавания арабского языка и связанной с ним культуры аналогично тому положению, какое в обычных факультетах всего мира, если оставить в стороне застывшие и отставшие мусульманские университеты, занимают древние классические языки и связанная с ними культура. Характерной чертой государственной структуры высшей школы явилась ее полная свобода от вмешательства правительственной власти в ее внутреннюю жизнь» [67, с. 54]. «Задача, которая при этом сознательно ставилась в различных министерствах учеными, получившими теперь влияние, заключалась в том, чтобы поддержать и дать возможность развиваться как тем ученым учреждениям, которые уже существовали издавна, так и тем, которые временно создались в связи с нуждами военного времени. В Министерстве народного просвещения была создана специальная Комиссия по ученым учреждениям, которая вошла в тесный контакт с Академией наук. В связи с этим впервые оказалось возможным усилить помощь на научную работу. Уже гр. Игнатьеву удалось увеличить отпускавшуюся сумму до 229000 рублей. Сумма эта была увеличена до 780000 рублей, и в бюджет 1918 года был внесен 1000000 рублей на помощь на научную работу. Вместе с тем Министерство народного просвещения совместно с Академией наук решило

созвать в 1918 году съезд представителей всех ученых учреждений, с тем чтобы организовать Союз ученых учреждений всей России, дать возможность этому Союзу влиять самым широким образом на государственную помощь научной работе и передать в распоряжение Союза все государственные средства, бюджет которых должен был быть по возможности увеличен. В этом Союзе должны были принимать участие все ученые учреждения, государственные, общественные и частные, и Союз, а равно и ученые учреждения всех ведомств, должны были стоять самостоятельно, вне бюрократических рамок ведомств. <...> Работа Министерства направилась на охрану и организацию для общего пользования гибнущих во время революции культурных ценностей, и получила широкое развитие работа по изучению и сохранению архивов, памятников старины и созданий художественного творчества» [67, с. 56–57].

О работе в Министерстве народного просвещения Вернадский вспоминал и в конце жизни: «Я столкнулся здесь с чрезвычайной случайностью распределения высших учебных заведений в нашей стране и с чрезвычайной редкостью и случайностью больших центров научной работы, не связанных с высшей школой. В то короткое время, пока мне пришлось здесь работать, был открыт Пермский университет, подготавливавшийся еще годами до революции, созданный по инициативе и частью на средства Мешкова, местного общественного деятеля, идейного человека. Поднят был и вопрос о создании новых академий наук. Я помню, что этот вопрос мы обсуждали вместе с моим старым другом академиком Н.Я. Марром. Поднимался вопрос о Грузинской академии наук и об академии наук на Украине и в Сибири. Эти вопросы сейчас практически разрешены. Грузинская и Украинская академии существуют, а вопрос о Сибири, вероятно, временно решен в виде филиалов при Всесоюзной Академии. В это время я познакомился с другим товарищем министра, проф. Н.П. Василенко (1866–1935), историком Украины, который являлся представителем Украины в вопросах, связанных с высшей школой. У него первого явилась мысль о создании Украинской Академии. Он умер ее академиком. У нас с ним сразу создалась дорогая нам обоим дружеская связь, которая для меня, его пережившего, осталась тоже на всю жизнь. Чрезвычайно интересен и сейчас заслуживает внимания план Н.Я. Марра о создании особого историко-филологического факультета в Тифлисе – теперь Тбилиси. Марр в своей записке предполагал в основу факультета поставить арабский и восточные языки – культуру Азии аналогично тому, как в

основе общих историко-филологических факультетов европейских и американских университетов поставлены языки греков и римлян и культура Западной Европы» [62, с. 373–374].

Еще 5 ноября 1917 г. Вернадский записал в своем дневнике: «Возможен арест – но бежать неприятно. <...> Сегодня в “Деле нар[ода]” поразительное по цинизму решение большевиков о свободе печати³⁰⁸. Это что-то невероятное» [56, с. 31]. На следующий день, также в дневнике, он записывает: «Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на ее антигосударств[енное] движение. Сейчас ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей, которые играют такую роль в этом движении. Можно очень ярко провести это через всю историю еврейства и русского народа. Служилые слои, отделившиеся от народа, уже тысячелетие делали государственную историю. “Народ” жил своей жизнью и творил другое. Очень ясно падение идейное социализма и народничества. Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции. Что бы ни случилось в госуд[арственных] формах, великий народ будет жить» [56, с. 32]. Его очень волнует будущее России, ее единство (дневник, 12 ноября 1917 г.): «Элементы единства: 1) воля народа к единству и к государственности – сейчас чрезвычайно ослабла и, наоборот, направлена в другую сторону, 2) религиозная – вера – тоже потухла в активных элементах. Временно? 3) единство духовной культуры – очень сильная и крепкая, благодаря мировому ее характеру по сравнению со всеми же местными национальными, 4) богатство качественное и количественное русской литературы, имеющей практическое применение в жизни, и малая распространенность других мировых языков, 5) госуд[арственная] рутина, 6) налаженные торговые связи, 7) значение и выгода большой государственной территории, обычно не оцениваемое, для отдельных частей России, 8) личная связь между деятелями в разных местах и областях России, даже

³⁰⁸ «Декрет о печати» был утвержден СНК на его первом же заседании 27 октября 1917. Среди общих положений он предусматривал закрытие органов печати, «призывающих к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству» и «сеющих смуту путем явно клеветнического извращения фактов» [98, с. 24–25]. Еще до его принятия, начиная с 25 октября, под различными предлогами был закрыт ряд газет и типографий, в т. ч. «Речь», «Новое время», «Биржевые ведомости» и др., а 26-го на заседании ВРК принята «Резолюция по вопросу о печати», санкционировавшая закрытие вообще всех «буржуазных» газет.

принадлежащих к разным национальностям, основанная на долгой традиции. Несомненно, большое значение должны иметь бессознательные элементы, сдерживающие Россию. Их надо развить особо» [56, с. 41].

Из дневника Вернадского, 19 ноября 1917 г.: «Сегодня не ночевал дома. Решил уезжать. Кажется, все находят, что поздно³⁰⁹. Вчера заседание Вр[еменного] правительства] не состоялось – пришли Константинов], Салт[ыков], Массальский], я и С. Вл. [Панина]. Начал готовить свой отъезд в Полтаву – м[ожет] б[ыть], удастся. По-видимому, все подписавшие уехали. Вчера был ряд довольно непонятных обысков. Гл[авным] обр[азом] в связи с гор[одской] думой, но, кажется, и в связи с к.-д. Арестован Шрейдер (когда он указывал, что он чл[ен] Учредительного] собр[ания], ему заявили, что это бурж[уазные] предрассудки, – им все равно), Протопопов и местные городские кадеты - Дубоссарский, Кауфман и др. Их всех спрашивали, состоят ли они членами ЦК, участвовали ли в составлении воззвания правительства] и т.д. По-видимому, у них смутное представление о положении дел. Закрыты все газеты, напечатавшие воззвание Вр[еменного] правительства], кроме «Вольности». «Дело народа» напечатало это воззвание в виде статьи «Завещание» и осталось целым» [56, с. 51–52].

Позже Вернадский вспоминал: «Когда произошел Октябрьский переворот, я чувствовал себя морально не в силах принимать активное участие в гражданской войне и уехал в Полтаву» [62, с. 374]. Он «подстраховался», и чтобы его отъезд не выглядел бегством, обратился в Отделение физико-математических наук Академии с просьбой командировать его в южные районы страны по состоянию здоровья и для продолжения работ по живому веществу. 22 ноября 1917 г. Отделение физико-математических наук Академии удовлетворило эту просьбу Вернадского [163].

Из протокола заседания (XIV) Физико-математического отделения Российской Академии наук от 22 ноября 1917 г. [56, с. 227]:

³⁰⁹ Прямая опасность для Вернадского ощущалась многими, если не всеми, его знакомыми. В.И. Крыжановский, его ученик, писал Н.Е. Вернадской из Екатеринбурга: «Когда было опубликовано последнее воззвание Врем[енного] прав[ительства], мы остро и больно переживали его последствия, но особенно тревожила нас судьба Владимира Ивановича. Где он, что с ним? Есть ли место, где он найдет пристанище? Господи. До чего мы дожили!» (ИР ЦНБ. Ф. I. Д. 26950. Л. 1–1 об.).

§ 471. От имени академика В.И. Вернадского читано: «Ввиду состояния своего здоровья, отправляясь на юг, прошу дать мне командировку, так как я там буду закапчивать свои работы, здесь начатые. Сроком до 1 января 1918 года. Если нельзя дать мне командировку, то прошу дать отпуск. Заведование Геологическим и Минералогическим Музеем и Минералогическим его Отделением передаю на это время академику Н.И. Андрусову». Было положено командировать, о чем сообщить в Правление для возбуждения соответствующего ходатайства перед президентом и сообщить академику Н.И. Андрусову.

Надо сказать, что Вернадский уехал из Петрограда вовремя. Во-первых, как уже указывалось выше, 18 ноября в газетах появилось постановление Военно-революционного комитета об отправке «в Кронштадт под надежным караулом под надзор исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов» бывших товарищей министров, среди которых назван и Вернадский. Во-вторых, что тоже отмечалось выше, 28 ноября 1917 г в 10³⁰ вечера СНК был принят «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции» [98, с. 162]: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции. Декрет вступает в силу с момента его подписания»³¹⁰.

³¹⁰ Говоря по-простому, с этого времени «известный деятель партии кадетов», академик Вернадский «находился в розыске».

ПОЛТАВА (ноябрь – декабрь 1917 г.)

19 ноября 1917 г. Вернадский выехал из Петрограда в Москву. До «Москвы доехал прекрасно, с Набоковым в купе»³¹¹. Обсуждали сложившуюся в стране ситуацию. В дневнике Вернадский записал, что Набоков также «переживает душевный кризис. Признает фетиш – всеоб[щее] избирательное] право. Фетиш демократии. По характеру образов[ания] и недостаточней] государственности русск[ого] народа считает, что для него лучшим выходом был бы просвещенный абсолютизм. Но это невозможно. Смотрит вперед очень мрачно – развал России и вновь ее воссоздание. Думает, что благодаря политике Ленина – Бронштейна мир может быть заключен, т[ак] к[ак] союзники не выдержат одни немцев; считает, что для нас будет еще хуже, если будет тянуться теперешнее положение. Я думаю, что возможны два выхода: 1) мир за наш счет или 2) продолжение войны, причем мы будем в длительном разложении и, м[ожет] б[ыть], перестройке. Но здесь мы не учитываем те силы, которые идут сейчас в других народах как Азии, так и Европы. Что там творится? К сожалению, одновременно с торжеством социальных низов и демоса идет моральное разложение основ его идеологии. Стоило ли бороться для достижения того низменного результата, который показала миру русская демократия? У всех искание высшего; его нет в этой, как сказал Набоков, языческой революции. Мало дает и христианский, или вообще религиозный идеал в его внешнем проявлении. Его силы в внутренних глубоких переживаниях. М[ожет] б[ыть], такие переживания есть и в идейных единицах низов, мечтающих о достижении вековых, своих идеалов. Но эти переживания не могут удовлетворить и кажутся не стоящими усилия, ничтожными и ужасными их вождям и идейным интеллигентным творцам, их поколениям, сделавшим революцию, подвинувшим массу. Неизбежно отсюда идейное и моральное крушение социализма. Что поставить на его место? Идеал единой космической организации человечества через государство? Космической цели овладения природой путем развития организации научной работы, научной мысли? Достижение идеала красоты в жизни? Углубление религиозного искания для познания божества и достижения настоящего братства? Усиление духовных

³¹¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 10.

стремлений человеческой личности в ущерб тем материальным, какие выставлялись социализмом?» [56, с. 225–226].

20 ноября в Москве, на вокзале, Вернадского в Полтаву «проводжали Любощ[инские]. Ночью перед самым отъездом поезда в отс[тойном] пути ворвались демобилиз[ованные] солдаты и захватили купе»³¹².

Из дневника Вернадского, 21 ноября 1917 г.: «Еду с солдатами, захватившими первый класс. Мне кажется, кроме меня, не сел никто, и я сел за 20 р[ублей] на запасном пути с целым рядом походов. В купе набилось около 8 чел[овек], в коридорах сплошная толпа, едут на буферах. Все солдаты почти сплошь. И так идут поезда сплошь. В следующем за нами (через 1/2 часа) поезде уже драка, сломаны стекла... Кондуктора скрылись. Я еду на верхней полке относительно спокойно. Впечатление от разговоров чрезвычайно тяжелое. Темная Русь и Русь гибнущая – при стремлении к свободе Русь рабская. В разговорах сплошь без нужды всякие срамные выражения. Некоторые (солдат еврей) за каждым словом любимое ужасное русское ругательство матерщиной. И в общем это привычка – ничего скверного помимо этих аксессуаров не говорили. Вагоны загажены; до Орла почти – до утра приходилось пользоваться на ходу открытым окошком для того, чтобы помочиться. Один солдат за другим так делал... В общем два типа солдат – солдаты-торговцы, приезжающие даром продавать муку и овес, мешочки, ведущие торговлю, и солдаты, отпущенные на время или навсегда. Разговоры очень интересные, но в общем безотрадные: о наживе – дешево купить, дорого продать. Это вот стремление к наживе очень сильно <...>. Другая тема – украинцы – русские, невозможность дружного сожительства; разговор о дороговизне; разговор об отдании чести; об офицерах, которые сами виноваты за то, что случилось; о перемирии и мире. Здесь чрезвычайно смутные представления: мир без аннексий, немец все вернет назад. Но наряду с этим несомненно сознание общерусского несчастья. Россия гибнет, может случиться, что мы будем воевать с немцами, которые заставят русских сражаться» [56, с. 226].

В августе 1937 г. Вернадский вспоминал: «Приехал в Полтаву. Почти никто не помог с чемоданом. Нашел попутчика, с котор[ым] мы взяли общего извозчика. Он сперва довез меня на Познанскую

³¹² АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 10.

ул[ицу]³¹³. Меня никто не ждал. Я приехал утром. В это время в Полтаве был Совет рабоч[их] и крест[ьянских] депутатов. Зять Короленко играл там большую роль. Тогда были три власти: 1) Совет рабочих <и крестьянских> депутатов, 2) Киевская рада³¹⁴, 3) Донецкая рабочая республика (Юзовско-Донецкая). Причем фактически власть принадлежала Совету сол[датских] депутатов. Играли роль железнодорожные рабочие» [56, с. 228]. «Жизнь в Полтаве продолжалась до конца 1917 г. Ниночка <Вернадская> приехала к осени. Н[атаалья] Е[горовна] 24 декабря»³¹⁵.

27 апреля 1943 г. П.К. Казакова рассказывала: «В половине августа (примерно) <1917 г.> мы <она и Нина Вернадская> переехали <из Шишаков> в Полтаву, поселились у Старицких. В октябре так утром просыпаюсь и слышу мужской голос. Оказывается, приехал Георгий Егорович <Старицкий>, уже после переворота. А в ноябре, так же утром, неожиданно приехал Вл[адимир] Ив[анович]. А в декабре была у Старицких елка, света не было. Собрались дети, были Бельговские»³¹⁶.

³¹³ Познанский переулок, здесь находился дом Г.Е. Старицкого, шурина В.И. Вернадского (брата его жены – Н.Е. Вернадской, урожд. Старицкой). Старицкий Георгий Егорович (1867–1946) – юрист. Окончил императорское училище правоведения. С 26 мая в 1899 на государственной службе. Работал по ведомству Министерства юстиции на разных должностях, связанных с судопроизводством: городским судьей, судебным следователем, товарищем прокурора Полтавского окружного суда, членом Полтавского окружного суда, присяжный поверенный округа Харьковской судебной палаты, городской судья в Полтаве. С августа по ноябрь 1919 полтавский губернатор. Затем жил в Болгарии.

³¹⁴ «Центральная Украинская рада в Киеве, во главе которой стоял профессор Голубович» [62, с. 374].

³¹⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 12.

³¹⁶ Бельговский Леонид Иванович – (1880–29.I.1963) – юрист. В молодости учился в одном из медицинских вузов Петербурга, затем избрал профессию юриста (окончил один из немецких университетов). Член к.-д. партии, с 1917 по 1931 или 1932 жил в Полтаве, до революции – активный земский деятель, секретарь уездного комитета по топливу. Его сын – Бельговский Марк Леонидович (1906–1959) – биолог, генетик. Окончил ЛГУ (1930), до 1933 – сотрудник Ленинградского отделения Института животноводства, с 1933 – сотрудник Лаборатории (с 1934 – Института) генетики АН СССР, в 1948 после августовской сессии ВАСХНИЛ и разгрома генетики был уволен. В 1948–1950 – сотрудник Института леса АН СССР, в 1956–1959 – Института биофизики АН СССР. Участник Великой Отечественной войны, медали «За отвагу» (1944), «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ордена Красной звезды (1944) и Отечественной войны II степени (1945). В

Вдруг – звонок. Бельговский берет револьвер и идет открывать. Оказалось – это Нат[алья] Ег[оровна]. Было полное торжество. Так мы жили всей семьей до весны»³¹⁷. «Так вся семья собралась в Полтаве. Выехать уже никуда было нельзя. Дом был вместительный с большим садом. <...> Жили только благодаря своему хозяйству (была корова), так как денег уже никому не платили. Но благодаря корове голода не было» [76, с. 132].³¹⁸

его письме Вернадскому (начало 1942?) указывалось на тяжелое положение отца, находившегося в то время в «исправительно-трудовом лагере» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 119. Л. 2).

³¹⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 47.

³¹⁸ Из воспоминаний Н.Е. Вернадской: «После отъезда Владимира я оставалась больше месяца одна. В квартире было жутко и пусто (жена Кишкина приехала позже и жила в дальних комнатах). Я устроилась около кухни, и рядом со мной была горничная Саша. Несколько дней провели у нас Ненадкевич с семьей. Очень это было приятно, но они стеснялись, все жили в одной комнате. Они скоро уехали, кажется, к себе на родину. Паша <Старицкий> жил не очень далеко от нас. Работал на заводе. Вспоминая, удивляюсь, что у меня не было большого страха, даже по ночам. Какое-то особенное было настроение на душе. Раз как-то днем позвонили по телефону, и грубый голос стал требовать к телефону Влад[имира]. Я не сказала, что он уехал, но что его нет дома. Больше не звонили. Около 20 дек[абря] (старого стиля) пришла ко мне Соня Короленко. Сказала, что приехала из Полтавы по делу приютов. Приехала в купе, на след[ующий] день должна ехать обратно в Полтаву. Я спросила ее, не взяла ли бы она меня с собой. Она ответила, что охотно, если я смогу собраться быстро по ее зову в телефон. На след[ующий] день она мне позвонила и попросила немедленно приехать на вокзал. Саша отсутствовала. Я собралась в одну минуту. Взяла самое необходимое. Кое-что Ниночке и Пр[асковье] К[ирилловне]. Позвонила по телефону Паше. Он немедленно пришел ко мне и очень уговаривал не ехать, считая такой шаг рискованным. Все же я решилась ехать. В те дни трудно было достать извозчика. Паша поехал со мной. Там с трудом достали (носильщика) человека, кот[орый] дотащил мой небольшой чемодан до вагона, где находилось купе Сони. Этот вагон охранялся стражей, т[ак] к[ак] толпа народа врывалась, стремясь занять места... До Харькова мы доехали отлично. Там же объявили, что вагон пойдет прямо в Крым. Я умоляла Соню ехать дальше без меня, боясь, что не смогу влезть в переполненный вагон, но она сказала, что без меня она не поедет. (Она все время была удивительно добра и внимательна.) Но оказалось, что вагоны почти пустые, т[ак] к[ак] в Полтаве шла стрельба (большевики, германцы, всякие банды). На вокзале в Полтаве (24 дек[абря]) почти не было извозчиков. С трудом захватили последнего. На горе встретили извозчика, кот[орый] сказал нашему: “Поезжай назад, если дорожишь жизнью. Стреляют”. Но он, к счастью, решился ехать дальше. По дороге завезли Соню. У дома позвонила,

В одной из современных биографий Вернадского сообщается, что он в ноябре 1917 г. из Москвы «направляется в Полтаву, оттуда – в Шишаки. Как булгаковский Лариосик, сначала приехал он, а через пять дней пришла телеграмма с предупреждением о приезде, которую послал из Полтавы. Со станции Ереськи ему пришлось самому добираться до “Ковыль-горы”. Его никто не встретил. Вскоре, правда, обнаружилось, что жить на даче стало неудобно, опасно. И не только из-за холода, но и из-за островного положения во враждебном народном море. Он “буржуа”, дачник, чужак. Лучше перебраться в дом к Георгию Егоровичу Старицкому в Полтаве» [4, с. 215–216]. Это не так. Вернадский в этот раз Шишаки не посещал, он остался в Полтаве, а «запоздавшая телеграмма» относится к его поездке в Шишаки в июле 1917 г.

Полтава, дом в котором в 1917–1918 гг. жил В.И. Вернадский, тогда Познанский переулок, ныне – улица Николая Дмитриева, 8

выбежал брат Г[еоргий], закричал: “Наташа!”. За ним Влад[имир], Ниночка лежала больная и расплакалась от радости...” [56, с. 227–228].

Доктор А.А. Несвицкий³¹⁹ в своем дневнике отразил события, происходившие в Полтаве в конце ноября – в декабре 1917 г. [171, с. 416–471].

25 ноября: «По поводу грабежа в клубах обращались с жалобой в Киевскую Раду, но безрезультатно. Жаловались ей на закрытие типографии. Рада предписала не закрывать, но Совет рабочих депутатов не обратил на это внимания. 1 пуд сена – 12 руб., овса – 15 руб. Ходим пешком, одни солдаты разъезжают по городу».

27 ноября: «Воровства, грабежи продолжаются, грабят ночью, вечерами и днем».

30 ноября: «12 ноября на дачу к бывшему директору Кадетского корпуса Н.П. Попову в Гетманском переулке на Кобыщанах явились одетые в офицерскую форму грабители, потребовали деньги и вещи, обыскали, забрали все дочиста, взяли его лошадь и уехали, увезя вещи».

8 декабря: «За хлебом очереди по несколько часов. Хвосты за мануфактурой».

9 декабря: «Около арестантских рот большая толпа. Оказывается, украинцы отбирают оружие у квартирующего там авиационного парка. По слухам, в Константинограде народным самосудом убито 12 человек. Убит в Миргороде старик О'Рурк и его жена, с 4 на 5 декабря. Он был председателем земской управы и предводителем дворянства».

12 декабря: «Большевики взяли верх, господствуют в Полтаве, отобрали назад оружие, арестованное Радой у авиационного парка.

³¹⁹ Несвицкий Александр Александрович (1855–1942) – врач. Родился в Кременчуге в семье городского архитектора. Учился в Полтавской гимназии, затем – в Петербургской медико-хирургической академии, где сблизился с революционно настроенными студентами. Был выслан в Кременчуг на попечение родителей с учреждением гласного надзора полиции. В 1880 состоял в санитарном отряде по прекращению дифтерита в Роменском уезде, в октябре его освободили от надзора и отпустили обратно в Петербург, где, однако, ходатайство о его возвращении в академию было отклонено, окончил (1882) курс академии со званием лекаря. Обучение продолжил в Киевском университете. В 1888–1902 – земский врач в Кременчугском уезде, позже работал в Полтаве городским врачом. Опубликовал ряд статей на врачебно-санитарную тематику в местной прессе, несколько научных работ по вопросам медицины, проводил консультации по внутренним болезням в Полтавском женском институте. Им была организована бесплатная городская амбулатория, во главе которой стоял около 30 лет, затем руководил амбулаторией трикотажной фабрики. Член Конституционно-демократической партии России. Умер в оккупированной немцами Полтаве.

Земельный комитет рубит монастырский лес. На Крутом Береге у Невиандта все разграбили и вырубili лес. Все магазины торгуют до 4 часов, нет нефти для электрической станции».

13 декабря: «Учитель гимназии, математик Гвоздев, шедший домой по Шевченковской улице, был ограблен и тяжело ранен в висок и в грудь. Грабители скрылись. По всему городу бродят солдаты в одиночку и толпами. Бродят без дела, нападают на офицеров и жителей, грабят, убивают».

14 декабря: «Воззвание, расклеенное по городу, призывает жителей о всеобщей забастовке. Украинская Рада является (по воззванию) контрреволюционным учреждением, желающим поправить все добытые революцией свободы – политические, экономические и т. д. Указывается на то, что Совет рабочих <депутатов> порешил встретить их с красным знаменем, с пением революционного гимна и т. п., а между тем представитель Рады требует, чтобы был распущен 4-й полк и депутаты от Совета рабочих депутатов отправились бы в Киев для объяснения перед генеральным секретариатом по поводу его агитации среди войск. Призываются рабочие защищать революцию и начать всеобщую забастовку, не давать хлеба, воды, света и прекратить торговлю. Афиши, расклеенные на улицах, напечатаны на русском и украинском языках. Типографии продолжают бастовать».

15 декабря: «Появилось электрическое освещение. 14 декабря был закрыт водопровод, 15 декабря был открыт с утра. Вечером в “Европейской” гостинице убит командующий войсками полтавского гарнизона Ластовченко. После этого украинцы окружили губернаторский дом и разогнали заседавший в “Европейской” гостинице Совет рабочих депутатов. Многие убежали, скрылись в подвалах, но многих захватили и отправили в здание Кадетского корпуса, где в верхнем этаже помещались украинские войска. Убийство совершил какой-то Дунайский».

16 декабря: «Командующий войсками <...> объявил Полтаву на военном положении. После 9 часов вечера нельзя быть на улице всем, кроме лиц, имеющих пропуск. Запрещены митинги, собрания, самочинные обыски, аресты и т. д., нарушение неприкосновенности жилищ и свободы личности. Разрешено печатание всех газет. Разъезжавшие по городу на автомобилях украинцы разбрасывали объявления об этом. Украинцы отбирают оружие. Солдаты вооружены. В городе постоянно слышатся выстрелы. При обыске украинцы нашли в

губернаторском доме, где помещался Совет рабочих <депутатов>, оружие, бомбы, бомбометы и т. п. Совет рабочих <депутатов> разогнан».

Полтава, мемориальна доска на фасаді дома в Познанському переулку (нині – вулиця Ніколая Дмитрієва, 8): «В цьому домі в 1917–1918 роках жив і працював видатний радянський учений-естествоиспытатель, перший президент Академії наук УРСР, академик Володимир Іванович Вернадський (1863–1945)». Матеріал – граніт. Відкрита в 1988 р.

17 декабря: «Украинские войска заняли помещение Совета рабочих <депутатов> в губернаторском доме. Арестованные члены Совета рабочих <депутатов> освобождены. Разгромлен магазин и винный погреб Скрыньки. Часть разгромленного отняли украинские войска».

19 декабря: «Сгорели 5 баракв на Шведской Могиле, подожженные солдатами».

20 декабря: «Железнодорожный путь от Кочубеевки до Божково разобран, чтобы препятствовать продвижению войск большевиков из Харькова. На улицах не прекращается стрельба».

21 декабря: «Привезен в город керосин, его давно не было. Разгромлена на Петровской площади лавка Кругликова, торгующего, между прочим, и керосином. Громила толпа. По городу много пьяных солдат».

Полтава. Пушкинская улица. Библиотека

22 декабря: «Губернское земское собрание. <...> О прибытии войск из Харькова не слышно. К праздникам выдавали по карточкам сахар-песок (по 1 руб. 42 коп. за фунт) по 4 фунта».

23 декабря: «Раздаются бланки для выборов в Украинское Учредительное собрание на 27, 28, 29 декабря. Большевики бойкотируют выборы».

24 декабря: «Вернувшийся из Киева ротный командир Кадетского корпуса полковник А.Д. Ромашкевич привез приказ Рады о снятии погон. Расквартированные в Кадетском корпусе украинские солдаты разломали все находившиеся в классах шкафы, книги пожгли. Всюду грязь, сор, нечистоты».

25 декабря: «По городу много пьяных солдат. Опять громили погреб Скрыньки. Была стрельба. Выборы в Украинское Учредительное собрание отложены до 12 января. Солдатам дано право получать денатурат в очередь во избежание разгрома винных лавок».

26 декабря: «На базаре солдаты громили винный склад Панасенко. Много пьяных, идет стрельба по городу. Громили винный погреб Скрыньки, была при этом стрельба».

27 декабря: «Идут погромы лавок; громят солдаты и всякий сброд. Разгромлены магазины: экономического общества, Скрыньки, Губского (бакалейный), Лемер (винный). По городу разъезжают пьяные солдаты с бабами, развозят награбленное вино в ведрах, бутылках, жестянках. Крик, гиканье. 26 декабря стреляли пулеметы, раненых отвозят в больницу. Разграблены чиновничья лавка, ювелирные магазины Сапожникова, Шипотовского, магазин мехов, белья и т.п. Образовалась дружина молодых людей для удерживанья солдат, но солдаты стреляли и убили 5 человек. Жители скрываются в домах. Пьянство и разгул вовсю».

28 декабря: «Ночью подбирали по городу пьяных солдат, валявшихся на улицах. По городу ездят бронированные автомобили для предупреждения погромов. Трудно разобрать, какие солдаты грабят: украинцы или иные... Много вещей у них отбирают. Объявлено военное положение. Запрещено ходить по городу позже 7 часов вечера. На базары приезжающих в город не пропускают. Неудачная прогулка по городу – бегство домой. 27 декабря – митинг солдат в музыкальном училище против погромов и безобразий».³²⁰

³²⁰ 28 декабря 1917 В.Г. Короленко записал: «Полтава три дня пьянствует и громит винные склады. Началось с того, что “штаб” (украинский) постановил угостить своих солдат на праздники интендантским вином. Члены большевистского “совета” предостерегали от этого, но добродии-украинцы не послушались. <...> В погреб проникли сторонние солдаты. Им тоже “благодарушно” наливали в посудины. Толпа увеличивалась, начался разгром, который вскоре раскинулся по всему городу». Лишь к 5 января погромы затихли. «Сплошное скотское пьянство наконец прекратилось» [101, с. 181].

29 декабря: «Погромов в городе не было. На третий день праздников – бунт арестантов в остроге. Обезоружили караул. Подоспела охрана, дала залп, убит главарь, остальные вернулись в камеры, так что они на гастроли не попали»³²¹.

30 декабря: «Все лавки и магазины закрыты до 2 января. На улицах прохожих останавливают, обыскивают и обирают...»

31 декабря: «Тихо, погромов не слышно. <...> Совет рабочих и солдатских депутатов опять действует».

Вот в таких «внешних» условиях жил и работал Вернадский в Полтаве в конце ноября – декабре 1917 г.

Судя по имеющимся (немногочисленным) сведениям в это время он, с одной стороны, размышляет над сложившейся в стране политической обстановкой, с другой – достаточно активно работает над проблемой геохимического значения живого вещества.

На веранде дома Старицких в Полтаве. Слева направо: Георгий Вернадский, Павел Егорович Старицкий, Наталья Егоровна, Нина и Владимир Иванович Вернадские, 1908 г.

³²¹ Вернадский в письме Василенко 29 декабря 1917 сообщал из Полтавы: «Здесь оказались склады бессар[абского] вина (по-видимому, для Рум[ынского] фронта). Перед праздниками были выданы порции солдатам («укр[аинцам]»). Те узнали, где склады, и в сочельник начался ими погром, длившийся совершенно беспрепятственно два дня» [114, с. 255].

В письме Вернадскому 5 декабря 1917 г. из Киева Н.П. Василенко сообщал: «Мне так хочется повидаться и потолковать с Вами. Русская революция создала такую свободу и самостоятельность, что не знаешь, что делается кругом. <...> Мы на днях говорили о Вас. Кой-какие сведения о Вас у меня были. Вопрос шел о Вашей кандидатуре в Укр[аинское] Учр[едительное] Собрание³²². На днях у нас было областное собрание по этому поводу. Совещание пришло к заключению о необходимости принять участие и работать. Конечно, мы будем на выборах иметь очень малый успех, так как мы официально не признаем принципа федерализма и, кроме того, автономию Украины мыслим опирающейся на автономию областей, входящих в нее (Ваша мысль). Все же, как всегда, мы должны идти и бороться. Не нашли бы Вы возможным выставить и свою кандидатуру, если официально Вы можете причислить себя к лицам, имеющим постоянную оседлость на Украине» [114, с. 251–252]. Вернадский 8 декабря 1917 г. отвечал из Полтавы: «Я придаю очень большое значение Укр[аинскому] Учр[едительному] Собр[анию]. Здесь мы обсуждали вопрос о к[онституционно]-д[емократической] программе для него. Я пишу сейчас программу-статью, связанную с народным образованием. Выдвинем широкую автономию Полтавщины. Надо бы областной съезд и областную к[онституционно]-д[емократическую] газету в Киеве. Если сочтете нужным выставить мою кандидатуру в Учр[едительное] Собр[ание] Украины — согласен. Я считаю себя “постоян[ным] представит[елем] Украины” — Миргород[ского] у[езда] Полт[авской] губ[ернии], Шишаки» [114, с. 253–254].

В письме от 20 декабря Василенко приглашает Вернадского приехать в Киев, поскольку «явилась мысль устроить совещание с некоторыми из членов Ц.К. <партии кадетов> в Киеве» [114, с. 254]. 29 декабря 1917 г. Вернадский ответил ему, что приехать не сможет, поскольку не решается оставить дочь одну в очень беспокойных событиях в Полтаве, которая, к тому же, заболела и слегла. Кроме того, «третьего дня вечером совершенно неожиданно — и, благодаря

³²² Выборы в Украинское Учредительное собрание были назначены на 27 декабря 1917, а день созыва — на 9 января 1918 г. Однако собственно выборы проходили уже в условиях войны с большевиками и не были завершены. Было избрано 172 депутата на 301 депутатское место. По возвращении в Киев УЦР постановила провести выборы там, где они не состоялись, и назначила созыв собрания на 12 мая. С прекращением деятельности УЦР Украинское Учредительное собрание так и не было создано.

случайность, очень хорошо – приехала из Петрограда жена. Так что мы теперь все вместе» [114, с. 255]. Из этого же письма следует, что Вернадский в Полтаве усердно и плодотворно работает над большим трудом «о живом веществе в его геохимическом значении» [114, с. 255]. Позже он вспоминал: «В Полтаве я писал свою рукопись, для которой я мало сделал в П[етрограде]. Здесь я был лишен сколько-нибудь боль-

*Полтава. Памятник В.И. Вернадскому.
Открыт 12 ноября 2003 г.*

ших библиотек, но приходилось так много читать нового, что я находил относящееся к моей теме и в библиотек Георгия <Старицкого>, и в библиотеке сельскохозяйственного общества <...>, Полтавского музея и полтавского опытного поля» [56, с. 230]. Это подтверждает его письмо от 31 декабря 1917 г. А.А. Корнилову: «Я здесь очень много и хорошо работаю над большим трудом – живое вещество в его геохимическом значении – и каждый день несколько часов над ним сижу. Конечно, очень трудно без книг и выписок – но думаю, что вчерне закончу схему

всей книги, а затем уже буду отделявать и писать позже. Работы – хорошей – года на два – но мне кажется, это будет завершение всей моей научной работы, т[ак] к[ак] то, что я могу здесь сказать, в смысле обобщений во многом – и даже очень многом – новое и, мне кажется, очень нужное для развития науки. Иногда у меня являются сомнения, но они рассеиваются, когда подхожу с холодным рассудком. Работа, конечно, очень много дает мне» [56, с. 228–229]. Об этом же 3 января 1918 г. Вернадский сообщает Я.В. Самойлову: «Я тут очень усердно работаю

над “Жив[ым] веществом в его геохимическом значении”. Очень трудно без достаточного количества нужных книг, но работаю несколько часов в день и у меня вырисовывается весь план книги. Думал сперва, что будет это последний том моего “Опыта минерал[огии]”, но, очевидно, я в таком масштабе не доведу до конца этой работы. Сейчас я очень увлекаюсь работой и мне кажется у меня получается ряд очень любопытных обобщений. Удивительно, что в таком масштабе и с такой точки зрения никто, кажется, не рассматривал этот вопрос. Начал я работать летом³²³, в Петрограде почти ничего не успел сделать, а здесь сильно продвинул. Но работы – хорошей – на год, не меньше. Может быть, отдельные части выпущу в виде статей» [289, с. 93–94]. 5 января 1918 г. Вернадский напишет Василенко в Киев, что работает над своим трудом «хорошо... <...> Сделал много и ежедневно работаю несколько часов» [114, с. 256].

Несколько лет спустя, в 1921 г., Вернадский сообщит в РАН, что в 1917 г., оторванный от той работы, которую вел раньше, он «начал обработку глав геохимии, связанных с изучением влияния организмов на химические процессы земной поверхности» [240, с. 94]. И далее: «Как известно Академии наук, последние года, с 1917 года, главной моей научной работой явилось изучение организмов – живого вещества – с геохимической точки зрения. В бытность мою на юге России мне удалось значительно подвинуть мою работу, как сводку и обработку всего накопленного в литературе материала, так и выработку методов исследования и постановку некоторых определенных задач, с общим вопросом о живом веществе связанных. В результате этих работ у меня образовалось две больших рукописи, одна написанная в Киеве и Полтаве, а другая в Крыму, которые мне удалось получить здесь и обработкой и сводкой которых я теперь усердно занимаюсь» [46, с. 120].

1918 год Вернадский встречал в обстановке всеобщего волнения и тревог, но и с большим творческим подъемом, с пониманием того, что может сказать «новое и очень нужное для развития науки».

³²³ Т. е. в Шишаках, в июле 1917.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азовское море, с его приморскими и портовыми городами, их жителями, промыслами и торговлею, внутри и вне России. С приложением карты Азовского моря, составленной Н. Зуевым. – СПб., 1855. – II+92 с.
2. *Аксенов Г.П.* Жизнеописание. «Царство моих идей впереди...» // Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – М.: Современник, 1993, с. 15–202
3. *Аксенов Г.* Вернадский. – М.: Товарищество «Соратник», 1994. – 542 с.
4. *Аксенов Г.П.* Вернадский. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 484 с.
5. *Аксенов Г.П.* Вернадский. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 565 с.
6. *Аксенов Г.П.* Три биографии Владимира Вернадского. – М., 2014. – 164 с
7. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Историк на перепутье научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем, 2008, № 25-1, с. 87–108.
8. *Алексеев Т.В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – СПб.: Лема, 2015. – 767 с.
9. *Анри В.А.* Энергетика жизни // Природа, 1917, № 4, стлб. 443–456.
10. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. III. Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 320 с.
11. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 3. Июль–август 1917 года. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 416 с.
12. *Арчегов С.Б.* Академическая группа Государственного Совета: историко-правовой аспект // История государства и права, 2009, № 8, с. 34–36.
13. *Арчегов С.Б.* Императорская Академия наук и Государственный Совет Российской Империи (1906–1917) // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 2011, № 3, с. 213–223.
14. *Арчегов С.Б.* Академическая группа Государственного Совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... кандидата юридических наук. – СПб., 2016. – 25 с.
15. Белый архив. I. – Париж, 1926. – 223 с.
16. *Бойко Н.В.* Эпистолярное наследие В.И. Вернадского. Ч. 1. 1886–1920. (Из сборника документов «Владимир Иванович Вернадский. Письма и записки. 1886–1944»). 2017 // <http://isaran.ru/bookreader/publication.php?guid=6FFD5709-48CC-49EA-860F-90FBB16B254A&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up>.
17. *Борисов П.А.* Кристаллы силикатов из доломитов окрестностей города Повенца // Известия Российской академии наук, 1917, т. XI, № 15, с. 1289–1314.
18. *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). – Киров, 1999. – 368 с.

19. Бубликов А.А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника. – М.: Кучково поле, 2016. – 224 с.
20. Бьюкенен Д. Моя миссия в России: Мемуары: Пер. с англ. – М.: Захаров, 2006. – 432 с.
21. Василенко В.Н. Ноосферное наследие В.И. Вернадского // Эволюция Земли, жизни, общества, разума. – Волгоград: Изд-во «Учитель», 2013, № 5, с. 332–361.
22. В.Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917–1921. Биографическая хроника. Составил П.И. Негретов. – Benson Vermont: Chalidze, Сор., 1985. – 456 с.
23. Великие дни российской революции: Февраль: 27 и 28-го, март: 1, 2, 3 и 4-го 1917 г. – Пг.: Книгоиздательство «Свободная Россия», 1917. – 79 с.
24. Вернадская-Толль Н.В. Штрихи к портрету // Прометей: Ист.-биогр. Альманах сер. «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая гвардия, 1988, с. 120–131.
25. Вернадский В.И. О Государственном Совете // Свобода и культура, 1906, № 5, с. 329–339.
26. Вернадский В.И. Письма о Государственном Совете // Русские ведомости, 1906, 24 мая, № 135.
27. Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. – СПб., 1912, с. 323–341.
28. Вернадский В.И. Памяти П.К. Алексата // Русская мысль, 1913, № 12, с. 49–52.
29. Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Что Россия ждет от войны? – Пг., 1915, с. 63–76.
30. Вернадский В.И. Сероводород в земной коре // Природа, 1915, № 7–8, стлб. 941–958.
31. Вернадский В.И. О ближайших задачах Комиссии по изучению производительных сил России. – Пг., 1915. – 17 с.
32. Вернадский В.И. О сборнике «Естественные производительные силы России» // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. № 2. – Пг., 1916, с. 26–29.
33. Вернадский В.И. Памяти князя Б.Б. Голицына и Л.А. Ячевского // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. № 5. – Пг., 1916, с. 85–87.
34. Вернадский В.И. Срочные задачи изучения руд редких металлов платиновой группы // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, 1916, № 5, с. 88–97.
35. Вернадский В.И. Аграрная проблема и научная исследовательская работа // Речь, 1917, 12(25) мая, № 110, с. 1–2.
36. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Русские ведомости, 1917, 22 июня (5 июля), № 140, с. 5, 23 июня (6 июля), № 141, с. 5
37. Вернадский В.И. Мир без аннексий // Речь, 1917, 14(27) марта, № 62, с. 2.

38. Вернадский В.И. Неотложное дело // Речь, 1917, 24 мая (6 июня), № 119, с. 2.
39. Вернадский В.И. Об автономии // Свободный народ, 1917, 4 июня, № 4.
40. Вернадский В.И. Об организации топографической съемки России // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 11, с. 843–849.
41. Вернадский В.И. Обязанность каждого // Речь, 1917, 3 мая, № 102, с. 2.
42. Вернадский В.И. О государственной сети исследовательских институтов // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8. К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917, с. 156–161.
43. Вернадский В.И. О сероводороде в известняках и доломитах // Известия Академии наук. 6 серия, 1917, т. 11, № 16, с. 1379–1388.
44. Вернадский В.И. Увеличение производительности труда // Речь, 1917, 25 мая (7 июня), № 120, с. 2.
45. Вернадский В.И. Опыт описательной минералогии. Т. 2. Сернистые и селенистые соединения. – Пг.: Изд-во АН, 1918. – Вып. 1. – 144 с.
46. Вернадский В.И. Записка об изучении живого вещества с геохимической точки зрения // Известия Российской академии наук, сер. 6, 1921, т. 15, № 1–18, с. 120–123.
47. Вернадский В.И. О задачах геохимического исследования Азовского моря и его бассейна // Известия РАН. 6 серия, 1921, т. 15, № 1–18, с. 99–109.
48. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – Пг.: Время, 1922. – 58 с.
49. Вернадский В.И. Химический состав живого вещества в связи с химией земной коры. – Пг.: Время, 1922. – 48 с.
50. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. 1922–1932 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, – 1940. – 250 с.
51. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии, 1944, т. 18, вып. 2, с. 113–120.
52. Вернадский В.И. Живое вещество. – М.: Наука, 1978. – 358 с.
53. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988. – 484 с.
54. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
55. Вернадский В.И. Об основаниях аграрной политики в России / публикация И.И. Мочалова // Вестник АН СССР, 1989, № 7, с. 108–109.
56. Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. – Киев: Наукова думка, 1994. – 271 с.
57. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1893–1900). – М.: Техносфера, 1994. – 368 с.
58. Вернадский В.И. Публицистические статьи / Составитель В.П. Волков. – М.: Наука, 1995. – 313 с.
59. Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. – Киев: Наукова думка, 1997. – 327 с.
60. Вернадский В.И. О задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил в деле организации специализированных исследовательских

институтов / публикация М.С. Бастраковой // Вопросы истории естествознания и техники, 1999, № 1, с. 161–165.

61. *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. – М.: Наука, 2001. – 456 с.

62. *Вернадский В.И.* Из воспоминаний // *В.И. Вернадский Труды по истории науки.* – М.: Наука, 2002, с. 366–387.

63. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1901–1908. – М.: Наука, 2003. – 295 с.

64. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940. – М.: Наука, 2007. – 299 с.

65. *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941: в 2 кн. Кн. 2: 1939–1941. – М.: Наука, 2008. – 295 с.

66. *Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 – август 1943. – М.: РОССПЭН, 2010. – 542 с.

67. *Вернадский В.И.* Наука в период войн и революций // *В.И. Вернадский Собрание сочинений: в 24 т. Т. 12. Организация науки / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов.* – М.: Наука, 2013, с. 51–60.

68. *Вернадский В.И.* Научное творчество и моральные ценности // *В.И. Вернадский Собрание сочинений: в 24 т. Т. 12. Организация науки / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов.* – М.: Наука, 2013, с. 44–51.

69. *Вернадский В.И.* Собрание сочинений: в 24 т. Т. 22. Дневники В.И. Вернадского (1940–1942 гг.) / Под ред. академика Э.М. Галимова. – М.: Наука, 2013. – 565 с.

70. В.И. Вернадский. «Я – неразрывная часть народа» (размышления по аграрному вопросу) / публикация И.И. Мочалова // Вестник АН СССР, 1989, № 7, с. 101–114.

71. В.І. Вернадський і Україна: з листування. Кн. 1: А–І [Електронне видання] / НАН України, Коміс. НАН України з наук. спадщини акад. В. І. Вернадського, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т архівознавства; авт. та упоряд.: С.М. Кіржаєв, К.Є. Новохатський, Л.М. Яременко [та ін.]; редкол.: А.Г. Загородній (голова), О.С. Онищенко (заст. голови) [та ін.]. – Текст і граф. дані. – Київ, 2018. – 572 с.

72. В.І. Вернадський і Україна: з листування. Кн. 2: К–Я. Офіційне. Родинне. [Електронне видання] / НАН України, Коміс. НАН України з наук. спадщини акад. В.І. Вернадського, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т архівознавства; авт. та упоряд.: С.М. Кіржаєв, К.Є. Новохатський, Л.М. Яременко [та ін.]; редкол.: А.Г. Загородній (голова), О.С. Онищенко (заст. голови) [та ін.]. – Текст і граф. дані. – Київ, 2019. – 1040 с.

73. *Винавер М.М.* Тактика Партии народной свободы. – Пг., 1917. – 15 с.

74. *Водовозов В.В.* Что такое мир без аннексий и контрибуций. – Пг.: Изд-во «Единение», 1917. – 29 с.

75. Воззвание Центрального комитета кадетской партии в связи с образованием Временного правительства, 3 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов. – М.: РГГУ, 1996, с. 196–197.

76. Воспоминания Прасковьи Кирилловны Казаковой о семье Вернадских // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. Вып. 21. – М.: НИА-Природа, 2012, с. 126–142.
77. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. Центральные государственные учреждения. – СПб: Наука, 2002. – 228 с.
78. *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
79. *Гинзбург И.И.* Фрагменты воспоминаний // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 11. Жизнь и творчество Владимира Ивановича Вернадского по воспоминаниям современников (к 100-летию со дня рождения). – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 46–49.
80. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 555 с.
81. *Гончаров Н.П.* Государственная организация аграрной науки в России (к 175-летию РАСХН) // Историко-биологические исследования, 2012, т. 4, № 3, с. 10–33.
82. *Гончаров Н.Н.* Заметки к несостоявшемуся юбилею РАСХН (ВАСХНИЛ) // Историко-биологические исследования, 2015, т. 7, № 3, с. 58–78.
83. *Горелова Л.Е.* История создания Московского научного института – вольной научной академии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 2017, 25 (4), с. 250–253.
84. *Горик А.В., Пятаченко В.И.* Тропой Вернадского на Бутовой горе // Ноосфера, 2003, № 16, с. 40–42.
85. *Горький М.* Свободная ассоциация положительных наук // Новая Жизнь, 1917, 30 мая (12 июня), № 35, с. 2.
86. Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. – М.: Наука, 1964. – 282 с.
87. *Горький М.* О М.М. Пришвине // Красная новь, 1926, № 12, с. 230–233.
88. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Том шестой. Письма 1907 – август 1908. – М.: Наука, 2000. – 622 с.
89. *Горький М.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 30. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955. – 819 с.
90. Государственный Совет Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917): в 2 томах. Том 2. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – 736 с.
91. Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Заседания 1–16 (20 февраля – 5 июня). Заседание 1. 20 февраля 1907 г. – СПб., 1907, с. 8.
92. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910–1911. Заседание 1–69 (15 октября 1910 г. – 28 мая 1911 г.). – СПб.: Государственная типография, 1911. – 2460 стлб.
93. Государственный совет Российской империи, 1906–1917. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – 343 с.

94. *Гримм Д.Д.* Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 272 с.
95. *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Публичная библиотека глазами современников (1917–1929). Хрестоматия. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. – 624 с.
96. Декларация правительства от 6-го мая // Революция 1917 года: (Хроника событий). Т. 2. Апрель – май. – М.-Пг.: Государственное издательство, 1923, с. 271–273.
97. Декрет об упразднении государственного совета и государственной канцелярии // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства, 1917, 15 декабря, № 33, с. 1.
98. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – XII+626 с.
99. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушении власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – Paris, 1921. – 184 с.
100. *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 376 с.
101. *Дмитриев С.Н.* Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921. От Первой мировой до красного террора и НЭПа. – М.: Вече, 2017. – 576 с.
102. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 440 с.
103. *Дьяченко Е.Д.* Информационно-библиотечный совет РАН: 100 лет служения Академии наук. 1911–2011. – СПб.: БАН, 2011. – 364 с.
104. *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе: Советская биология в 20–30-х годах. Вып. 1. – СПб., 1997, с. 27–85.
105. *Емельянова Е.А.* Письмо академика В.И. Вернадского по поводу состояния библиотеки Румянцевского музея // Вопросы истории естествознания и техники, 2017, т. 38, № 3, с. 583–587.
106. *Еремеева А.Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. – Краснодар: Платонов И., 2017. – 208 с.
107. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседание 14.04.1917 // Известия Геологического комитета, 1917 (1926), т. 36, с. 225–226.
108. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. Т. 1. – М.: Рос. политическая энциклопедия, 2013. – 559 с.
109. *Зайончковский П.А.* Государственный совет // Советская историческая энциклопедия: В т.: т. 4: Г–Д. – М.: Советская энциклопедия, 1963, стлб. 646–647.
110. Зарницы: сборник беллетристики, стихотворений, художественной критики, философских, социальных, политических, экономических и общественных статей. № 1. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. – 118+194 с.

111. *Земятченский П.А.* Поглотительные свойства русских глин. – Пг., 1919. – 67 с. (Материалы для изучения естественных производительных сил России; 27)
112. *Зернов М.С.* Общество Московского научного института в память 19 февраля 1861 года. – М., 1913. – 16 с.
113. *Золотарев Д.Я.* Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) // *Природа*, 1925, № 7–9, с. 201–206.
114. Избранные научные труды академика В.И. Вернадского. Том 2. Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Книга 1. Переписка. А–Г. – Киев, 2011. – 814 с.
115. Избранные научные труды академика В.И. Вернадского. Том 2. Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Книга 2. Переписка. Д–Я. Часть 1. Д–Н. – Киев, 2012. – 708 с.
116. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. 1. – Пг., 1917. – 12 с.
117. Известия Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. Вып. 1. – М., 1917. – 16 с.
118. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 4, с. 257–280.
119. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 6, с. 339–350.
120. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 9, с. 599–622.
121. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 11, с. 739–818.
122. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 13, с. 897–1006.
123. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Российской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 15, с. 1179–1230.
124. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Российской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 17, с. 1423–1454.
125. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Российской Академии наук. VI серия, 1918, т. XII, № 4, с. 157–184.
126. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. № 1. Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России. – Пг., 1917. – 12 с.
127. Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – 298 с.
128. И.П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 2: Павлов без ретуши. Мемуары С.В. Павловой, А.Ф. Павлова, М.К. Петровой. – СПб., 2004. – 815 с.
129. История политических партий России. – М.: Высшая школа, 1994. – 447 с.

130. *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. – СПб.: Феникс, 2006. – 248 с.
131. *Кигим С.Л.* На пути к ноосфере // Ноосфера, 2013, № 3, с. 66–71.
132. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. В двух книгах. Книга вторая. – М.: Наука, 1992. – 456 с.
133. *Кокошкин Ф.Ф.* Автономия и федерация. – Пг., 1917. – 30 с.
134. *Кокошкин Ф.Ф.* Республика. – Пг., 1917. – 23 с.
135. *Кокошкин Ф.Ф.* Учредительное собрание. – Пг., 1917. – 22 с.
136. *Колчинский Э.И.* Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник Российской академии наук, 2017, т. 87, № 2, с. 166–176.
137. *Колчинский Э.И.* Академия наук в турбулентном поле революций 1917 г. // Политическая концептология, 2018, № 2, с. 81–99.
138. *Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф.* Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. – СПб.: Скифия-принт, 2020. – 276 с.
139. *Кольцов А.В.* Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники, 1999, № 2, с. 128–139.
140. *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. – СПб.: Наука, 1999. – 182 с.
141. *Кольцов Н.К.* Организация клетки. Статья первая. Постановка проблемы // Природа, 1917, № 2, стлб. 191–212
142. *Костылева Е.Е.* О формах разъедания кристаллов топаза из Шайтанки на Урале // Известия Академии наук, 1917, т. 11, № 16, с. 1415–1421.
143. *Кулик Н.А.* Верхнемеловые отложения Печерского края // Известия Российской Академии наук, 1917, т. XI, № 16, с. 1389–1390.
144. *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. – М.: Современник, 1992. – 255 с.
145. *Курнаков Н.С.* Исследовательский институт физико-химического анализа // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8. К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917, с. 162–166.
146. *Ленин В.И.* Письма из далека. Письмо 2. Новое правительство и пролетариат // Большевик, 1924, № 3–4, 20 мая, с. 109–116.
147. *Леонова Л.С.* «Я не могу уйти в одну науку...». Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000. – 400 с.
148. *Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Т. 3.* – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 767 с.
149. *Летопись Российской Академии наук. В 4-х т. Т. IV. 1901–1934.* – СПб.: Наука, 2007. – 1051 с.
150. *Литературное наследство. Горький и советские писатели. Неизданная переписка, т. 70.* – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 736 с.
151. *Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание. В двух книгах. Кн. 2.* – М.: Наука, 1981. – 227 с.

152. *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 г. – Стокгольм – Берлин, 1921. – 86 с.
153. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. – М.: Викмо – Русский путь, 2008. – 400 с.
154. *Лукин А.Е.* Владимир Иванович Вернадский: жизнь, судьба, свершения // Геофизический журнал, 2015, т. 37, № 2, с. 95–134.
155. *Любименко В.Н.* Лекарственные и дубильные растения Таврической губернии. – Пг., 1918. – 43 с. (Материалы для изучения естественных производительных сил России; 21).
156. М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Том X, кн. 1. – М.: Наука, 1963. – 415 с.
157. М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Том X, кн. 2. – М.: Наука, 1965. – 502 с.
158. *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. – М.: Вече, 2006. – 576 с.
159. *Менделевич Г.А.* Из истории Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук // Вторая науч. конф. аспирантов и младших научных сотрудников: Сб. докл. – М.: Ин-т истории естествознания и техники, 1956, с. 49–57.
160. *Менделевич Г.А.* А.М. Горький и «Ассоциация для развития и распространения положительных наук» // Горьковские чтения: к 100-летию со дня рождения писателя. – М.: Наука, 1968, с. 310–320.
161. *Миц И.И.* История Великого Октября. В 3-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 930 с.
162. *Мичурин А.Н.* Анализ персонального состава Прогрессивного блока в Государственном совете в 1917 году // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки, 2012, № 3, с. 71–78.
163. *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. – М.: Наука, 1982. – 488 с.
164. *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 1, 1921, с. 70–96.
165. Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 года. Вып. 1. Петроград. – Пг., 1920. – 146 с.
166. *Недокучаев Н.* Ученый комитет Министерства земледелия в его прошлом, настоящем и будущем. – Пг., 1917. – 27 с.
167. Неизданный В.Г. Короленко: Публицистика. 1917–1918. – М.: Пашков дом, 2012. – 448 с.
168. *Ненадкевич К.А.* Висмутовые минералы Забайкалья // Известия Академии наук, 1917, т. 11, № 7, с. 447–454.
169. *Ненадкевич К.А.* О содержании H₂S в известняках и доломитах // Известия Российской Академии наук, 1917, т. XI, № 13, с. 1037–1040.
170. «Необходимо перестраивать организацию страны без резкой борьбы с правительственной машиной». Из переписки В.И. Вернадского. 1915–1917 гг. // Публикация В.П. Волкова // Исторический архив, 2004, № 3, с. 207–212.

171. *Несвіцький О.* Полтава у дні революції та в період смуту 1917–1922 рр. // Українська революція. 1917–1921. Полтавський вимір. Події. Постаті. Документи: У 3 кн. – Кн. 2: Документи. Матеріали. 1917–1918. – Полтава: «Полтавський літератор», 2017, с. 416–471.

172. *Никитенко С.М.* Научная и общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революционной эпохи 1905–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. исторических наук. – М., 2009. – 24 с.

173. *Никитенко С.М., Никитенко Н.И.* Активность В.И. Вернадского в ЦК кадетской партии в период с 1905 г. по 1917 г. (по протоколам ЦК) // Научная сессия МИФИ-2006. Т. 6. Проблемы университетского образования. Актуальные проблемы гуманитарных наук. – М.: МИФИ, 2006, с. 146–147.

174. *Никитин Е.И.* Максим Горький и Владимир Вернадский (к истории контактов) // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2008, т. 67, № 2, с. 12–21.

175. *Николаев А.Б.* Временный комитет Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008, с. 108–109.

176. *Никонов В.А.* Октябрь 1917. Кто был ничем, тот встанет всем. – М.: Издательство «Э», 2017. – 1184 с.

177. *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 320 с.

178. Обзор научно-издательской деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1920 / сост. Г.П. Блок. – Пг., 1920. – 120 с.

179. Объяснительная записка к законопроекту об учреждении Института для изучения платины и других благородных металлов (1 апреля 1918 г.) // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968, с. 136–139.

180. *Онищенко В.А., Конюк А.Е.* Культурно-просветительный центр «Дом-музей-усадьба академика В.И. Вернадского» в с. Яреськи Шишацкого района Полтавской области // Ноосфера, 2013, № 3, с. 43–47.

181. *Оноприенко В.* Власть и ученый. Владимир Вернадский: В оппозиции к власти; во власти; с властью, поддерживающей науку // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки, вип. 9. – Київ: ПУ НАНУ 2017, с. 45–62.

182. О преобразовании Ученого комитета Министерства земледелия в Сельскохозяйственный ученый комитет с Институтом опытной агрономии и о введении временного расписания должностей и окладов по сим учреждениям (В Государственную Думу) // [Журнал заседаний Ученого комитета. № 1645. 20 октября 1916 г.]. – Б.м.: [Министерство земледелия], 1916. – 44 с.

183. Организационный съезд Объединения (Ассоциации) Русских Естествоиспытателей и Врачей. Листовка. – М., 1917. – 3 с.

184. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). – Л.: Наука, 1968. – 419 с.

185. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1917 год. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 303 с.
186. От Временного правительства // Вестник Временного правительства, 1917, 3 сентября, № 145, с. 1.
187. От Временного правительства // Наша речь, 1917, 17 ноября, № 2, с. 3.
188. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд., доп. – Л.: Красная газета, 1927. – 248 с.
189. Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Императорской Академии наук, за 1916 год. Составлен секретарем Комиссии А.Е. Ферсманом. – Пг., 1917. – 52 с.
190. Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук, за 1917 год. Составлен секретарем А.Е. Ферсманом и Б.А. Линденером. Напечатано по распоряжению Российской Академии наук, февраль 1918 г. – Пг., 1918. – 59 с.
191. Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 г., составленный непременно секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. – Пг., 1917. – 437 с.
192. Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8. К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917. – С. 143–196.
193. Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1917 году. – Пг., 1919. – 411+III с.
194. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: конец XIX – начало XX в. – М.: Педагогика, 1991. – 448 с.
195. Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 3. – М.: Наука, 1967. – 743 с.
196. Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
197. Письма Я.В. Самойлова В.И. Вернадскому. 1897–1921 гг. К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского. – Киев: Информ.-аналит. агентство, 2013. – 378 с.
198. *Племб Ч.С.* Типы и породы сельскохозяйственных животных: Пер. с англ. – Пг., 1913. – VIII+559 с.
199. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. – СПб., 1898. – 1528 с.
200. Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях. Утв. 28 мая 1901 г. – СПб., 1905. – 8 с.
201. *Поспелов А.П.* Идея Института прикладной химии // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8. К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917, с. 177–183.
202. *Поспелов В.* Государственный институт опытной агрономии (бывший Сельскохозяйственный ученый комитет). – Пг., 1924. – 16 с.

203. Постановление Временного правительства «О роспуске Государственной Думы IV созыва» // Вестник Временного правительства, 1917, 17(30) октября, № 179, с. 1.
204. *Пригоровский М.М.* Огнеупорные глины Центральной России. – Пг., 1922. – 58 с. + 1 карта (Материалы для изучения естественных производительных сил России. Вып. 35).
205. Приказы по Министерству народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, 1917. Ч. 70. № 7–8. Июль-август, с. 59–60.
206. Приказы по Министерству народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, 1917. Ч. 71. № 10. Октябрь, с. 106, 110, 111.
207. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 368 с.
208. Протокол заседания Подкомиссии по солям, посвященного вопросу о рациональном использовании Сакского озера для соледобыывания и с лечебной целью, состоявшегося 30 января 1917 года // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 9. Напечатано по распоряжению Российской академии наук. Ноябрь 1917 г. – Пг., 1917, с. 199–205.
209. Протокол совместного заседания Комиссии и Военно-химического комитета 10 января 1917 г. // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8. К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917, с. 147–155.
210. Протоколы общих собраний РАН от 18 и 21 ноября 1917 // Память. Исторический сборник. Выпуск 4. – М.-Париж: YMCA-Press, 1981, с. 463–466.
211. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 590 с.
212. *Псянчин А.В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнокартографии к переписи населения. – Уфа: Гилем, 2010. – 43 с.
213. Публичная библиотека в 1917 г. (хроника событий) // https://nlr.ru/history_nlr/RA2744/publichnaya-biblioteka-1917.
214. *Райкова И.А.* Кендырь. – М., 1919. – 35 с. (Материалы для изучения естественных производительных сил России; 23).
215. *Раскин Д.И.* Состав и структура высших и центральных учреждений Российской империи в политике Временного правительства // Петербургский исторический журнал, 2018, № 1, с. 104–116.
216. *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990. – 319 с.

217. Резолюции VII делегатского съезда Партии народной свободы 25–28 марта 1917 г. в Петрограде. – Казань, 1917. – 34 с.

218. Резолюция VIII делегатского съезда Партии народной свободы (9/12 мая 1917 г. в Петрограде). – Пг., 1917. – 15 с.

219. *Ренц-Здравомыслова С.В.* Владимир Иванович и книги // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 11. Жизнь и творчество Владимира Ивановича Вернадского по воспоминаниям современников (к 100-летию со дня рождения). – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 78–80.

220. Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9-го и 16-го апреля в Петрограде и 11-го мая в Москве / Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук. – Пг.: тип. изд-ва «Парус», 1917. – 80 с.

221. *Рид Джон* Десять дней, которые потрясли мир: Пер. с англ. Издание третье. – М.-Л.: Государственное издательство, 1929. – 376 с.

222. *Рклицкий М.В.* Земля и земельные отношения в Полтавщине: Статистические заметки по земельному вопросу. – Полтава, 1917. – 54 с.

223. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). – М.: Издательство «Индрик», 2004. – 432 с.

224. «“Род учёных” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг.). Вступ. ст., публ. и прим. Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии, 2015, вып. 3 (11), с. 100–199.

225. *Рыкачев М.А.* Александр Викентьевич Клоссовский. Некролог // Известия Академии наук, 1917, т. 11, № 8, с. 459–466.

226. *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). – М.: Книга, 1990. – 400 с.

227. *Самойлов Я.В., Титов А.Г.* Железомарганцевые конкреции со дна Черного, Балтийского и Баренцева морей // Труды Геологического и минералогического музея имени Петра Великого. Т. 3. 1917–1918. Вып. 2. – Пг., 1922, с. 25–112.

228. Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. – Пермь, 1918. – III+184 с.

229. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. – СПб., 1889. – VIII+109 с.

230. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 года. – СПб., 1907. – IX+283 с.

231. *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.). – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 227 с.

232. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). – Пг., 1914. – VII+397+61+ VII с.

233. Сельскохозяйственный ученый комитет // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь. – СПб.: Нестор-История, 2011, с. 420–421.
234. Сельскохозяйственный ученый комитет. Краткий очерк его деятельности и задач. – М.-Пг.-Киев: Изд. отдел НКЗ, 1919. – 63 с.
235. Синельникова Е.Ф. Научные общества Петрограда и революция 1917 года // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1, с. 20–38.
236. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 624 с.
237. Соболев В.С. Ученый и революция (неизвестная статья академика М.И. Ростовцева 1917 г.) // Социология науки и технологий, 2017, т. 8, № 1, с. 9–15.
238. Соколов А.М., Ферсман А.Е. Докладная записка по вопросу об организации Центральной испытательной станции по огнеупорным и глиняным материалам // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8. К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917, с. 187–195.
239. Солдатские письма 1917 года // Память. Исторический сборник. Выпуск 4. – М.-Париж: УМСА-Press, 1981, с. 341–352.
240. [Сообщение академика В.И. Вернадского о работах, связанных с изучением влияния организмов на химические процессы земной поверхности] / Извлечение из протоколов заседаний Академии. Отделение физико-математических наук, 20 января 1921 года // Известия Российской АН, сер. 6, 1921, т. 15, № 1–18, с. 94–97.
241. Спекторский Е.В. Либерализм // Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. – М.: Вече, 2012, с. 409–423.
242. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. – Пг., 1917. – 878 с.
243. Стогов Д.И. «Украинский вопрос» на страницах газеты «Южный край» (март – октябрь 1917 г.) // Русин, 2020, № 62, с. 73–87.
244. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М.: Наука, 1981. – 349 с.
245. Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Второе издание. – Paris: Умска-Press, 1967, с. 285–306.
246. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. – М.: Политиздат, 1991. – 383 с.
247. Суцинский П.П. Заметка о геологическом строении и минералах Шерловой горы в Забайкальской области // Известия Академии наук, 1917, т. 11, № 8, с. 507–520.
248. Суцинский П.П. Заметка о геологическом строении некоторых новых месторождений вольфрамита в южном Забайкалье // Известия Академии наук, 1917, т. 11, № 8, с. 567–590.
249. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 831 с.

250. Телеграмма выборных членов Госуд[арственного] Совета 28 февраля 1917 г. // Красный архив, 1927, т. 2 (21), с. 18.
251. Телеграмма царю членов Государственного Совета в ночь на 28 февраля // Киевлянин, 1917, 4 марта, суббота. № 63, с. 2.
252. Телеграмма царю членов Государственного Совета в ночь на 28 февраля // Ревельское слово, 1917, 3 (16) марта, пятница.
253. *Тункина И.В.* Академия наук в 1917 году // Вестник Российской академии наук, 2018, том 88, № 5, с. 410–415.
254. 1917 год в Пермской губернии: сб. документов. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2007. – 220 с.+32 с. ил.
255. Указы Временного правительства Правительствующему сенату // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, 1917. Ч. 71. № 9. Сентябрь, с. 4.
256. Указы Временного правительства Правительствующему сенату // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, 1917. Ч. 71. № 10. Октябрь, с. 51–52.
257. *Ульянкина Т.И.* Этот неизвестный известный Иван Манухин // Вопросы истории естествознания и техники, 1993, № 3, с. 45–62.
258. Устав Общества Московского научного института: (В память 19 февраля 1861 г.). – М., 1912. – 14 с.
259. Устав Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук. – Петроград, 1917. – 15 с.
260. Устав промышленного и торгового товарищества «Владимир Алексеев». – М., 1896. – 31 с.
261. Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. – 353 с.
262. *Федоренко Н.В.* К юбилею Института по изучению платины и других благородных металлов // Вопросы истории естествознания и техники, 2009, № 2, с. 99–107.
263. *Ферсман А.Е.* Время. – Пг.: Время, 1922. – 72 с.
264. *Ферсман А.Е.* Химия мироздания. – Пг.: Время, 1923. – 68 с.
265. *Федоров В.А.* Государственный совет // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 1.: А–Д. – М.: Бол. Российская энциклопедия, 1994, с. 619–620.
266. *Федоров Е.С.* Применение начал новой геометрии к кристаллооптике // Известия Российской Академии наук. VI серия, 1917, т. XI, № 14, с. 1141–1166.
267. *Флеер М.* Временное правительство после Октября // Красный архив. Исторический журнал, 1924, № 6, с. 195–221.
268. Хроника академической жизни в 1917 году // <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/751/?ysclid=lf130tvuty456347092>.
269. Хроника. В учебных заведениях. В Академии наук // Новое время, 1917, среда, 8 (21) марта, № 14721, с. 6.
270. *Чугаев Л.А.* О мерах к содействию исследованиям по чистой и прикладной химии в России // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. 1917 г. № 8.

К вопросу об организации в России исследовательских институтов. – Пг., 1917, с. 166–172.

271. *Чугаев Л.А.* О необходимости учреждения Института для изучения платины, золота и других благородных металлов // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, 1917, № 8, с. 173–177.

272. *Церетели И.Г.* Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917–1918. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 255 с.

273. *Шаховская А.Д.* Хроника большой жизни // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Том 15. – М.: Молодая гвардия, 1988, с. 33–85.

274. *Шевцов А.В.* Издательская деятельность кадетской партии (1905 – середина 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. филологических наук. – СПб., 1993. – 17 с.

275. *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 863 с.

276. *Ширина Д.А.* Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 272 с.

277. *Щеглов В.Г.* Государственный совет в царствование Императора Александра Первого. Историко-юридическое исследование. Т. 2. Вып. 1. – Ярославль, 1895. – III+V+501 с.

278. *Щеглов В.Г.* Государственный совет в России. – М., 1904. – 39 с.

279. *Щербаков Д.И.* Из истории Комиссии по изучению естественных производительных сил России // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 11. Жизнь и творчество Владимира Ивановича Вернадского по воспоминаниям современников (к 100-летию со дня рождения). – М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 35–45.

280. *Эдельштейн Я.С.* Гидрогеологическое исследование (изучение подземных и родниковых вод) Славяносербского уезда Екатеринославской губ. С приложением заметки о полезных ископаемых. Вып. 1–2. – Харьков, 1895–1896. – 309 с.

281. *Юртаева Е.А.* Государственный совет в России. 1906–1917 гг. – М.: URSS, 2011. – 204 с.

282. *Юрьев А.И.* Подготовка и проведение Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (4–28 мая 1917 года) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки», 2015, № 1, с. 30–32.

283. *Янин Е.П.* Очерки жизни и деятельности академика В.И. Вернадского. – М.: ГЕОХИ РАН, 2018. – 179 с.

284. *Янин Е.П.* Юрий Крижанич и его учение о природопользовании и развитии горного дела в России. – М.: ИМГРЭ, 2002. – 79 с.

285. *Янин Е.П.* Основные положения учения академика В.И. Вернадского о живом веществе // Энергия: экономика, техника, экология, 2020, № 5, с. 46–55.

286. *Янин Е.П.* В.И. Вернадский о биогенной миграции химических элементов // Энергия: экономика, техника, экология, 2021, № 4, с. 11–19.

287. Янин Е.П. Платиновые металлы в окружающей среде (эколого-геохимические аспекты). – М.: НП «АРСО», 2021. – 232 с.
288. Янин Е.П. Академик В.И. Вернадский и его роль в изучении металлов платиновой группы // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов, 2022, № 5, с. 9–27.
289. Янин Е.П. Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. История и судьба сборника «Живое вещество». – М.: НП «АРСО», 2022. – 371 с.
290. Янин Е.П. Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Переписка с А.И. Яковлевым. – М.: НП «АРСО», 2023. – 412 с.
291. Янин Е.П. О первых работах В.И. Вернадского по изучению геологической роли живого вещества // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2023, № 8, с. 3–12.
292. Янин Е.П. О предшественниках учения о живом веществе и его геологической роли // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2023, № 8, с. 13–24.
293. Янин Е.П. Учение В.И. Вернадского о живом веществе и биогенной миграции химических элементов // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2023, № 6, с. 3–48.
294. Ярошевский К.Ф. Учебник минералогии. Руководство для средних учебных заведений с реальным курсом. – М., 1887. – XI+223 с.

Содержание

От автора	4
В Государственном совете Российской империи	8
Конституционно-демократическая партия	29
Научная и организационная деятельность в Академии наук.....	65
Свободная Ассоциация для развития и распространения положи- тельных наук	130
Сельскохозяйственный ученый комитет	145
Шишаки. Полтавская губерния (июль – начало августа 1917 г.)	165
В Министерстве народного просвещения Временного правительства	186
Полтава (ноябрь – декабрь 1917 г.)	232
Литература	246

Евгений Петрович Янин

Академик В.И. Вернадский в 1917 году

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».

143405, Московская область, г. Красногорск,

Коммунальный квартал, дом 2.

Заказ № 3017.

Формат 60х90/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,5.

ISBN 978-5-6050678-2-5

9 785605 067825 >